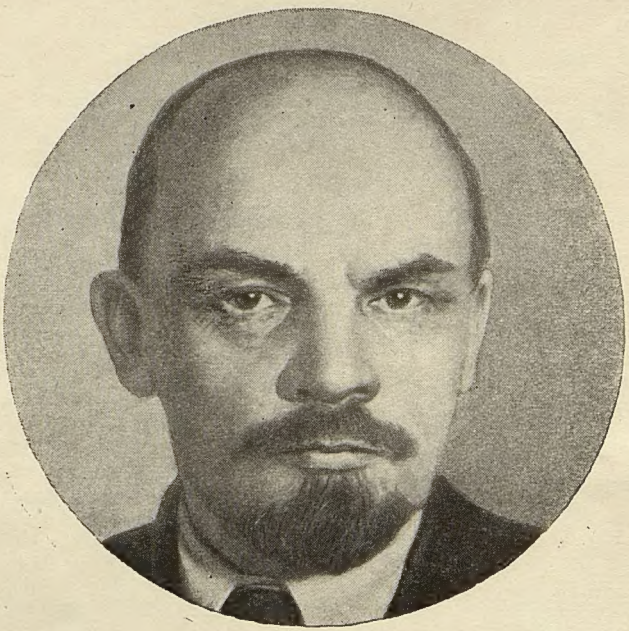
В. И. ЛЕНИН

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕД 133
0841

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



В. И. ЛЕНИН

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

ЕД133
0841

4-й экз.

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) • 1937

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2010

ЕД133
0841

237529
85-5
37

ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА

ПЕРВЫЙ ЭТАП ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Первая революция, порожденная всемирной империалистской войной, разразилась. Эта первая революция, наверное, не будет последней.

Первый этап этой первой революции, именно *русской* революции 1 марта 1917 года, судя по скудным данным, имеющимся в распоряжении пишущего эти строки в Швейцарии, закончился. Этот первый этап, наверное, не будет последним этапом нашей революции.

Как могло случиться такое «чудо», что всего в 8 дней—срок, указанный г. Милюковым в его хвастливой телеграмме всем представителям России за границей,—развалилась монархия, державшаяся веками и в течение трех лет величайших, всенародных классовых битв 1905—1907 годов, удержавшаяся несмотря ни на что?

* *Письма из далека*, пять писем, были написаны В. И. Лениным в Швейцарии между 20 (7) марта и 8 апреля (26 марта) 1917 г. До Петрограда дошло только первое письмо под заглавием: «Первый этап первой революции». Оно было напечатано в «Правде» в №№ 14 и 15. *Ред.*

Чудес в природе и в истории не бывает, но всякий крутой поворот истории, в том числе всякая революция, дает такое богатство содержания, развертывает такие неожиданно-своеобразные сочетания форм борьбы и соотношения сил борющихся, что для обывательского разума многое должно казаться чудом.

Для того чтобы царская монархия могла развалиться в несколько дней, необходимо было сочетание целого ряда условий всемирно-исторической важности. Укажем главные из них.

Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее *начального* этапа, в несколько дней, вторая революция. Первая (1905 г.) глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу—и всему миру—*все* классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей. Первая революция и следующая за ней контр-революционная эпоха (1907—1914) обнажила всю суть царской монархии, довела ее до «последней черты», раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверства семьи Романовых, этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих «первых среди равных» *помещиков, владеющих миллионами* десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей *и своего класса* «священной собственности».

Без революции 1905—1907 годов, без контр-революю-

ции 1907—1914 годов невозможно было бы такое точное «самоопределение» всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в восемь дней февральско-мартовской революции 1917 года. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепенных репетиций; «актеры» знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия.

Но если первая, великая революция 1905-го года, осужденная, как «великий мятеж», господами Гучковыми и Милюковыми с их прихвостнями, через 12 лет привела к «блестящей» «славной революции» 1917-го года, которую Гучковы и Милюковы объявляют «славной», ибо она *(пока)* дала им власть,—то необходим был еще великий, могучий, всесильный «режиссер», который, с одной стороны, в состоянии был ускорить в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой стороны—породить невиданной силы всемирные кризисы, экономические, политические, национальные и интернациональные Кроме необыкновенного ускорения всемирной истории, нужны были особо крутые повороты ее, чтобы на одном из таких поворотов телега залитой кровью и грязью Романовской монархии могла опрокинуться *сразу*.

Этим всесильным «режиссером», этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистская война.

Теперь уже бесспорно, что она—всемирная, ибо С. Штаты и Китай наполовину втянуты уже в нее сегодня, будут вполне втянуты завтра.

Теперь уже бесспорно, что она империалистическая с *обеих* сторон. Только капиталисты и их прихвостни,

социал-патриоты и социал-шовинисты,—могут отрицать или затушевывать этот факт. Войну ведет *и* германская, *и* англо-французская буржуазия из-за грабежа чужих стран, из-за удушения малых народов, из-за финансового господства над миром, из-за раздела и передела колоний, из-за спасения гибнущего капиталистического строя путем одурачения и разъединения рабочих разных стран.

Империалистская война с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна превратиться в гражданскую войну между враждебными классами.

Это *превращение начато* февральско-мартовской революцией 1917 года, первый этап которой показал нам, во-1-х, совместный удар царизму, нанесенный двумя силами: всей буржуазной и помещичьей Россией со всеми ее бессознательными прихвостнями и со всеми ее сознательными руководителями в лице англо-французских послов и капиталистов, с одной стороны, и *Советом Рабочих и Солдатских Депутатов*—с другой.

Эти три политических лагеря, три основные политические силы: 1) царская монархия, глава крепостников-помещиков, глава старого чиновничества и генералитета; 2) буржуазная и помещичья октябристско-кадетская Россия, за которой плелась мелкая буржуазия; 3) Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, ищущий себе союзников во всем пролетариате и во всей массе беднейшего населения,—эти три *основные* политические силы с полнейшей ясностью обнаружили себя даже в 8 дней «первого этапа», даже для такого отдаленного от событий, вынужденного ограничиться скудными телеграммами заграничных газет, наблюдателя, как пишущий эти строки.

Но прежде чем подробнее говорить об этом, я должен

вернуться к той части своего письма, которая посвящена фактору первейшей силы—всемирной империалистской войне.

Война связала воюющие державы, воюющие группы капиталистов, «хозяев» капиталистического строя, рабовладельцев капиталистического рабства, *железными цепями* друг с другом. *Один кровавый комок*—вот что такое общественно-политическая жизнь переживаемого нами исторического момента.

Социалисты, перешедшие на сторону буржуазии в начале войны, все эти Давиды и Шейдеманы в Германии, Плехановы, Потресовы, Гвоздевы и К⁰ в России, кричали долго и во все горло против «иллюзий» революционеров, против «иллюзий» Базельского манифеста, против «грезофарса» превращения империалистской войны в гражданскую. Они воспевали на все лады обнаруженную будто бы капитализмом силу, живучесть, приспособляемость,—*они*, помогавшие капиталистам «приспособлять», приручать, одурачивать, разъединять рабочие классы разных стран!

Но «хорошо посмеется тот, кто будет смеяться последним». Не надолго удалось буржуазии оттянуть революционный кризис, порожденный войной. Он растет с неудержимой силой во всех странах, начиная от Германии, которая переживает, по выражению одного посетившего ее недавно наблюдателя, «гениально организованный голод», кончая Англией и Францией, где *голод* надвигается *тоже* и где организация гораздо менее «гениальна».

Естественно, что в царской России, где дезорганизация была самая чудовищная и где пролетариат самый революционный (не благодаря особым его качествам, а благодаря живым традициям «пятого года»),—революционный кризис разразился *раньше всего*. Этот кризис был ускорен рядом самых тяжелых поражений, которые

нанесены были России и ее союзникам. Поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него *все* классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелко-буржуазным.

Но если поражения в войне сыграли роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв, то *связь* англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис.

Эту сторону дела, чрезвычайно важную, замалчивает по понятным причинам англо-французская пресса и злорадно подчеркивает немецкая. Мы, марксисты, должны трезво глядеть правде в глаза, не смущаясь ни ложью казенной, слащаво-дипломатической ложью дипломатов и министров первой воюющей группы империалистов, ни подмигиванием и хихиканием их финансовых и военных конкурентов другой воюющей группы. Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать «сепаратным» соглашениям и сепаратному миру Николая Второго (но будем надеяться и добиваться этого—последнего) с Вильгельмом II, непосредственно стремились к *смещению* Николая Романова.

Не будем делать себе иллюзий.

Если революция победила так скоро и так—по внешности, на первый поверхностный взгляд—«радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно «дружно» слились, *совершенно различные* потоки, *совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно*

противоположные политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К⁰ к захвату власти *в интересах продолжения империалистской войны,* в интересах еще более ярого и упорного ведения ее, в интересах *избиения новых миллионов* рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это—с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за *хлеб*, за *мир*, за *настоящую свободу.*

Революционные рабочие и солдаты разрушили до основания гнусную царскую *монархию,* не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные, короткие, исключительные по конъюнктуре исторические моменты *на помощь им* приходит борьба Бьюкэнена, Гучкова, Милюкова и К⁰, желавших только смены одного монарха *другим.*

Так и только так было дело. Так и только так может смотреть политик, не боящийся правды, трезво взвешивающий соотношение общественных сил в революции, оценивающий всякий «текущий момент» не только с точки зрения всей его данной, сегодняшней, оригинальности, но и с точки зрения более глубоких пружин, более глубокого соотношения интересов пролетариата и буржуазии как в России, так и во всем мире.

Питерские рабочие и солдаты, как и рабочие и солдаты всей России, самоотверженно бились против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, *за мир* против империалистской бойни. Англо-французский империалистский капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор, подстрекал и обнадеживал Гучковых и

Милюковых, подстраивал *совсем готовое новое правительство,* которое и *захватило власть* после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму.

Это правительство не случайное сборище лиц.

Это—представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, который давно *правит* нашей страной экономически и который, как за время революции 1905—1907 годов, так и за время контр-революции 1907—1914 годов, как наконец—и притом с особенной быстротой—за время войны 1914—1917 годов, чрезвычайно быстро организовывался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты, и т. д. Этот новый класс «почти совсем» был уже *у* власти к 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии. Империалистская война, требуя неимоверного напряжения сил, так ускорила ход развития отсталой России, что мы «сразу» (на деле *как будто бы* сразу) *догнали* Италию, Англию, почти Францию, получили «коалиционное», «национальное» (т.-е. приспособленное для ведения империалистской бойни и для надувания народа) «парламентское» правительство.

Рядом с этим правительством,—в сущности, простым приказчиком миллиардных «фирм»: «Англия и Франция», с точки зрения *данной* войны,—возникло новое, неофициальное, неразвитое, еще сравнительно слабое *рабочее правительство,* выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это—*Совет Рабочих и Солдатских Депутатов* в Питере.

Таково *действительное* политическое положение, которое мы прежде всего должны стараться установить

с наибольшей возможной объективной точностью, чтобы основать марксистскую тактику на единственно прочном фундаменте, на котором она должна основываться, на фундаменте *фактов*.

Царская монархия разбита, но еще не добита.

Октябристско-кадетское, буржуазное правительство, желающее вести «до конца» империалистическую войну, на деле приказчик финансовой фирмы «Англия и Франция», *вынужденное обещать* народу *максимум* свобод и подачек, совместимых с тем, чтобы это правительство сохранило свою власть над народом и возможность продолжать империалистскую бойню.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов—зародыш рабочего правительства, представитель интересов всех *беднейших* масс населения, т.-е. девяти десятых населения, добивающийся *мира, хлеба, свободы.*

Борьба этих трех сил определяет положение, создавшееся теперь и являющееся *переходным* от первого ко второму этапу революции.

Для действительной борьбы против царской монархии, для действительного обеспечения свободы, не на словах только, не в посулах краснобаев либерализма, *не* рабочие должны поддержать новое правительство, а это правительство должно «поддержать» рабочих! Ибо единственная *гарантия* свободы и разрушения царизма до конца есть *вооружение пролетариата,* укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Все остальное фраза и ложь, самообман политиканов либерального и радикального лагеря.

Помогите вооружению рабочих или хоть не мешайте этому делу—и свобода в России будет непобедима, монархия невосстановима, республика обеспечена.

Иначе народ будет обманут. Обещания дешевы. Обе-

щания ничего не стоят. Обещаниями «кормили» народ и одурачивали рабочих все буржуазные политиканы во *всех* буржуазных революциях.

Наша революция буржуазная, *поэтому* рабочие должны поддерживать буржуазию,—говорят никуда негодные политики из лагеря ликвидаторов.

Наша революция буржуазная,—говорим мы, марксисты,—*поэтому* рабочие должны раскрывать глаза народу на обман буржуазных политиканов, учить его не верить словам, полагаться только на *свои* силы, на *свою* организацию, на *свое* объединение, на *свое* вооружение.

Правительство октябристов и кадетов, Гучковых и Милюковых, *не может*—даже если бы они искренно хотели этого—дать ни *мира*, ни *хлеба*, ни *свободы*.

Мира—потому, что оно есть правительство войны, правительство продолжения империалистской бойни, правительство *захвата*, покуда еще не отказавшееся ни звуком от царистской политики захвата Армении, Галиции, Турции, отнятия Константинополя, нового завоевания Польши, Курляндии, Литовского края и т. д. Это правительство связано по рукам и ногам англо-французским империалистским капиталом. Русский капитал есть лишь отделение всемирной «фирмы», ворочающей *сотнями миллиардов* рублей и носящей название: «Англия и Франция».

Хлеба—потому, что это правительство буржуазное. В *лучшем* случае оно даст народу, как дала Германия, «гениально организованный голод». Но народ не будет терпеть голода. Народ узнает и, вероятно, скоро узнает, что хлеб есть и может быть получен, но не иначе как путем мер, *непреклоняющихся перед святостью капитала и землевладения*.

Свободы—потому, что это правительство помещичье-капиталистическое, *боящееся* народа.

О тактических задачах нашего ближайшего поведения по отношению к этому правительству мы поговорим в другой статье. Там мы покажем, в чем своеобразие текущего момента—*перехода* от первого к второму этапу революции, почему лозунгом, «задачей дня» в *этот* момент должно быть: *рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции.*

Ограничиваясь *теперь* анализом классовой борьбы и соотношения классовых сил на данном этапе революции, мы должны еще поставить вопрос: каковы *союзники* пролетариата в *данной* революции?

У него *два* союзника: во-первых, широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая масса полупролетарского и, частью, мелкокрестьянского населения в России. Этой массе *необходим* мир, хлеб, свобода, земля. Эта масса неизбежно будет находиться под известным влиянием буржуазии, и особенно мелкой буржуазии, к которой она всего ближе подходит по своим жизненным условиям, колеблясь между буржуазией и пролетариатом. Жестокие уроки войны, которые будут *тем более* жестокими, чем энергичнее поведут войну Гучков, Львов, Милюков и К⁰, неизбежно будут толкать эту массу к пролетариату, вынуждать ее идти за ним. Эту массу мы должны теперь, пользуясь свободой нового порядка и Советами Рабочих и Солдатских Депутатов, стараться *просветить* и *организовать* прежде всего и больше всего. Советы крестьянских депутатов, советы сельскохозяйственных рабочих—вот одна из насущнейших задач. Наши стремления будут состоять при этом не только в том, чтобы сельско-хозяйственные рабочие выделяли свои особые советы, но и чтобы неимущие и беднейшие

237529

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)

крестьяне организовались *отдельно* от зажиточных крестьян. Об особых задачах и особых формах насущно-необходимой теперь организации в следующем письме.

Во-вторых, союзник русского пролетариата есть пролетариат *всех* воюющих и всех вообще стран. Он в значительной степени придавлен войной сейчас, и от имени его слишком часто говорят перешедшие и в Европе, как Плеханов, Гвоздев, Потресов в России, на сторону буржуазии социал-шовинисты. Но освобождение пролетариата из-под их влияния шло вперед с каждым месяцем империалистской войны, а русская революция *неизбежно* ускорит этот процесс в громадных размерах.

С этими двумя союзниками пролетариат России может пойти и пойдет, *используя особенности* теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьянства над помещиками, а затем к *социализму*, который один даст измученным войной народам ***мир, хлеб*** и ***свободу.***

Печатается по тексту 2 и 3-го изд. Сочинений, т. XX, стр. 13—20.

О ЗАДАЧАХ ПРОЛЕТАРИАТА В ДАННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата.

Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе и *добросовестным* оппонентам, было изготовление *письменных* тезисов. Я прочел их и передал их текст тов. Церетели. Читал я их очень медленно и *дважды:* сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков, и меньшевиков.

ТЕЗИСЫ

Печатаю эти мои личные тезисы, снабженные лишь самыми краткими пояснительными примечаниями, которые гораздо подробнее были развиты в докладе:

1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К⁰ безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный про-

летариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

В виду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, в виду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром *нельзя* без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братанье.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,—*ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному Правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, осо-

бенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве Советов Рабочих Депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед *блоком всех* мелко-буржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов от Н.-С., С.-Р. до О. К. (Чхеидзе, Церетели и пр.), Стеклова и пр. и пр.

Разъяснение массам, что С. Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам Рабочих Депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентарная республика,—возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад,—а республика Советов Рабочих, Батрацких и Крестьянских Депутатов по всей стране, снизу до верху.

Устранение полиции, армии, чиновничества*.

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Сов. Батр. Депутатов.

* Т.-е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными Сов. Батр. и Крест. Депутатов. Выделение Советов Депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем Батр. Депутатов и на общественный счет.

7. Слияние немедленное всех банков страны в один обще-национальный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д.

8. Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи:

а) немедленный съезд партии;

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистской войне,

2) об отношении к государству и *наше* требование «государства-коммуны*».

3) исправление отсталой программы-минимум;

в) перемена названия партии **.

10. Обновление Интернационала.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против *социал-шовинистов* и против «центра» ***.

* Т.-е. такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна.

** Вместо «социал-демократии», официальные вожди которой во *всем* мире предали социализм, перейдя к буржуазии («оборонцы» и колеблющиеся «каутскианцы»), надо назваться *Коммунистической Партией*.

*** «Центром» называется в международной социал-демократии течение, колеблющееся между шовинистами (= «оборонца-

Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, «случай» добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее возражение господина Гольденберга: Лениным «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии» (цитировано в «Единстве»[1] г-на Плеханова, № 5).

Не правда ли, перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: «в виду несомненной добросовестности *широких* слоев *массовых* представителей революционного оборончества... в виду их обмана буржуазией, надо *особенно* обстоятельно, настойчиво, *терпеливо* разъяснять им их ошибку»...

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, *не* принадлежащие ни к *широким* слоям, ни к *массовым* представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: «водружено (!) знамя (!) гражданской войны» (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!) «в среде (!!) революционной демократии»...

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от «Русской Воли»?

Я пишу, читаю, разжевываю: «Советы Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства, и поэтому нашей задачей может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс *разъяснение* ошибок их тактики»...

А оппоненты известного сорта излагают мои взгляды, как призыв к «гражданской войне в среде революционной демократии»!!

ми») и интернационалистами, именно: Каутский и К⁰ в Германии, Лонгэ и К⁰ во Франции, Чхеидзе и К⁰ в России, Турати и К⁰ в Италии, Макдональд и К⁰ в Англии и т. д.

Я нападал на Вр. Правительство за то, что оно *не* назначало ни скорого, ни вообще какого-либо срока созыва Учр. Собрания, отделываясь посулами. Я доказывал, что *без* Советов Р. и С. Деп. созыв Учр. Собрания не обеспечен, успех его невозможен.

Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учр. Собрания!!!

Я бы назвал это «бредовыми» выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение.

Г. Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «бреда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит.

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, *как* рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 гг. об опыте Парижской Коммуны и о том, *какое* государство пролетариату нужно?

Бывший марксист г. Плеханов не желает, вероятно, вспоминать о марксизме.

Я цитировал слова Розы Люксембург, назвавшей 4 августа 1914 г.[2] *германскую* социал-демократию «смердящим трупом». А гг. Плехановы, Гольденберги и К° «обижаются»... за кого?—за *германских* шовинистов, названных шовинистами!

Запутались бедные русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле.

«Правда» № 26, 20 (7) апреля 1917 г.
Подпись: Н. Ленин.

Печатается по тексту 2 и 3-го изд. Сочинений, т. XX, стр. 87—90.

О ДВОЕВЛАСТИИ

Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве. Без уяснения этого вопроса не может быть и речи ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею.

В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала *двоевластие*. Этот факт надо уяснить себе прежде всего; не поняв его, нельзя идти вперед. Старые «формулы», напр., большевизма надо уметь дополнить и исправить, ибо они, как оказалось, были верны в общем, но конкретное осуществление *оказалось* иное. О двоевластии *никто* раньше не думал и думать не мог.

В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным Правительством, правительством *буржуазии*, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее *другое правительство:* Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Каков классовый состав этого другого правительства? Пролетариат и крестьянство (одетое в солдатские мундиры). Каков политический характер этого правительства? Это—революционная диктатура, т.-е. власть, опи-

рающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, *не на закон,* изданный централизованной государственной властью. Это—власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентарной буржуазно-демократической республике обычного до сих пор, господствующего в передовых странах Европы и Америки, типа. Часто забывают это обстоятельство, часто не вдумываются в него, а в нем вся суть. *Эта* власть—власть *того же типа,* какого была Парижская Коммуна 1871 года. Основные признаки этого типа: 1) источник власти—не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой «захват», употребляя ходячее выражение; 2) замена полиции и армии, как отделенных от народа и противопоставленных народу учреждений, прямым вооружением всего народа; государственный, порядок при такой власти охраняют *сами* вооруженные рабочие и крестьяне, *сам* вооруженный народ; 3) чиновничество, бюрократия либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо по меньшей мере ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и в *сменяемых* по первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных; из привилегированного слоя с высокой, буржуазной, оплатой «местечек» превращаются в рабочих особого «рода оружия», оплачиваемых *не выше* обычной платы хорошего рабочего.

В этом и *только* в этом *суть* Парижской Коммуны, как особого типа государства. Эту суть забыли и исказили гг. Плехановы (прямые шовинисты, изменившие марксизму), Каутские (люди «центра», т.-е. колеблющиеся между шовинизмом и марксизмом) и все вообще господствующие ныне соц.-дем., соц.-рев. и т. под.

Отделываются фразами, отмалчиваются, увертываются, поздравляют тысячу раз друг друга с революцией, не

хотят *подумать* о том, *что такое* Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Не хотят видеть очевидной истины, что поскольку эти Советы существуют, *поскольку* они—власть, постольку в России существует государство *типа* Парижской Коммуны.

Я подчеркнул: «поскольку». Ибо это лишь зачаточная власть. Она сама и прямым соглашением с буржуазным Временным Правительством, и рядом фактических уступок *сдала и сдает* позиции буржуазии.

Почему? Потому ли, что Чхеидзе, Церетели, Стеклов и К⁰ делают «ошибку»? Пустяки. Так думать может обыватель, но не марксист. Причина—*недостаточная сознательность* и организованность пролетариев и крестьян. «Ошибка» названных вождей—в их мелко-буржуазной позиции, в том, что они *затемняют* сознание рабочих, а не проясняют его, *внушают* мелко-буржуазные иллюзии, а не опровергают их, *укрепляют* влияние буржуазии на массы, а не освобождают массы из-под этого влияния.

Отсюда должно уже быть ясно, почему так много ошибок делают и наши товарищи, ставя «просто» вопрос: надо ли тотчас свергнуть Временное Правительство?

Отвечаю: 1) его надо свергнуть—ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно *не может* дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы; 2) его нельзя сейчас свергнуть, ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим *соглашением* с Советами Рабочих Депутатов и главным Советом, Питерским, прежде всего; 3) его вообще нельзя «свергнуть» обычным способом, ибо оно опирается на «*поддержку*» буржуазии *вторым* правительством, Советом Рабочих Депутатов, а это правительство есть единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян. Выше, лучше такого типа правительства, как Со-

веты Рабочих, Батрацких, Крестьянских, Солдатских Депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знаем.

Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: *пока* нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы—марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелко-буржуазного угара, шовинизма-оборончества, фразы, зависимости от буржуазии.

Создадим пролетарскую коммунистическую партию; элементы ее лучшие сторонники большевизма уже создали; сплотимся для пролетарской классовой работы, и из пролетариев, из *беднейших* крестьян на нашу сторону будет становиться все большее и большее число. Ибо *жизнь* будет ежедневно разбивать мелко-буржуазные иллюзии «социал-демократов», Чхеидзе, Церетели, Стекловых и пр. «соц.-революционеров», мелких буржуа еще более «чистых», и пр., и пр.

Буржуазия за единовластие буржуазии.

Сознательные рабочие за единовластие Советов Раб., Батр., Кр. и Солд. Депутатов,—за единовластие, подготовленное *прояснением* пролетарского сознания, *освобождением* его от влияния буржуазии, а не авантюрами.

Мелкая буржуазия,—«соц.-дем.», с.-р. и пр. и пр.,—колеблется, *мешая* этому прояснению, этому освобождению.

Вот фактическое, *классовое*, соотношение сил, определяющее наши задачи.

«Правда» № 28, 22 (9) апреля 1917 г.
Подпись: Н. Ленин.

Печатается по тексту 2 и 3-го изд. Сочинений, т. XX, стр. 94—96.

ПИСЬМА О ТАКТИКЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

4-го апреля 1917 г. мне пришлось выступить в Питере с докладом на указанную в заглавии тему сначала на собрании большевиков. Это были делегаты Всероссийского Совещания Советов Р. и С. Деп., делегаты, которые должны были разъезжаться и поэтому никакой отсрочки дать мне не могли. По окончании собрания председатель его, т. Г. Зиновьев, предложил мне, от имени всего собрания, повторить мой доклад тотчас на собрании и большевистских, и меньшевистских делегатов, желавших обсудить вопрос об объединении Р. С.-Д. Р. Партии.

Как ни трудно мне было повторять немедленно мой доклад, я не счел себя в праве отказаться, раз этого требовали *и мои единомышленники,* и меньшевики, которые из-за отъезда действительно не могли дать мне отсрочки.

На докладе я прочел свои тезисы, опубликованные в № 26 «Правды» от 7 апреля 1917 года.

И тезисы и доклад мой вызвали разногласия в среде самих большевиков и самой редакции «Правды». После

ряда совещаний мы единогласно пришли к выводу, что всего целесообразнее *открыто* продискутировать эти разногласия, давая таким образом материал для собирающейся 20 апреля 1917 года всероссийской конференции нашей партии (Рос. С.-Д. Р. Партии, объединенной Ц. К-том) в Питере.

В исполнение этого постановления о дискуссии я и печатаю нижеследующие *письма*, не претендуя в них на *всестороннее* изучение вопроса, а желая лишь наметить главные доводы, особенно существенные для *практических* задач движения рабочего класса.

ОЦЕНКА МОМЕНТА

Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверимого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики.

«Наше учение не догма, а руководство для действия»— так говорили всегда Маркс и Энгельс, справедливо издевавшиеся над заучиванием и простым повторением «формул», способных в лучшем случае лишь намечать *общие* задачи, необходимо видоизменяемые *конкретной* экономической и политической обстановкой каждой особой *полосы* исторического процесса.

Какими же точно установленными, объективными *фактами* должна партия революционного пролетариата руководиться теперь для определения задач и форм своего действия?

И в своем первом «Письме из далека» («Первый этап первой революции»), напечатанном в «Правде», №№ 14

и 15, от 21 и 22 марта 1917 г. *, и в своих тезисах ** я определяю «своеобразие текущего момента в России», как полосы *перехода* от первого этапа революции ко второму. И поэтому основным лозунгом, «задачей дня» в *этот* момент я считал: «рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции» («Правда» № 15).

В чем же состоит первый этап?

В переходе государственной власти к буржуазии.

До февральско-мартовской революции 1917 года государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостнически-дворянски-помещичьего, возглавляемого Николаем Романовым.

После этой революции власть в руках *другого*, нового, класса, именно: *буржуазии*.

Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия.

Постольку буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России *закончена*.

Здесь мы слышим шум возражателей, охотно называющих себя «старыми большевиками»: разве не говорили мы всегда, что буржуазно-демократическую революцию заканчивает лишь «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»? разве аграрная революция, тоже буржуазно-демократическая, кончилась? разве не факт, наоборот, что она *еще не* началась?

Отвечаю: большевистские лозунги и идеи *в общем*

* См. наст. сборн., стр. 7. *Ред.*
** См. наст. сборн., стр. 19. *Ред.*

вполне подтверждены историей, но *конкретно* дела сложились *иначе*, чем мог (и кто бы то ни был) ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее.

Игнорировать, забывать этот факт значило бы уподобляться тем «старым большевикам», которые не раз уже играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно *заученную* формулу, вместо *изучения* своеобразия новой, живой действительности.

«Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» *уже* осуществилась* в русской революции, ибо эта «формула» предвидит лишь *соотношение классов*, а не *конкретное политическое учреждение, реализующее* это соотношение, это сотрудничество. «Совет Раб. и Солд. Депутатов»—вот вам уже осуществленная жизнью «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Эта формула уже устарела. Жизнь ввела ее из царства формул в царство действительности, облекла ее плотью и кровью, конкретизировала и *тем самым* видоизменила.

На очереди дня уже иная, новая задача: раскол пролетарских (антиоборонческих, интернационалистских, «коммунистских», стоящих за переход к коммуне) элементов *внутри* этой диктатуры и элементов *мелко-хозяйских* или *мелко-буржуазных* (Чхеидзе, Церетели, Стеклов, с.-р-ы и пр. и пр. революционные оборонцы, противники движения по пути к коммуне, сторонники «поддержки» буржуазии и буржуазного правительства).

Кто говорит *теперь* только о «револ.-демокр. диктатуре пролетариата и крестьянства», тот отстал от жизни, тот в силу этого *перешел* на деле к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы, того надо сдать

* В известной форме и до известной степени.

в архив «большевистских» дореволюционных редкостей (можно назвать: архив «старых большевиков»).

Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась, но чрезвычайно оригинально, с рядом в высшей степени важных видоизменений. О них я буду говорить особо, в одном из дальнейших писем. Теперь необходимо усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни.

«Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни».

Кто ставит вопрос о «законченности» буржуазной революции *по-старому*, тот приносит в жертву живой марксизм мертвой букве.

По-старому выходит: *за* господством буржуазии может и должно последовать господство пролетариата и крестьянства, их диктатура.

А в живой жизни *уже* вышло *иначе:* получилось чрезвычайно оригинальное, новое, невиданное, *переплетение того и другого.* Существует рядом, вместе, в одно и то же время *и* господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова), *и* революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, *добровольно* отдающая власть буржуазии, добровольно превращающаяся в придаток ее.

Ибо нельзя забывать, что фактически в Питере власть в руках рабочих и солдат; насилия над ними новое правительство *не* производит и не может произвести, ибо ни полиции, ни особой от народа армии, ни стоящего всесильно *над* народом чиновничества *нет*. Это факт. Это именно такой факт, который характерен для государ-

ства типа Парижской Коммуны. Этот факт не укладывается в старые схемы. Надо уметь приспособить схемы к жизни, а не повторять ставшие бессмысленными слова о «диктатуре пролетариата и крестьянства» *вообще*.

Подойдем к вопросу с другой стороны, чтобы лучше осветить его.

Марксист должен не сходить с точной почвы анализа классовых отношений. У власти буржуазия. А масса крестьян разве не составляет *тоже* буржуазии иного слоя, иного рода, иного характера? Откуда следует, что *этот* слой *не может* придти к власти, «завершая» буржуазно-демократическую революцию? Почему это невозможно?

Так рассуждают часто старые большевики.

Отвечаю—это вполне возможно. Но марксист в учете момента должен исходить *не* из возможного, а из действительного.

Действительность же показывает нам *факт*, что свободно избранные солдатские и крестьянские депутаты свободно входят во второе, побочное правительство, свободно дополняют, развивают, доделывают его И столь же свободно они *отдают* власть буржуазии—явление, ничуть не «нарушающее» теории марксизма, ибо мы всегда знали и многократно указывали, что буржуазия держится *не* только насилием, а также несознательностью, рутиной, забитостью, неорганизованностью масс.

И вот перед лицом этой действительности сегодняшнего дня прямо-таки смешно отворачиваться от факта и говорить о «возможностях».

Возможно, что крестьянство возьмет всю землю и всю власть. Я не только не забываю этой возможности, не ограничиваю своего кругозора одним сегодняшним днем, а прямо и точно формулирую аграрную программу с учетом *нового* явления: более глубокого раскола батраков и беднейших крестьян с крестьянами-хозяевами.

Но возможно и иное: возможно, что крестьяне послушают советов мелко-буржуазной партии с.-р., поддавшейся влиянию буржуа, перешедшей к оборончеству, советующей ждать до Учредительного Собрания, хотя до сих пор даже срок его созыва не назначен *!

Возможно, что крестьяне *сохранят* продолжат свою сделку с буржуазией, сделку, заключенную ими сейчас чрез посредство Советов Р. и С. Депутатов не только формально, но и фактически.

Возможно разное. Было бы глубочайшей ошибкой забывать об аграрном движении и аграрной программе. Но такой же ошибкой было бы забывать *действительность*, которая показывает нам *факт соглашения*—или, употребляя более точное, менее юридическое, более экономически-классовое выражение—факт *классового сотрудничества* буржуазии и крестьянства.

Когда этот факт перестанет быть фактом, когда крестьянство отделится от буржуазии, возьмет землю против нее, возьмет власть против нее,—тогда это будет новый этап буржуазно-демократической революции, и о нем будет идти речь особо.

Марксист, который, по случаю возможности такого будущего этапа, забывает свои обязанности *теперь*, когда крестьянство *соглашается* с буржуазией, превратился бы в мелкого буржуа. Ибо он на деле проповедывал бы пролетариату *доверие* к мелкой буржуазии («она, эта мелкая буржуазия, это крестьянство должно отделиться от буржуазии еще в пределах буржуазно-демократиче-

* Чтобы моих слов не перетолковали, скажу тотчас, забегая вперед: я безусловно за то, чтобы батрацкие и крестьянские *Советы тотчас* брали *всю* землю, но строжайше соблюдали *сами* порядок и дисциплину, не допускали ни малейшей порчи машин, построек, скота, ни в каком случае не расстраивали хозяйства и производства хлеба, а *усиливали* его, ибо солдатам нужно *вдвое* больше хлеба, и народ не должен голодать.

ской революции»). Он по случаю «возможности» приятного и сладкого будущего, когда крестьянство *не* будет хвостом буржуазии, с.-р-ы, Чхеидзе, Церетели, Стекловы *не* будут придатком буржуазного правительства,—он по случаю «возможности» приятного будущего забыл бы о *неприятном настоящем,* когда крестьянство пока еще остается хвостом буржуазии, когда с.-р-ы и с.-д. пока еще не выходят из роли придатка буржуазного правительства, «оппозиции его величества» Львова.

Предположительно взятый нами человек походил бы на сладенького Луи Блана, на слащавого каутскианца, но никак не на революционного марксиста.

Но не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание «перепрыгнуть» через незавершенную—неизжившую еще крестьянского движения—революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической?

Если бы я сказал: «без царя, а правительство *рабочее*»,—эта опасность мне бы грозила. Но я сказал *не* это, я сказал иное. Я сказал, что другого правительства в России (не считая буржуазного) *не может* быть *помимо* Советов Рабочих, Батрацких, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Я сказал, что власть может перейти в России теперь от Гучкова и Львова *только* к этим Советам, а в них *как раз* преобладает крестьянство, преобладают солдаты, преобладает мелкая буржуазия, выражаясь научным, марксистским термином, употребляя не житейскую, не обывательскую, не профессиональную, а классовую характеристику.

Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелко-буржуазное движение, от всякой *игры* в «захват власти» рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры, ибо я прямо указал на опыт Парижской Коммуны. А этот опыт,

как известно и как подробно показал Маркс в 1871 г. и Энгельс в 1891 г., совершенно исключил бланкизм, совершенно обеспечил прямое, непосредственное, безусловное господство *большинства* и активность масс лишь в мере *сознательного* выступления самого большинства.

Я свел дело в тезисах с полнейшей определенностью к *борьбе за влияние внутри* Советов Рабочих, Батрацких, Крестьянских и Солдатских Депутатов. Чтобы не допустить ни тени сомнений на этот счет, я *дважды* подчеркнул в тезисах необходимость терпеливой, настойчивой, «приспособляющейся к *практическим* потребностям *масс*» работы «разъяснения».

Невежественные люди или ренегаты марксизма, вроде г. Плеханова и т. п., могут кричать об анархизме, бланкизме и т. п. Кто желает думать и учиться, тот не может не понять, что бланкизм есть захват власти меньшинством, а Советы Рабочих и т. д. Депутатов *заведомо* есть прямая и непосредственная организация *большинства* народа. Работа, сведенная к борьбе за влияние *внутри* таких Советов, не может, прямо-таки *не может* сбиться в болото бланкизма. И она не может сбиться в болото анархизма, ибо анархизм есть отрицание *необходимости государства и государственной власти* для эпохи *перехода* от господства буржуазии к господству пролетариата. А я, с исключающей всякую возможность недоразумений ясностью, *отстаиваю* необходимость государства для этой эпохи, но, согласно Марксу и опыту Парижской Коммуны, не обычного парламентарно-буржуазного государства, а государства *без* постоянной армии, *без* противостоящей народу полиции, *без* поставленного над народом чиновничества.

Если г. Плеханов кричит изо всех сил в своем «Единстве» об анархизме, то этим лишний раз только доказан его разрыв с марксизмом. На мой вызов в «Правде» (№ 26) рассказать, чему учили Маркс и Энгельс о

государстве в 1871, 1872, 1875 г.г., г-ну Плеханову приходится и придется отвечать молчанием по существу вопроса и выкриками в духе озлобленной буржуазии.

Учения марксизма о государстве бывший марксист г. Плеханов *совершенно* не понял. Между прочим, зародыши этого непонимания заметны и в его немецкой брошюре об анархизме.

Посмотрим теперь, как тов. Ю. Каменев в заметке № 27 «Правды» формулирует свои «разногласия» с моими тезисами и вышеизложенными взглядами. Это поможет нам точнее уяснить их.

«Что касается общей схемы т. Ленина,—пишет т. Каменев,—то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции *законченной* и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в социалистическую»...

Здесь две большие ошибки.

Первая. Вопрос о «законченности» буржуазно-демократической революции *поставлен* неверно. Этому вопросу придана та абстрактная, простая, одноцветная, если можно так выразиться, постановка, которая *не* соответствует объективной действительности. Кто ставит *так* вопрос, кто спрашивает *теперь:* «закончена ли буржуазно-демократическая революция» *и только,*—тот лишает себя возможности понять чрезвычайно сложную, по меньшей мере «двухцветную» действительность. Это в теории. А на практике—тот сдается беспомощно *мелкобуржуазной революционности.*

В самом деле. Действительность показывает нам *и* переход власти к буржуазии («законченная» буржуазно-демократическая революция обычного типа), *и* существование рядом с настоящим правительством побочного,

которое представляет из себя «революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства». Это последнее «тоже-правительство» *само* уступило власть буржуазии, *само* привязало себя к буржуазному правительству.

Охватывается ли эта действительность старо-большевистской формулой т. Каменева: «буржуазно-демократическая революция не закончена»?

Нет, формула устарела. Она никуда не годна. Она мертва. Напрасны будут усилия воскресить ее.

Второе. Вопрос практический. Неизвестно, может ли теперь быть еще в России *особая* «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», *оторванная* от буржуазного правительства. На неизвестном базировать марксистскую тактику нельзя.

Но *если* это может еще случиться, то путь к этому один и только один: немедленное, решительное, бесповоротное отделение пролетарских, коммунистических элементов движения от мелко-буржуазных.

Почему?

Потому, что вся мелкая буржуазия не случайно, а необходимо повернула к шовинизму (= оборончеству), к «поддержке» буржуазии, к зависимости от нее, к *боязни* обойтись без нее и пр., и т. п.

Как можно «толкнуть» мелкую буржуазию к власти, если эта мелкая буржуазия теперь уже может, но *не хочет* взять ее?

Только отделением пролетарской, коммунистической партии, пролетарской классовой борьбой, *свободной* от робости этих мелких буржуа. Только сплочение пролетариев, на деле, а не на словах свободных от влияния мелкой буржуазии, способно сделать такой «горячей» почву под ногами мелкой буржуазии, что ей при известных условиях *придется* взять власть; не исключено даже, что Гучков и Милюков будут—опять-таки при известных

обстоятельствах—за всевластие, за единовластие Чхеидзе, Церетели, с.-р., Стеклова, ибо это все же «*оборонцы*»!

Кто отделяет сейчас же, немедленно и бесповоротно, пролетарские элементы Советов (т.-е. пролетарскую, коммунистическую, партию) от мелко-буржуазных, тот правильно выражает интересы движения на оба возможные случая: *и* на случай, что Россия переживет еще особую, самостоятельную, не подчиненную буржуазии «диктатуру пролетариата и крестьянства», *и* на случай, что мелкая буржуазия не сумеет оторваться от буржуазии и будет вечно (т.-е. до социализма) колебаться между нею и нами.

Кто руководится в своей деятельности только простой формулой «буржуазно-демократическая революция не закончена», тот тем самым берет на себя нечто вроде гарантий за то, что мелкая буржуазия наверное способна на независимость от буржуазии. Тот тем самым сдается в данный момент беспомощно на милость мелкой буржуазии.

Кстати. О «формуле» диктатура пролетариата и крестьянства не мешает все же вспомнить, что в «Двух тактиках» (июль 1905) я специально подчеркивал (стр. 435 в «За 12 лет»):

«У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое—самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии... Ее будущее—борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм...» *

Ошибка т. Каменева в том, что он и в 1917 г. смотрит только на *прошлое* революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. А для нее *на деле* уже началось *будущее,* ибо интересы и политика наемного рабочего и хозяйчика *на деле* уже разошлись, притом по

* См. VIII том Сочинений, стр. 84—85. *Ред.*

такому важнейшему вопросу, как «оборончество», как отношение к империалистской войне.

И здесь я подошел ко второй ошибке в приведенном рассуждении т. Каменева. Он упрекает меня в том, что моя схема «рассчитана» на «немедленное перерождение этой (буржуазно-демократической) революции в социалистическую».

Это неверно. Я не только не «рассчитываю» на «немедленное перерождение» нашей революции в *социалистическую,* а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе № 8:...«*Не* «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача»...

Не ясно ли, что человек, рассчитывающий на немедленное перерождение нашей революции в социалистическую, не мог бы восстать против непосредственной задачи введения социализма?

Мало того. Даже ввести в России «государство-коммуну» (т.-е. государство, организованное по типу Парижской Коммуны) *нельзя* «немедленно», ибо для этого необходимо, чтобы *большинство* депутатов во всех (или в большинстве) Советов ясно сознало всю ошибочность и весь вред тактики и политики с.-р., Чхеидзе, Церетели, Стеклова и пр. А я совершенно точно заявил, что «рассчитываю» в этой области только на «терпеливое» (надо ли быть терпеливым, чтобы получить изменение, которое можно осуществить «немедленно»?) разъяснение!

Тов. Каменев немножечко «нетерпеливо» размахнулся и повторил буржуазный предрассудок насчет Парижской Коммуны, будто она «немедленно» хотела вводить социализм. Это не так. Коммуна, к сожалению, слишком медлила с введением социализма. Действительная суть Коммуны не в том, где ее ищут обычно буржуа, а в создании особого типа *государства.* А такое государство в России *уже* родилось, это и есть Советы Рабочих и Солдатских Депутатов!

Тов. Каменев не вдумался в *факт*, в значение *существующих* Советов, в их тождество по типу, по социально-политическому характеру с государством Коммуны и, вместо изучения *факта*, стал говорить о том, на что я будто бы «рассчитываю», как на «немедленное» будущее. Получилось, к сожалению, повторение приема многих буржуа: от вопроса о том, *что такое* Советы Р. и С. Деп., *выше* ли они по типу, чем парламентарная республика, *полезнее* ли они для народа, *демократичнее* ли они, *удобнее* ли они для борьбы, напр., с бесхлебьем и т. д., от этого насущного, реального, жизнью поставленного на очередь дня вопроса внимание отводится в сторону, на пустой, якобы-научный, на деле бессодержательный, профессорски-мертвый вопрос о «расчете на немедленное перерождение».

Пустой, ложно поставленный вопрос. Я «рассчитываю» *только* на то, *исключительно* на то, что рабочие, солдаты и крестьяне лучше, чем чиновники, лучше, чем полицейские, справятся *с практическими* трудными вопросами об усилении производства хлеба, о лучшем распределении его, о лучшем обеспечении солдат и пр. и т. п.

Я глубочайше убежден, что Советы Р. и т. д. Деп. скорее и лучше проведут самодеятельность *массы* народа в жизнь, чем парламентарная республика (о сравнении обоих типов государства подробнее в другом письме). Они лучше, практичнее, вернее решат, как можно сделать и какие именно можно сделать *шаги* к социализму. Контроль за банком, слияние всех банков в один, это *еще не* социализм, но *шаг к* социализму. Такие шаги сегодня делает юнкер и буржуа в Германии против народа. Их гораздо лучше сумеет сделать завтра в пользу народа Совет С. и Р. Деп., если в его руках будет вся государственная власть.

А что *вынуждает* такие шаги?

Голод. Расстройство хозяйства. Грозящий крах. Ужасы войны. Ужасы ран, наносимых войной человечеству.

Тов. Каменев кончает свою заметку заявлением, что «в широкой дискуссии он надеется отстоять свою точку зрения, как единственно возможную для революционной с.-д., поскольку она хочет и должна до конца остаться партией революционных масс пролетариата, а не превратиться в группу пропагандистов-коммунистов».

Мне сдается, что в этих словах видна глубоко ошибочная оценка момента. Тов. Каменев противополагает «партию масс» «группе пропагандистов». Но ведь «массы» как раз теперь поддались угару «революционного» оборончества. Не приличнее ли и для интернационалистов в такой момент уметь противостоять «массовому» угару, чем «хотеть остаться» с массами, т.-е. поддаться общему поветрию? Не видели ли мы во всех воюющих европейских странах, как шовинисты оправдывали себя желанием «остаться с массами»? Не обязательно ли уметь на известное время быть в меньшинстве против «массового» угара? Не является ли работа именно пропагандистов как раз в настоящий момент центральным пунктом для *высвобождения* пролетарской линии из «массового» оборонческого и мелко-буржуазного угара? Именно слитость масс, и пролетарских и непролетарских, без разбора классовых различий внутри масс, явилась одним из условий оборонческого поветрия. Презрительно говорить о «группе пропагандистов» *пролетарской* линии, пожалуй, не очень-то пристало.

Написано в середине апреля 1917г.
Впервые напечатано отдельной брошюрой в 1917 г. в изд. «Прибой».

Печатается по тексту 2 и 3 го изд. Сочинений, т. XX, стр. 99—108.

ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПРОЕКТ ПЛАТФОРМЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ

Переживаемый исторический момент в России характеризуется следующими основными чертами:

КЛАССОВЫЙ ХАРАКТЕР ПРОИСШЕДШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Старая царская власть, представлявшая только кучку крепостных помещиков, командующую всей государственной машиной (армией, полицией, чиновничеством), разбита и устранена, но не добита. Монархия не уничтожена формально. Шайка Романовых продолжает монархические интриги. Гигантское землевладение крепостников-помещиков не ликвидировано.

2. Государственная власть в России перешла в руки нового *класса,* именно: буржуазии и обуржуазившихся помещиков. *Постольку* буржуазно-демократическая революция в России закончена.

Оказавшаяся у власти буржуазия заключила блок (союз) с явно монархическими элементами, проявлявшими себя неслыханно-усердной поддержкой Николая-Кровавого и Столыпина-Вешателя в 1906—1914 г.г. (Гучков и другие,

правее кадетов стоящие политики). Новое буржуазное правительство Львова и К⁰ пыталось и начало вести переговоры с Романовыми о восстановлении монархии в России. Это правительство, под шумок революционной фразы, назначает на командные места сторонников старого порядка. Весь аппарат государственной машины (армию, полицию, чиновничество) это правительство старается как можно менее реформировать, отдав его в руки буржуазии. Революционному почину массовых действий и захвату власти народом *снизу*—этой *единственной* гарантии действительных успехов революции—новое правительство уже начало всячески препятствовать.

Срока созыва Учредительного Собрания это правительство до сих пор даже не назначило. Помещичьего землевладения, этой матерьяльной основы крепостнического царизма, оно не трогает. К расследованию действий, к оглашению действий, к контролю монополистических финансовых организаций, крупных банков, синдикатов и картелей капиталистов и т. п. это правительство и не помышляет приступить.

Самые главные, решающие министерские посты в новом правительстве (министерство внутренних дел, министерство военное, т.-е. командование армией, полицией, чиновничеством; всем аппаратом угнетения масс) принадлежат заведомым монархистам и сторонникам крупного помещичьего землевладения. Кадетам, республиканцам вчерашнего дня, республиканцам поневоле, предоставлены второстепенные посты, прямого отношения к *командованию* над народом и к аппарату государственной власти не имеющие. А. Керенский, представитель трудовиков и «тоже-социалист», не играет ровно никакой роли, кроме усыпления народной бдительности и внимания звонкими фразами.

По всем этим причинам даже в области внутренней политики никакого доверия новое буржуазное правительство со стороны пролетариата не заслуживает, и никакая поддержка ему не допустима с его стороны.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

3. В области внешней политики, которая теперь в силу объективных условий выдвинута на первый план, новое правительство является правительством продолжения империалистской войны, войны в союзе с империалистскими державами, Англии, Франции и т. д. из-за дележа капиталистической добычи, из-за удушения мелких и слабых народов.

Подчиненное интересам русского капитала и его могучего покровителя и хозяина, богатейшего во всем мире англо-французского империалистского капитала, новое правительство, вопреки пожеланиям, высказанным самым определенным образом от имени несомненного большинства народов России, через Совет Солдатских и Рабочих Депутатов, не сделало никаких реальных шагов к прекращению бойни народов из-за интересов капиталистов. Оно не опубликовало даже тех тайных договоров заведомо грабительского содержания (о разделе Персии, о грабеже Китая, о грабеже Турции, о разделе Австрии, об отнятии Восточной Пруссии, об отнятии немецких колоний и т. д.), которые заведомо связывают Россию

с англо-французским империалистским грабительским капиталом. Оно *подтвердило* эти договоры, заключенные царизмом, который в течение веков грабил и угнетал больше народов, чем другие тираны и деспоты,—царизмом, который не только угнетал, но и позорил и развращал великорусский народ, превращая его в палача других народов.

Новое правительство, подтвердив эти позорные и разбойничьи договоры, не предложило всем воюющим народам немедленного перемирия, вопреки ясно выраженным требованиям большинства народов России через Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Оно отделалось торжественными, звонкими, парадными, но совершенно пустыми декларациями и фразами, которые всегда служили и служат в устах буржуазных дипломатов для обмана доверчивых и наивных масс угнетенного народа.

4. Поэтому не только не заслуживает новое правительство ни малейшего доверия в области внешней политики, но и предъявлять ему дальше требования о том, чтобы оно возвестило волю народов России к миру, о том, чтобы оно отказалось от аннексий и т. д. и т. д., является на деле лишь обманом народа, внушением ему неосуществимых надежд, оттяжкой прояснения его сознания, косвенным примирением его с продолжением войны, истинный социальный характер которой определяется не добрыми пожеланиями, а классовым характером ведущего войну правительства, связью представляемого данным правительством класса с империалистским финансовым капиталом России, Англии, Франции и пр., той *реальной действительной политикой*, которую ведет этот класс.

СВОЕОБРАЗНОЕ ДВОЕВЛАСТИЕ И ЕГО КЛАССОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

5. Самой главной особенностью нашей революции, особенностью, которая наиболее настоятельно требует вдумчивого отношения к ней, является создавшееся в первые же дни после победы революции *двоевластие.*

Это двоевластие проявляется в существовании *двух* правительств: главного, настоящего, действительного правительства буржуазии, «Временного Правительства» Львова и К⁰, которое имеет в своих руках все органы власти, и добавочного, побочного, «контролирующего» правительства в лице Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, которое не имеет в своих руках органов государственной власти, но опирается непосредственно на заведомо безусловное большинство народа, на вооруженных рабочих и солдат.

Классовый источник этого двоевластия и классовое значение его состоит в том, что русская революция марта 1917 г. не только смела всю царскую монархию, не только передала всю власть буржуазии, но и *дошла*

вплотную до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Именно такой диктатурой (т.-е. властью, опирающейся не на закон, а на непосредственную силу вооруженных масс населения) и именно указанных классов являются Петроградский и другие, местные, советы рабочих и солдатских депутатов.

6. Следующей, в высшей степени важной особенностью русской революции является то, что Петроградский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов, пользующийся, судя по всему, доверием большинства местных Советов, *добровольно* передает государственную власть буржуазии и *ее* Временному Правительству, добровольно *уступает* ему первенство, заключив с ним соглашение о поддержке его, ограничивается ролью наблюдателя, контролера за созывом Учредительного Собрания (срок созыва которого Временное Правительство до сих пор даже не опубликовало).

Это чрезвычайно своеобразное, невиданное в такой форме в истории, обстоятельство создало *переплетение вместе, воедино двух* диктатур: диктатуры буржуазии (ибо правительство Львова и К⁰ есть диктатура, т.-е. власть, опирающаяся не на закон и не на предварительное выражение народной воли, а на захват силою, причем захват этот осуществлен определенным классом, именно: буржуазией) и диктатуры пролетариата и крестьянства (Совет Рабочих и Солдатских Депутатов).

Не подлежит ни малейшему сомнению, что долго продержаться такой «переплет» *не в состоянии*. Двух властей в государстве *быть не может*. Одна из них должна сойти на-нет, и вся буржуазия российская уже работает изо всех сил, всяческими способами повсюду над устранением и обессилением, сведением на-нет Советов Солдатских и Рабочих Депутатов, над созданием единовластия буржуазии.

Двоевластие выражает лишь *переходный* момент в

развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, *но не дошла еще* до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства.

Классовое значение (и классовое объяснение) этого переходного неустойчивого положения состоит в следующем: как и всякая революция, наша революция потребовала величайшего героизма, самопожертвования массы для борьбы с царизмом, а также сразу *втянула в движение* неслыханно громадное количество обывателей.

Один из главных, научных и практически-политических признаков *всякой* действительной революции состоит в необыкновенно быстром, крутом, резком увеличении числа «обывателей», переходящих к активному, самостоятельному, действенному участию в политической жизни, в *устройстве государства.*

Так и Россия. Россия сейчас кипит. Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десять лет, политически забитые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, *проснулись и потянулись* к политике. А кто такие эти миллионы и десятки миллионов? Большей частью мелкие хозяйчики, мелкие буржуа, люди, стоящие посредине между капиталистами и наемными рабочими. Россия наиболее мелкобуржуазная страна из всех европейских стран.

Гигантская мелко-буржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т.-е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелко-буржуазными взглядами на политику.

Мелкая буржуазия в жизни зависит от буржуазии, живя сама по-хозяйски, а не по-пролетарски (в смысле *места* в общественном *производстве),* и в образе мыслей она идет за буржуазией.

Доверчиво-бессознательное отношение к капиталистам, худшим врагам мира и социализма,—вот что характери-

зует современную политику *масс* в России, вот что *выросло* с революционной быстротой на социально-экономической почве наиболее мелко-буржуазной из всех европейских стран. Вот *классовая* основа «*соглашения*» (подчеркиваю, что имею в виду не столько формальное соглашение, сколько *фактическую* поддержку, молчаливое соглашение, доверчиво-бессознательную уступку власти) между Временным Правительством и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов,—соглашения, давшего Гучковым жирный кусок, настоящую власть, а Совету—посулы, почет (до поры, до времени), лесть, фразы, уверения, расшаркивания Керенских.

Недостаточная численность пролетариата в России, недостаточная сознательность и организованность его—вот другая сторона той же медали.

Все народнические партии, вплоть до социалистов-революционеров, всегда были мелко-буржуазны, партия О.К.* (Чхеидзе, Церетели и пр.) тоже; беспартийные революционеры (Стеклов и др.) равным образом поддались волне или не осилили, не успели осилить волны.

* — т. е. меньшевики, объединявшиеся до августа 1917 г. Организационным комитетом, игравшим роль Ц.К. меньшевиков. *Ред.*

ВЫТЕКАЮЩЕЕ ИЗ ПРЕДЫДУЩЕГО СВОЕОБРАЗИЕ ТАКТИКИ

7. Из указанного выше своеобразия фактического положения вытекает обязательное для марксиста, который должен считаться с объективными фактами, с массами и классами, а не с лицами и т. п.,—своеобразие тактики *данного* момента.

Это своеобразие выдвигает на первый план «вливание уксуса и желчи в сладенькую водицу революционно-демократических фраз» (как выразился—замечательно метко—мой товарищ по ЦК нашей партии, Теодорович на вчерашнем заседании Всероссийского съезда Жел.-Дор. Служащих и Рабочих в Питере). Работа критики, *разъяснение* ошибок мелко-буржуазных партий с.-р. и с.-д., подготовка и сплочение элементов *сознательно*-пролетарской, коммунистической партии, *высвобождение* пролетариата из «общего» мелко-буржуазного угара.

Это *кажется* «только» пропагандистской работой. На деле это—самая *практическая революционная* работа, ибо нельзя двигать вперед революцию, которая остановилась, захлебнулась фразой, проделывает «шаг на месте»

не из-за внешних помех, *не из-за насилия* со стороны буржуазии (Гучков только еще грозится пока применить насилие против солдатской массы), а *из-за* доверчивой бессознательности масс.

Только борясь с этой доверчивой бессознательностью (а бороться с ней можно и должно исключительно идейно, товарищеским убеждением, указанием на *опыт жизни),* мы можем высвобождаться из-под царящего *разгула революционной фразы* и действительно толкать вперед как пролетарское сознание, так и сознание масс, так и смелую решительную инициативу их *на местах*, самочинное осуществление, развитие и укрепление свобод, демократии, принципа общенародного владения всей землей.

8. Всемирный опыт буржуазных и помещичьих правительств выработал *два* способа удержания народа в угнетении. Первый—насилие. Николай Романов I,—Николай Палкин, и Николай II—Кровавый показали русскому народу максимум возможного и невозможного по части такого, палаческого, способа. Но есть другой способ, лучше всего разработанный английской и французской буржуазией, «проученных» рядом великих революций и революционных движений масс. Это—способ обмана, лести, фразы, миллиона обещаний, грошовых подачек, уступок неважного, сохранения важного.

Своеобразие момента в России—головокружительно быстрый переход от первого способа ко второму, от насилия над народом к *лести* народу, к обманыванию его обещаниями. Кот-Васька слушает да ест. Милюков и Гучков держат власть, охраняют прибыли капитала, ведут империалистскую войну в интересах русского и англо-французского капитала,—и отделываются посулами, декламацией, эффектными заявлениями в ответ на речи таких «поваров», как Чхеидзе, Церетели, Стеклов, которые грозят, усовещевают, заклинают, умоляют, требуют, провозглашают... Кот-Васька слушает да ест.

И с каждым днем доверчивая бессознательность и бессознательная доверчивость будут отпадать, особенно со стороны пролетариев и *беднейших* крестьян, которых жизнь (общественно-экономическое положение их) учит не верить капиталистам.

Вожди мелкой буржуазии «должны» учить народ доверию к буржуазии. Пролетарии должны учить его недоверию.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ОБОРОНЧЕСТВО И ЕГО КЛАССОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

9. Самым крупным, самым ярким проявлением мелкобуржуазной волны, захлестнувшей «почти все», надо признать *революционное оборончество*. Именно оно—злейший враг дальнейшего движения и успеха русской революции.

Кто поддался в этом пункте и не сумел высвободиться,—тот погиб для революции. Но массы иначе поддаются, чем вожди, и *иначе*, иным ходом развития, иным способом высвобождаются.

Революционное оборончество есть, с одной стороны, плод обмана масс буржуазией, плод доверчивой бессознательности крестьян и части рабочих, а с другой—выражение интересов и точки зрения мелкого хозяйчика, который заинтересован до известной степени в аннексиях и банковых прибылях и который «свято» хранит традиции царизма, развращавшего великороссов палачеством над другими народами.

Буржуазия обманывает народ, играя на благородной

гордости революции и изображая дело так, будто *социально-политический* характер войны со стороны России изменился от этого этапа революции, от замены царской монархии Гучково-Милюковской почти-республикой. И народ поверил—на время—благодаря, в значительной степени, предрассудкам старины, заставляющим видеть в других народах России, кроме великорусского, нечто вроде собственности или вотчины великороссов. Подлое развращение великорусского народа царизмом, приучавшим видеть в других народах нечто низшее, нечто «по праву» принадлежащее Великороссии, не могло рассеяться *сразу*.

От нас требуется *умение* разъяснить массам, что социально-политический характер войны определяется не «доброй волей» лиц и групп, даже народов, а положением *класса*, ведущего войну, *политикой* класса, продолжением коей война является, *связями* капитала, как господствующей экономической силы в современном обществе, *империалистским характером* международного капитала, зависимостью—финансовой, банковой, дипломатической—России от Англии и Франции и т. д. Умело, понятно для масс объяснить это *не легко*, без ошибок никто из нас этого не сумел бы сразу сделать.

Но направление или, вернее, содержание нашей пропаганды должно быть такое и только такое. Малейшая уступка революционному оборончеству есть *измена социализму*, полный отказ от *интернационализма*, какими бы красивыми фразами, какими бы «практическими» соображениями это ни оправдывалось.

Лозунг «долой войну» верен, конечно, но он не учитывает своеобразия задач момента, необходимости *иначе подойти* к широкой массе. Он похож, по-моему, на лозунг «долой царя», с которым неумелый агитатор «доброго старого времени» шел просто и прямо в деревню—и получал побои. Массовые представители революцион-

ного оборончества *добросовестны*,—не в личном смысле, а в классовом, т.-е. они принадлежат к таким *классам* (рабочие и беднейшие крестьяне), которые *действительно* от аннексий и от удушения чужих народов не выигрывают. Это не то, что буржуа и гг. «интеллигенты», прекрасно знающие, что *нельзя* отказаться от аннексий, не отказавшись от господства капитала, и бессовестно обманывающие массы красивой фразой, обещаниями без меры, посулами без числа.

Массовый представитель оборончества смотрит на дело по-просту, по-обывательски: «Я не хочу аннексий, на *меня* «прет» немец, значит, я защищаю правое дело, а вовсе не какие-то империалистские интересы». Такому человеку надо разъяснять и разъяснять, что дело не в его личных желаниях, а в отношениях и условиях массовых, *классовых*, политических, в связи войны с интересами капитала и с международной сетью банков и т. д. Только такая борьба с оборончеством серьезна и обещает успех—может быть, не очень быстрый, но верный и прочный.

КАК МОЖНО КОНЧИТЬ ВОЙНУ?

10. Войну нельзя кончить «по желанию». Ее нельзя кончить решением одной стороны. Ее нельзя кончить, «воткнув штык в землю», употребляя выражение одного солдата-оборонца.

Войну нельзя кончить «соглашением» социалистов разных стран, «выступлением» пролетариев всех стран, «волей» народов и т. п.—все фразы этого рода, наполняющие статьи оборонческих и полуоборонческих, полуинтернационалистских газет, а также бесчисленные резолюции, воззвания, манифесты, резолюции Совета Солдатских и Рабочих Депутатов,—все эти фразы не что иное, как пустые, невинные, добренькие пожелания мелких буржуа. Нет ничего вреднее таких фраз о ««выявлении» [воли] народов к миру», *об очереди* революционных выступлений пролетариата (после русского «очередь» за германским) и т. п. Все это луиблановщина, сладенькие мечты, игра в «политические кампании», на деле повторение басни с котом-Васькой.

Война порождена не злой волей хищников-капиталистов, хотя она, несомненно, *только* в их интересах ведется, только их обогащает. Война порождена полувековым развитием всемирного капитала, миллиардами его нитей и связей. *Нельзя* выскочить из империалистской войны, *нельзя* добиться демократического, не насильнического, мира без свержения власти капитала, без перехода государственной власти к *другому* классу, к пролетариату.

Русская революция февраля-марта 1917 г. была началом превращения империалистской войны в войну гражданскую. Эта революция сделала *первый* шаг к прекращению войны. Только *второй* шаг может *обеспечить* прекращение ее, именно: переход государственной власти к пролетариату. Это будет началом всемирного «прорыва фронта»—фронта интересов капитала, и, только прорвав *этот* фронт, пролетариат *может* избавить человечество от ужасов войны, дать ему блага прочного мира.

И к такому «прорыву фронта» капитала русская революция *уже* подвела пролетариат России вплотную, создав Советы Рабочих Депутатов.

НОВЫЙ ТИП ГОСУДАРСТВА, ВЫРАСТАЮЩИЙ В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

11. Советы Рабочих, Солдатских, Крестьянских и пр. Депутатов не поняты не только в том отношении, что большинству неясно их классовое значение, их роль *в русской* революции. Они не поняты еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, вернее, новый *тип государства.*

Наиболее совершенным, передовым из буржуазных государств является тип *парламентарной демократической республики:* власть принадлежит парламенту; государственная машина, аппарат и орган управления обычный: постоянная армия, полиция, чиновничество, фактически несменяемое, привилегированное, стоящее *над* народом.

Но революционные эпохи, начиная с конца XIX века, выдвигают *высший* тип демократического государства, такого государства, которое в некоторых отношениях перестает уже, по выражению Энгельса, быть государством, «не является государством в собственном смысле

слова». Это—государство типа Парижской Коммуны, *заменяющее* особую от народа армию и полицию прямым и непосредственным вооружением самого народа. *В этом* суть Коммуны, которую оболгали и оклеветали буржуазные писатели, которой ошибочно приписывали, между прочим, намерение немедленно «ввести» социализм.

Именно такого типа государство *начала* создавать русская революция в 1905 и в 1917 годах. Республика Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и пр. Депутатов, объединенных Всероссийским Учредительным Собранием народных представителей или Советом Советов и т. п.,—вот что *уже входит в жизнь* у нас теперь, в данное время, по инициативе многомиллионного народа, самочинно творящего демократию *по-своему,* не дожидающегося ни того, как гг. профессора-кадеты напишут свои проекты законов для парламентарной буржуазной республики,—ни того, как педанты и рутинеры мелкобуржуазной «социал-демократии», вроде г. Плеханова или Каутского, откажутся от их искажения учения марксизма по вопросу о государстве.

Марксизм отличается от анархизма тем, что признает *необходимость* государства и государственной власти в революционный период вообще, в эпоху перехода от капитализма к социализму в частности.

Марксизм отличается от мелко-буржуазного, оппортунистического «социал-демократизма» гг. Плеханова, Каутского и К⁰ тем, что признает необходимость для указанных периодов *не* такого государства, как обычная парламентарная буржуазная республика, а такого, как Парижская Коммуна.

Главные отличия этого последнего типа государства от старого следующие:

От парламентарной буржуазной республики возврат к монархии совсем легок (как и доказала история), ибо остается неприкосновенной вся машина угнетения: армия,

полиция, чиновничество. Коммуна и Советы Рабочих, Солдатских, Крестьянских и т. д. Депутатов *разбивают* и устраняют эту машину.

Парламентарная буржуазная республика стесняет, душит самостоятельную политическую жизнь *масс,* их непосредственное участие в *демократическом* строительстве всей государственной жизни снизу доверху. Обратное—Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

Последние воспроизводят тот тип государства, какой вырабатывался Парижской Коммуной и который Маркс назвал открытой, «наконец, политической формой, в которой *может* произойти экономическое освобождение трудящихся».

Обычно возражают: русский народ еще не подготовлен к «введению» Коммуны. Это—довод крепостников, говоривших о неподготовленности крестьян к свободе. *Никаких* преобразований, не назревших абсолютно и в экономической действительности и в сознании подавляющего большинства народа, Коммуна, т.-е. Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов, не «вводит», не предполагает «вводить» и не должна вводить. Чем сильнее экономический крах и порождаемый войной кризис, тем настоятельнее необходимость наиболее совершенной политической формы, *облегчающей* излечение ужасных ран, нанесенных человечеству войной. Чем меньше у русского народа организационного опыта, тем решительнее надо *приступать* к организационному строительству *самого народа,* а не одних только буржуазных политиканов и чиновников с «доходными местечками».

Чем скорее мы сбросим с себя старые предрассудки искаженного гг. Плехановым, Каутским и К⁰ лже-марксизма, чем усерднее мы примемся помогать народу строить тотчас и повсюду Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов, брать в их руки *всю* жизнь, чем дольше будут гг. Львовы и К⁰ оттягивать созыв Учредитель-

ного Собрания, тем легче будет народу сделать (через посредство Учредительного Собрания или помимо него, если Львов не созовет его очень долго) выбор в пользу Республики Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. Ошибки в новом организационном строительстве самого народа неизбежны вначале, но лучше ошибаться и идти вперед, чем *ждать*, когда созываемые г. Львовым профессора-юристы напишут законы о созыве Учредительного Собрания и об увековечении парламентарной буржуазной республики, об удушении Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Если мы сорганизуемся и умело поведем свою пропаганду, не только пролетарии, но и девять десятых крестьянства будут против восстановления полиции, против несменяемого и привилегированного чиновничества, против отделенной от народа армии. А только в этом и состоит новый тип государства.

12. Замена полиции народной милицией—есть преобразование, вытекшее из всего хода революции и проводимое теперь в жизнь в большинстве мест России. Мы должны разъяснять массам, что в большинстве буржуазных революций обычного типа такое преобразование оказывалось крайне недолговечным, и буржуазия, даже самая демократическая и республиканская, восстановляла полицию старого, царистского типа, отделенную от народа, находящуюся под командой буржуа, способную всячески угнетать народ.

Чтобы *не дать* восстановить полицию, есть только одно средство: создание всенародной милиции, слияние ее с армией (замена постоянной армии всеобщим вооружением народа). В такой милиции должны участвовать поголовно все граждане и гражданки от 15 до 65 лет, если этими примерно взятыми возрастами позволительно определить участие подростков и стариков. Капиталисты должны платить наемным рабочим, прислуге и пр. за

дни, посвященные общественной службе в милиции. Без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной, поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии. А такие функции «полиции», как попечение о больных, о беспризорных детях, о здоровом питании и пр., вообще не могут быть удовлетворительно осуществлены без равноправия женщин на деле, а не на бумаге только.

Не дать восстановить полиции, привлечь организационные силы всего народа к созданию поголовной милиции— таковы задачи, которые пролетариат должен нести в массы в интересах охраны, упрочения и развития революции.

АГРАРНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММЫ

13. Мы не можем знать определенно в настоящее время, разовьется ли в ближайшем будущем могучая аграрная революция в русской деревне. Мы не можем знать, насколько именно глубоко углубившееся несомненно в последнее время классовое деление крестьянства на батраков, наемных рабочих и беднейших крестьян («полупролетариев»), с одной стороны,—и крестьян зажиточных и средних (капиталистов и капиталистиков), с другой. Такие вопросы решит и может решить только опыт.

Но мы безусловно обязаны, как партия пролетариата, выступить немедленно не только с аграрной (земельной) программой, но и с проповедью немедленно осуществимых практических мер *в интересах* крестьянской аграрной революции в России.

Мы должны требовать национализации *всех* земель,

т.-е. перехода всех земель в государстве в собственность центральной государственной власти. Эта власть должна определять размеры и пр. переселенческого фонда, определять законы для охраны лесов, для мелиорации и т. п., запрещать безусловно всякое посредничество между собственником земли—государством и арендатором ее—хозяином (запрещать всякую пересдачу земли). Но все *распоряжение* землей, все определение *местных условий* владения и пользования должно находиться всецело и исключительно отнюдь не в бюрократических, чиновничьих руках, а в руках областных и местных *Советов Крестьянских Депутатов.*

В интересах повышения техники производства хлеба и размеров производства, а также в интересах развития рационального крупного хозяйства и общественного контроля над ним, мы должны внутри Крестьянских Комитетов добиваться образования из каждого конфискованного помещичьего имения крупного образцового хозяйства, под контролем *Советов Батрацких Депутатов.*

В противовес мелко-буржуазной фразе и политике, которая царит у социалистов-революционеров, особенно в пустых разговорах о «потребительной» или «трудовой» норме, о «социализации земли» и т. п., партия пролетариата должна разъяснять, что система мелкого хозяйства при товарном производстве *не в состоянии* избавить человечество от нищеты массы и угнетения их.

Не раскалывая немедленно и обязательно Советов Крестьянских Депутатов, партия пролетариата должна разъяснять необходимость особых Советов Батрацких Депутатов и особых Советов Депутатов от беднейших (полупролетарских) крестьян или, по крайней мере, особых постоянных совещаний депутатов *такого классового положения,* как отдельных фракций или партий внутри общих Советов Крестьянских Депутатов. Без

этого все сладенькие мелко-буржуазные фразы народников о крестьянстве вообще окажутся прикрытием обмана неимущей массы зажиточным крестьянством, которое представляет из себя лишь одну из разновидностей *капиталистов.*

В противовес буржуазно-либеральной или чисто-чиновничьей проповеди, которую ведут многие социалисты-революционеры и Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, советуя крестьянам не брать помещичьих земель и не начинать аграрного преобразования впредь до созыва Учредительного Собрания, партия пролетариата должна призывать крестьян к немедленному, самочинному осуществлению земельного преобразования и к немедленной конфискации помещичьих земель по решениям Крестьянских Депутатов на местах.

Особенно важно при этом настаивать на необходимости *увеличить* производство съестных продуктов для солдат на фронте и для городов,—на абсолютной недопустимости какого бы то ни было ущерба или порчи скота, орудий, машин, построек и пр. и пр.

14. В национальном вопросе пролетарская партия должна отстаивать, прежде всего, провозглашение и немедленное осуществление полной свободы отделения от России всех наций и народностей, угнетенных царизмом, насильственно присоединенных или насильственно удерживаемых в границах государства, т.-е. аннектированных.

Все заявления, декларации и манифесты об отказе от аннексий, не сопровождаемые действительным осуществлением свободы отделения, сводятся к буржуазному обману народа или к мелко-буржуазным невинным пожеланиям.

Пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к *сближению и дальнейшему слиянию* наций, но этой цели она хочет достигнуть

не насилием, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций.

Чем демократичнее будет республика российская, чем успешнее организуется она в республику Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов, тем более могуча будет сила *добровольного* притяжения к такой республике трудящихся масс *всех* наций.

Полная свобода отделения, самая широкая местная (и национальная) автономия, детально разработанные гарантии прав национального меньшинства—такова программа революционного пролетариата.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БАНКОВ И СИНДИКАТОВ КАПИТАЛИСТОВ

15. Партия пролетариата никоим образом не может задаваться целью «введения» социализма в стране мелкого крестьянства, пока подавляющее большинство населения не пришло к сознанию необходимости социалистической революции.

Но только буржуазные софисты, прячущиеся за «почти-марксистские» словечки, могут выводить из этой истины оправдание такой политики, которая бы оттягивала немедленные революционные меры, вполне назревшие практически, *осуществленные* зачастую *во время войны рядом буржуазных государств,* настоятельно необходимые для борьбы с надвигающимся полным экономическим расстройством и голодом.

Такие меры, как национализация земли, всех банков и синдикатов капиталистов или, по крайней мере, установление *немедленного контроля* за ними Советов Рабочих

Депутатов и т. п., отнюдь не будучи «введением» социализма, должны быть безусловно отстаиваемы и, по мере возможности, революционным путем осуществляемы. Вне таких мер, которые являются лишь шагами к социализму и которые вполне осуществимы экономически, невозможно лечение ран, нанесенных войной, и предупреждение грозящего краха, а останавливаться перед посягательством на неслыханно-высокие прибыли капиталистов и банкиров, наживающихся именно «на войне» особенно скандально, партия революционного пролетариата никогда не будет.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

16. Международные обязанности рабочего класса России именно теперь с особенной силой выдвигаются на первый план.

Интернационализмом не клянется в наши дни только ленивый, даже шовинисты-оборонцы, даже гг. Плеханов и Потресов, даже Керенский называет себя интернационалистом. Тем насущнее обязанность пролетарской партии противопоставить со всей ясностью, точностью, определенностью интернационализм на деле интернационализму на словах.

Голые воззвания к рабочим всех стран, пустые заверения в своей преданности интернационализму, попытки прямо или косвенно установить «очередь» выступлений революционного пролетариата в разных воюющих странах, потуги заключить «соглашения» между социалистами воюющих стран *о* революционной борьбе, хлопотня

с социалистическими съездами *для* кампании за мир и т. д., и т. д.—все это по своему *объективному* значению, как бы ни были искренни авторы таких идей, таких попыток или таких планов, все это одно фразерство, в *лучшем* случае—невинные, добренькие пожелания, годные лишь для прикрытия *обмана* масс шовинистами. И наиболее ловкие, наиболее искушенные в приемах парламентского мошенничества *французские* социал-шовинисты давным-давно побили рекорд по части неслыханно громких и звонких пацифистских и интернационалистских фраз, *соединенных* с неслыханно наглой изменой социализму и Интернационалу, вступлением в министерства, ведущие империалистскую войну, голосованием за кредиты *или за займы* (как Чхеидзе, Скобелев, Церетели, Стеклов в последние дни в России), противодействием революционной борьбе в своей *собственной стране* и т. д. и т. д.

Добрые люди забывают часто жестокую, свирепую обстановку всемирной империалистской войны. Эта обстановка не терпит фраз, она издевается над невинными, сладенькими пожеланиями.

Интернационализм на деле—один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы *в своей* стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) *такой же борьбы*, такой же линии, и *только ее одной*, во *всех* без исключения странах.

Все остальное обман и маниловщина.

Три течения выработало международное социалистическое и рабочее движение за два с лишним года войны во *всех* странах, и кто сходит с *реальной* почвы признания этих трех течений, анализа их, последовательной борьбы за интернационалистское на деле течение,—тот осуждает себя на бессилие, беспомощность и ошибки.

Три течения следующие:

1) Социал-шовинисты, т.-е. социалисты на словах, шовинисты на деле—это люди, признающие «защиту отечества» в империалистской (и, прежде всего, в данной империалистской) войне.

Эти люди—наши *классовые* противники. Они перешли на сторону буржуазии.

Таково большинство официальных вождей официальной социал-демократии во *всех* странах. Гг. Плеханов и К⁰ в России, Шейдеманы в Германии, Ренодель, Гэд, Самба во Франции, Биссолати и К⁰ в Италии, Гайндман, фабианцы и «лабуристы» (вожди «рабочей партии») в Англии, Брантинг и К⁰ в Швеции, Трульстра и его партия в Голландии, Стаунинг и его партия в Дании, Виктор Бергер и пр. «защитники отечества» в Америке и т. п.

2) Второе течение—так наз. «центр»—люди, колеблющиеся между социал-шовинистами и интернационалистами на деле.

«Центр» весь клянется и божится, что они марксисты, интернационалисты, что они за мир, за всяческие «давления» на правительства, за всяческие «требования» к своему правительству о «выявлении им воли народа к миру», за всевозможные кампании в пользу мира, за мир без аннексий и т. д. и т. д.—*и за мир с социал-шовинистами.* «Центр»—за «единство», центр—противник раскола.

«Центр»—царство добренькой мелко-буржуазной фразы, интернационализма на словах, трусливого оппортунизма и угодничества перед социал-шовинистами на деле.

Гвоздь вопроса в том, что «центр» не убежден в необходимости революции против своих правительств, не проповедует ее, не ведет беззаветной революционной борьбы, выдумывает самые пошлые—и архи-«марксистски» звучащие—*отговорки* от нее.

Социал-шовинисты—наши *классовые противники,*

буржуа среди рабочего движения. Они представляют слой, группы, прослойки рабочих, *объективно* подкупленных буржуазией (лучшая плата, почетные места и т. д.) и помогающих *своей* буржуазии грабить и душить мелкие и слабые народы, бороться *из-за* дележа капиталистической добычи.

«Центр»—люди рутины, изъеденные гнилой легальностью, испорченные обстановкой парламентаризма и пр., чиновники, привыкшие к теплым местечкам и к «спокойной» работе. Исторически и экономически говоря, они не представляют *особого* слоя, они представляют только *переход* от изжитой полосы рабочего движения, от полосы 1871—1914 гг., от полосы, давшей много ценного, особенно в необходимом для пролетариата искусстве медленной, выдержанной, систематической, организационной работы в широком и широчайшем размере,—*к полосе* новой, ставшей *объективно* необходимою со времени первой всемирной империалистической войны, открывшей *эру социальной революции*.

Главный вождь и представитель «центра»—Карл Каутский, виднейший авторитет II (1889—1914) Интернационала, образец полного краха марксизма, неслыханной бесхарактерности, самых жалких колебаний и измен с августа 1914 года. Течение «центра»—Каутский, Гаазе, Ледебур, так наз. «рабочее или трудовое содружество» в рейхстаге; во Франции—Лонге, Прессман и так наз. «миноритеры» (меньшевики) вообще; в Англии—Филипп Сноуден, Рамсэй Макдональд и мн. др. вожди «независимой рабочей партии» и частью брит. соц. партии; Моррис Хилквит и мн. др. в Америке; Турати, Тревес, Модильяни и т. п. в Италии; Роберт Гримм и т. д. в Швейцарии; Виктор Адлер и К° в Австрии; партия О. К., Аксельрод, Мартов, Чхеидзе, Церетели и пр. в России и т. п.

Понятно, что отдельные лица иногда переходят, неза-

метно для себя, с позиции социал-шовинизма на позицию «центра» и обратно. Всякий марксист знает, что классы отличаются друг от друга, несмотря на свободный переход лиц из класса в класс; так и *течения* в политической жизни отличаются друг от друга, несмотря на свободный переход лиц из одного течения в другое, несмотря на попытки и усилия *слить* течения.

3) Третье течение—интернационалисты на деле, ближе всего выражаемые «Циммервальдской левой» (мы перепечатываем в приложении ее манифест, от сентября 1915 г.*, чтобы читатели могли ознакомиться в подлиннике с рождением данного течения).

Главный отличительный признак: полный разрыв и с социал-шовинизмом и с «центром». Беззаветная революционная борьба против *своего* империалистского правительства и *своей* империалистской буржуазии. Принцип: «главный враг в собственной стране». Беспощадная борьба со сладенькой социал-пацифистской (социал-пацифист—социалист на словах, буржуазный пацифист на деле; буржуазные пацифисты мечтают о вечном мире *без* свержения ига и господства капитала) фразой и со всякими *отговорками,* направленными к отрицанию возможности или уместности, или своевременности революционной борьбы пролетариата и пролетарской, социалистической революции *в связи* с данной войной.

Виднейшие представители этого течения: в Германии—«группа Спартака», или «группа Интернационала», с Карлом Либкнехтом, как членом ее. Карл Либкнехт—знаменитейший представитель этого течения и *нового,* настоящего, пролетарского Интернационала.

Карл Либкнехт призвал рабочих и солдат Германии *обратить оружие* против *своего* правительства. Карл Либкнехт делал это открыто с трибуны парламента

* В настоящем издании этот манифест опущен. *Ред.*

(рейхстага). А потом он пошел на Потсдамскую площадь, одну из самых больших площадей Берлина, с нелегально отпечатанными прокламациями на демонстрацию с призывом «долой правительство». Его арестовали и осудили *на каторгу*. Он сидит теперь в каторжной тюрьме в Германии, как и вообще *сотни*, если не тысячи, *истинных* социалистов Германии сидят в тюрьмах за борьбу против войны.

Карл Либкнехт вел беспощадную борьбу в речах и письмах не только *со своими* Плехановыми, Потресовыми (Шейдеманами, Легинами, Давидами и К⁰), *но и со своими людьми центра*, со своими Чхеидзе, Церетели (с Каутским, Гаазе, Ледебуром и К⁰).

Карл Либкнехт с своим другом Отто Рюле, вдвоем из ста десяти депутатов, порвали дисциплину, разрушили «единство» с «центром» и шовинистами, *пошли против всех. Один* Либкнехт представляет социализм, пролетарское дело, пролетарскую революцию. *Вся* остальная германская социал-демократия, по верному выражению Розы Люксембург (тоже член и один из вождей «группы Спартака»),—*смердящий труп.*

Другая группа интернационалистов на деле в Германии—бременская газета «Рабочая Политика».

Во Франции ближе всего к интернационалистам на деле—Лорио и его друзья (Бурдерон и Мергейм скатились к социал-пацифизму), а также француз Анри Гильбо, издающий в Женеве журнал «Завтра», в Англии—газета «Трэд-Юнионист» и *часть* членов Британской Социалистической Партии и Независимой Рабочей Партии (напр., Виллиам Рёссель, открыто звавший к расколу с *изменившими* социализму вождями), шотландский народный учитель социалист *Маклин*, осужден буржуазным правительством Англии *на каторгу* за революционную борьбу против войны; сотни социалистов Англии в тюрьмах за те же преступления. Они и только они—интер-

националисты *на деле;* в Америке—«Социалистическая Рабочая Партия» и те элементы внутри оппортунистической «Социалистической Партии», которые начали издавать с января 1917 г. газету «Интернационалист»; в Голландии—партия «трибунистов», издающих газету «Трибуна» (Паннекук, Герман Гортер, Вейнкоп, Генриетта Роланд-Хольст), бывшая центром в Циммервальде, перешедшая теперь к нам; в Швеции—партия молодых или левых с такими вождями, как Линдхаген, Туре Нерман, Карлсон, Стрем, З. Хеглунд, участвовавший лично в Циммервальде в основании «Циммервальдской левой» и осужденный ныне в тюрьму за революционную борьбу против войны; в Дании—Трир и его друзья, ушедшие из ставшей вполне *буржуазной* «социал-демократической» партии Дании, с *министром* Стаунингом во главе; в Болгарии—«тесняки»; в Италии—ближе всего секретарь партии Константин Ладзари и редактор центрального органа «Вперед» Серрати; в Польше—Радек, Ганецкий и др. вожди социал-демократии, объединенной «Краевым Правлением»; Роза Люксембург, Тышко и др. вожди социал-демократии, объединенной «Главным Правлением»; в Швейцарии—те левые, которые составили мотивировку «референдума» (январь 1917 г.) для борьбы с социал-шовинистами и «центром» *своей* страны и которые на Цюрихском кантональном социалистическом съезде в Тессе, 11 февраля 1917 г., внесли принципиально-революционную резолюцию против войны; в Австрии—молодые друзья Фридриха Адлера слева, действовавшие отчасти в клубе «Карл Маркс» в Вене,—клубе, закрытом ныне реакционнейшим австрийским правительством, губящим Фр. Адлера за его геройский, хотя и мало обдуманный, выстрел в министра, и т. д., и т. д.

Дело не в оттенках, которые есть и между левыми. Дело в *течении*. Вся суть в том, что не легко быть интернационалистом на деле в эпоху ужасной импе-

риалистской войны. Таких людей мало, но *только* в них—вся будущность социализма, *только* они—*вожди масс*, а не развратители масс.

Различие между реформистами и революционерами, среди социал-демократов, среди социалистов вообще, с объективной неизбежностью должно было претерпеть изменение в обстановке империалистской войны. Кто ограничивается «требованиями» к буржуазным правительствам о заключении мира или о «выявлении воли народов к миру» и т. п., тот *на деле* скатывается к реформам. *Ибо вопрос о войне*, объективно, стоит только *революционно*.

Нет выхода из войны к демократическому, не насильническому миру, к освобождению народов от кабалы *миллиардных* процентов господам капиталистам, нажившимся на «войне»,—нет выхода, кроме революции пролетариата.

От буржуазных правительств можно и должно требовать самых различных реформ, но нельзя, не впадая в маниловщину, в реформизм, требовать от этих, тысячами нитей империалистского капитала опутанных людей и классов, *разрыва* этих нитей, а без такого разрыва все разговоры о войне против войны—пустые, обманчивые фразы.

«Каутскианцы», «центр»—революционеры на словах, реформисты на деле,—интернационалисты на словах, пособники социал-шовинизма на деле.

КРАХ ЦИММЕРВАЛЬДСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.—НЕОБХОДИМО ОСНОВАТЬ III ИНТЕРНАЦИОНАЛ

17. Циммервальдский Интернационал с самого начала встал на колеблющуюся, «каутскианскую», «центровую» позицию, что и заставило *Циммервальдскую левую* немедленно отгородиться, обособиться, выступить со *своим* манифестом (напечатанным в Швейцарии по-русски, по-немецки и по-французски).

Главный недостаток Циммервальдского Интернационала—причина его *краха* (ибо он потерпел уже идейно-политический крах)—колебания, нерешительность в важнейшем, практически *всеопределяющем* вопросе о полном разрыве с социал-шовинизмом и с социал-шовинистским старым Интернационалом, возглавляемым Вандервельдом, Гюисмансом в Гааге (Голландия) и пр.

У нас еще не знают, что циммервальдское большинство есть *именно каутскианцы.* А между тем это основной

факт, который нельзя не учитывать и который теперь в Западной Европе общеизвестен. Даже шовинист, крайний немецкий шовинист Гейльман, редактор архи-шовинистской «Хемницкой Газеты» и сотрудник архи-шовинистского парвусовского «Колокола»—(разумеется, «социал-демократ» и ярый сторонник «единства» социал-демократии)—должен был признать в печати, что центр или «каутскианство» и *циммервальдское большинство*, это одно и то же.

А конец 1916 и начало 1917 гг. окончательно установили этот факт. Несмотря на осуждение социал-пацифизма Кинтальским манифестом, *вся* Циммервальдская правая, *все* Циммервальдское большинство скатилось к социал-пацифизму: Каутский и К⁰ в ряде выступлений в январе и феврале 1917 г.; Бурдерон и Мергейм во Франции, голосуя *единодушно* с социал-шовинистами за пацифистские резолюции социалистической партии (декабрь 1916 г.) и «Генеральной конфедерации труда» (т.-е. общенациональной организации французских профессиональных союзов, тоже в декабре 1916 г.); Турати и К⁰ в Италии, где вся партия заняла социал-пацифистскую позицию, а Турати лично «поскользнулся» (и не случайно, конечно) до *националистических*, прикрашивающих империалистскую войну, фраз в речи 17 декабря 1916 года.

Председатель Циммервальда и Кинталя Роберт Гримм в январе 1917 г. вошел в союз с социал-шовинистами *своей* партии (Грейлих, Пфлюгер, Густав Мюллер и др.) *против* интернационалистов на деле.

На двух совещаниях *циммервальдцев* разных стран, в январе и феврале 1917 г. это двойственное и двуличное поведение циммервальдского большинства было формально заклеймено левыми интернационалистами нескольких стран: Мюнценбергом, секретарем международной организации молодых и редактором прекрасной ши-

тернационалистской газеты «Интернационал Молодежи»; Зиновьевым, представителем Ц. К. нашей партии; К. Радеком, польской социал-демократической партии («Краевое Правление»); Хартштейном, немецким социал-демократом, членом «группы Спартак».

Русскому пролетариату многое дано; нигде в мире не удалось еще рабочему классу развернуть такую революционную энергию, как в России. Но кому много дано, с того много спросится.

Нельзя терпеть далее циммервальдское болото. Нельзя из-за циммервальдских «каутскианцев» оставаться дальше в полусвязи с шовинистским Интернационалом Плехановых и Шейдеманов. Надо порвать с этим Интернационалом немедленно. Надо остаться в Циммервальде *только* для информации.

Надо основать именно нам, именно теперь, без промедления *новый* революционный, пролетарский Интернационал, или вернее не бояться признать во всеуслышание, что он *уже основан* и действует.

Это—Интернационал тех «интернационалистов на деле», которых я точно перечислил выше. Они и только они—представители революционно-интернационалистских масс, а не развратители масс.

Если мало *таких* социалистов, то пусть спросит себя каждый русский рабочий, много ли было сознательных революционеров в России *накануне* революции Февральской и Мартовской 1917 года?

Дело не в числе, а в правильном выражении идей и политики действительно революционного пролетариата. Суть не в «провозглашении» интернационализма, а в том, чтобы уметь быть, даже в самые трудные времена, интернационалистом на деле.

Не будем обманываться надеждой на соглашения и международные конгрессы. Международные сношения, пока длится империалистская война, сжаты железными

тисками империалистски-буржуазной военной диктатуры. Если даже «республиканец» Милюков, вынужденный терпеть побочное правительство Совета Рабочих Депутатов, *не пустил* в Россию, в апреле 1917 г., швейцарского социалиста, секретаря партии, интернационалиста, участника Циммервальда и Кинталя, *Фрица Платтена*, хотя он женат на русской, ехал к родственникам жены, хотя он участвовал в революции 1905 г. в Риге, сидел за это в русской тюрьме, внес залог, для освобождения, царскому правительству, хотел получить этот залог обратно, если республиканец Милюков мог *сделать* это в России в апреле 1917 г., то можно судить о том, чего стоят обещания и посулы, фразы и декларации насчет мира без аннексий и т. п. со стороны буржуазии.

А арест Троцкого английским правительством? А невыпуск Мартова из Швейцарии, а надежды заманить Мартова в Англию, где его ждет судьба Троцкого?

Не будем делать себе иллюзий. Не надо самообманов. «Ждать» международных конгрессов или совещаний значит быть *изменником* интернационализма, раз доказано, что даже из Стокгольма к нам не пускают ни верных интернационализму социалистов, *ни даже писем от них*, несмотря на полную возможность и на полную свирепость военной цензуры.

Не «ждать», а *основать* III Интернационал должна тотчас наша партия,—и сотни социалистов в тюрьмах Германии и Англии вздохнут с облегчением,—тысячи и тысячи немецких рабочих, которые устраивают ныне стачки и демонстрации, пугающие негодяя и разбойника Вильгельма, прочтут в *нелегальных* листках о нашем решении, о нашем братском доверии Карлу Либкнехту и только ему, о *нашем* решении бороться и *теперь* против «революционного оборончества»,—прочтут это и укрепятся в своем революционном интернационализме.

Кому много дано, с того много спросится. Нет в мире

страны, где бы *сейчас* была такая свобода, как в России. Воспользуемся этой свободой не для проповеди поддержки буржуазии или буржуазного «революционного оборончества», а для смелого и честного, пролетарского и Либкнехтского,—*основания III Интернационала*, Интернационала, враждебного бесповоротно и изменникам—социал-шовинистам и колеблющимся людям «центра».

18. О том, что об объединении социал-демократов в России не может быть и речи, не приходится тратить много слов после вышесказанного.

Лучше остаться вдвоем, как Либкнехт,—и *это значит остаться с революционным пролетариатом*,—чем допускать хотя бы на минуту мысль об объединении с партией О. К., с Чхеидзе и Церетели, которые терпят блок с Потресовым в «Рабочей Газете», которые голосуют за заем в Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов, которые скатились к «оборончеству».

Пусть мертвые хоронят своих мертвецов.

Кто хочет *помочь* колеблющимся, должен начать с того, чтобы перестать колебаться самому.

КАКОВО ДОЛЖНО БЫТЬ НАУЧНО-ПРАВИЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКИ ПОМОГАЮЩЕЕ ПРОЯСНЕНИЮ СОЗНАНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА НАЗВАНИЕ НАШЕЙ ПАРТИИ

12

19. Перехожу к последнему, к названию нашей партии. Мы должны назваться *Коммунистической партией*,—как называли себя Маркс и Энгельс.

Мы должны повторить, что мы марксисты и за основу берем «Коммунистический манифест», извращенный и преданный социал-демократией по двум главным пунктам: 1) рабочие не имеют отечества: «защита отечества» в империалистской войне есть измена социализму; 2) учение марксизма о государстве извращено II Интернационалом.

Название «социал-демократия» *научно* неверно, как показал Маркс, неоднократно, между прочим, в «Критике Готской программы» 1875 г. и популярнее повторил Энгельс в 1894 году. От капитализма человечество может

перейти непосредственно только к социализму, т.-е. общему владению средствами производства и распределению продуктов по мере работы каждого. Наша партия смотрит дальше: социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм, на знамени которого стоит: «Каждый по способностям, каждому по потребностям».

Таков мой первый довод.

Второй: научно неправильна и вторая часть названия нашей партии (социал-*демократы*). Демократия есть одна из форм *государства*. Между тем мы, марксисты, противники *всякого* государства.

Вожди II (1889—1914) Интернационала, гг. Плеханов, Каутский и подобные им, опошлили и извратили марксизм.

Марксизм отличается от анархизма тем, что признает *необходимость государства* для перехода к социализму,—но (и в этом отличие от Каутского и К⁰) *не такого государства*, как обычная парламентарная буржуазная демократическая республика, а такого, как Парижская Коммуна 1871 г., как Советы Рабочих Депутатов 1905 и 1917 годов.

Мой третий довод: *жизнь* создала, революция создала *уже на деле* у нас, хотя и в слабой, зачаточной форме, именно это, новое «государство», не являющееся государством в собственном смысле слова.

Это *уже* вопрос практики масс, а не только теория вождей. Государство в собственном смысле есть командование над массами со стороны отрядов вооруженных людей, отделенных от народа.

Наше *рождающееся*, новое государство есть тоже государство, ибо нам необходимы отряды вооруженных людей, необходим *строжайший* порядок, необходимо *беспощадное* подавление насилием всяких попыток контрреволюции и царистской и Гучковски-буржуазной.

Но наше *рождающееся*, новое государство *не есть* уже государство в собственном смысле слова, ибо в ряде мест России эти отряды вооруженных людей есть *сама масса*, весь народ, а не кто-либо, над ним поставленный, от него отделенный, привилегированный, практически несменяемый.

Не назад надо смотреть, а вперед, не на ту демократию обычно-буржуазного типа, которая укрепляла господство буржуазии посредством старых, *монархических*, органов управления, полиции, армии, чиновничества.

Надо смотреть вперед к рождающейся новой демократии, которая уже перестает быть демократией, ибо демократия есть господство народа, а сам вооруженный народ не может над собой господствовать.

Слово демократия не только научно неверно в применении к коммунистической партии. Оно теперь, после марта 1917 г., есть *шора*, одеваемая на глаза революционному народу и *мешающая* ему свободно, смело, самочинно строить новое: Советы Рабочих, Крестьянских и всяких иных Депутатов, как *единственную власть* в «государстве», как предвестник «отмирания» *всякого* государства.

Мой четвертый довод: надо считаться с объективным всемирным положением социализма.

Оно не таково, каким было в 1871—1914 гг., когда Маркс и Энгельс сознательно мирились с неверным, оппортунистическим термином: «социал-демократии». Ибо *тогда*, после поражения Парижской Коммуны, история поставила на очередь дня: медленную организационно-просветительную работу. Иной не было. Анархисты не только теоретически были (и остаются) в корне неправы, и экономически и политически. Анархисты неверно оценили момент, не поняв всемирной ситуации: развращенный империалистскими прибылями рабочий Англии, разбитая Коммуна в Париже, только что победившее

(в 1871 г.) буржуазно-национальное движение в Германии, спящая вековым сном полукрепостная Россия.

Маркс и Энгельс верно учли момент, поняли международную ситуацию, поняли задачи *медленного* подхода к началу социальной революции.

Поймем же и мы задачи и особенности новой эпохи. Не будем подражать тем горе-марксистам, про которых говорил Маркс: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох».

Объективная необходимость капитализма, переросшего в империализм, породила империалистскую войну. Война привела все человечество *на край пропасти*, гибели всей культуры, одичания и гибели еще миллионов людей, миллионов без числа.

Выхода *нет*, кроме революции пролетариата.

И в такой момент, когда эта революция начинается, когда она делает свои первые, робкие, нетвердые, несознательные, слишком доверчивые к буржуазии шаги,—в такой момент большинство (это правда, это факт) «социал-демократических» вождей, «социал-демократических» парламентариев, «социал-демократических» газет—а ведь именно таковы *органы* воздействия на массы—большинство их *изменило* социализму, *предало* социализм, перешло на сторону «своей» национальной буржуазии.

Массы смущены, сбиты с толку, обмануты *этими* вождями.

И мы будем поощрять этот обман, облегчать его, держась того старого и устаревшего названия, которое так же сгнило, как сгнил II Интернационал!

Пусть «многие» рабочие *понимают* социал-демократию по-честному. Пора учиться различию субъективного от объективного.

Субъективно эти рабочие социал-демократы—вернейшие вожди пролетарских масс.

А объективное, всемирное положение таково, что старое название нашей партии *облегчает* обман масс, *тормозит* движение вперед, ибо на каждом шагу, в каждой газете, в каждой парламентской фракции масса видит *вождей*, т.-е. людей, слова которых громче слышны, дела дальше видны,—и все они «тоже-социал-демократы», все они «за единство» с изменниками социализма, социал-шовинистами, все они предъявляют к уплате старые векселя, выданные «социал-демократией»...

А доводы против?.. «Смешают с анархистами-коммунистами»...

Отчего не боимся мы смешения с социал-националами и социал-либералами, с радикалами-социалистами, самой передовой и самой ловкой в буржуазном обмане масс буржуазной партией в французской республике?.. «Массы привыкли, рабочие «полюбили» *свою* социал-демократическую партию»...

Вот единственный довод, но ведь это довод, отбрасывающий прочь и науку марксизма, и задачи завтрашнего дня в революции, и объективное положение всемирного социализма, и позорный крах II Интернационала, и порчу практического дела стаями окружающих пролетариев «тоже-социал-демократов».

Это довод рутины, довод спячки, довод косности.

А мы хотим перестроить мир. Мы хотим покончить всемирную империалистскую войну, в которую втянуты сотни миллионов людей, запутаны интересы сотен и сотен миллиардов капитала, которую нельзя кончить истинно демократическим миром без величайшей в истории человечества пролетарской революции.

И мы боимся сами себя. Мы держимся за «привычную», «милую», грязную рубаху...

Пора сбросить грязную рубаху, пора надеть чистое белье.

Петроград, 23 (10) апреля 1917 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ: «ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Моя брошюра устарела вследствие экономической разрухи и неработоспособности типографий в Петербурге. Брошюра написана 10 апреля 1917 г., а сегодня 28 мая, и брошюра все еще не вышла!

Брошюра написана, как *проект* платформы для пропаганды моих взглядов *перед* Всероссийской конференцией нашей партии, Р.С.-Д.Р.П. большевиков. Переписанная на пишущей машине и розданная членам партии в нескольких экземплярах перед конференцией и на конференции, брошюра сделала все же некоторую часть своей работы. Но теперь конференция 24—29 апреля 1917 г. уже состоялась, резолюции ее давно изданы (см. приложения к № 13 «Солдатской Правды»), и внимательный читатель легко заметит, что моя брошюра частенько является первоначальным проектом этих резолюций.

Мне остается только выразить надежду, что кое-какую

пользу в связи с этими резолюциями, в пояснение их, брошюра все же принесет, а затем остановиться на двух пунктах.

Я предлагаю, на стр. 27, остаться в Циммервальде только для информации. Конференция не согласилась в этом пункте со мной, и мне пришлось голосовать против резолюции об Интернационале. Уже теперь становится явственно видным, что конференция сделала ошибку и что ход событий быстро поправит ее. Оставаясь в Циммервальде, мы (хотя бы и против нашей воли) участвуем в оттягивании создания III-го Интернационала; мы косвенно тормозим его создание, будучи связаны мертвым грузом уже мертвого идейно-политически Циммервальда.

Положение нашей партии перед лицом всех рабочих партий всего мира теперь именно таково, что мы *обязаны* немедленно *основать* III-ий Интернационал. Кроме нас *теперь* этого сделать некому, а оттяжки вредны. Оставаясь в Циммервальде лишь для информации, мы сразу развязали бы себе руки для такого создания (будучи в то же время в состоянии *использовать* Циммервальд, если бы обстоятельства сделали такое использование возможным).

Теперь же, благодаря ошибке, сделанной конференциею, мы вынуждены пассивно ждать по меньшей мере до 5 июля 1917 г. (срок созыва Циммервальдской конференции; хорошо еще, если ее не отсрочат *еще* раз! она уже была раз отсрочена...).

Но решение, единогласно принятое Ц. К. нашей партии после конференции и напечатанное в № 55 «Правды», от 12 мая, на половину исправило ошибку: постановлено, что мы уходим из Циммервальда, если он пойдет совещаться с министрами*. Я позволю себе выразить надежду, что вторая половина ошибки будет исправлена

* См. XX том Сочинений, стр. 366. *Ред.*

вскоре, как только мы созовем первое международное совещание «левых» («третье течение», «интернационалистов на деле», см. выше, стр. 23—25).

Второй пункт, на котором надо остановиться, это—образование «коалиционного министерства» 6 мая 1917 г. Перемена *кажется* в этом пункте особенно устаревшей.

На деле именно в этом пункте она совершенно не устарела. Она строит *все* на *классовом* анализе, которого, как огня, боятся меньшевики и народники, давшие 6 министров в заложники 10-ти министрам капиталистов. И именно потому, что брошюра строит все на классовом анализе, она не устарела, ибо вступление Церетели, Чернова и К⁰ в министерство изменило в *ничтожной* степени только *форму* соглашения Петроградского Совета с правительством капиталистов, а я нарочно подчеркнул в брошюре, на стр. 8, что «имею в виду не столько формальное соглашение, сколько фактическую поддержку».

С каждым днем все яснее становится, что Церетели, Чернов и К⁰ именно только заложники капиталистов, что ровнехонько ничего «обновленное» правительство из своих пышных обещаний выполнить не хочет и не может ни во внешней политике, ни во внутренней. Чернов, Церетели и К⁰ убили себя политически, оказались помощниками капиталистов, на деле душащими революцию, Керенский докатился до применения насилия к массам (ср. стр. 9 брошюры: «Гучков только еще грозится применять насилие против масс», а Керенскому *пришлось* осуществлять эти угрозы...). Чернов, Церетели и К⁰ убили политически себя и свои партии, меньшевиков и социалистов-революционеров. С каждым днем народ будет видеть это все яснее и яснее.

Коалиционное министерство—лишь переходный момент в развитии основных, анализированных вкратце в моей брошюре, классовых противоречий нашей революции. Так

продолжаться долго не может. Либо назад—к контр-революции по всей линии, либо вперед—к переходу власти в руки иных классов. Стоять на месте в революционное время, в обстановке всемирной империалистской войны, нельзя.

Петербург, 10 июня (28 мая) 1917 г.
Напечатано в 1917 г.

Печатается по тексту 2 и 3-го изд.
Сочинений, т. XX, стр. 111—135; 444—446.

К ЛОЗУНГАМ

Слишком часто бывало, что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл «внезапно» настолько же, насколько «внезапен» был крутой поворот истории.

Нечто подобное может повториться, повидимому, с лозунгом перехода всей государственной власти к Советам. Этот лозунг был верен в течение миновавшего бесповоротно периода нашей революции, скажем, с 27 февраля по 4-е июля. Этот лозунг явно перестал быть верным теперь. Не поняв этого, нельзя ничего понять в насущных вопросах современности. Каждый отдельный лозунг должен быть выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения. А политическое положение в России теперь, после 4 июля, коренным образом отличается от положения 27 февраля—4 июля.

Тогда, в этот миновавший период революции, господствовало в государстве так называемое «двоевластие»,

и материально и формально выражавшее неопределенно-переходное состояние государственной власти. Не забудем, что вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции.

Тогда власть находилась в колеблющемся состоянии. Ее делили, по добровольному соглашению между собой, Временное Правительство и Советы. Советы представляли из себя делегации от массы свободных, т.-е. никакому насилию извне не подвергающихся, и вооруженных рабочих и солдат. Оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом—вот в чем была *суть* дела. Вот что открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции. Лозунг: «переход всей власти к Советам» был лозунгом ближайшего шага, непосредственно осуществимого шага, на этом мирном пути развития. Это был лозунг мирного развития революции, которое было с 27 февраля по 4-е июля возможно и, конечно, наиболее желательно, и которое теперь безусловно невозможно.

По всей видимости, не все сторонники лозунга: «переход всей власти к Советам» достаточно вдумались в то, что это был лозунг мирного развития революции вперед. Мирного не только в том смысле, что никто, ни один класс, ни одна серьезная сила не могли бы тогда (с 27 февраля по 4 июля) воспротивиться и помешать переходу власти к Советам. Это еще не все. Мирное развитие было бы тогда возможно, даже также в том отношении, что борьба классов и партий *внутри* Советов могла бы тогда, при условии своевременного перехода к ним всей полноты государственной власти, уживаться наиболее мирно и наиболее безболезненно.

На эту последнюю сторону дела тоже недостаточно еще обращено внимание. Советы, по своему классовому составу, были органами движения рабочих и крестьян, готовой формой их диктатуры. Будь у них полнота

власти, главный недостаток мелкобуржуазных слоев, главный грех их, доверчивость к капиталистам, изжился бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий. Смена классов и партий, имеющих власть, могла бы внутри Советов, на почве их единовластия и всевластия, идти мирно; связь всех советских партий с массами могла бы оставаться прочной и неослабленной. Нельзя ни на минуту упускать из виду, что только эта теснейшая и свободнорастущая вширь и вглубь связь советских партий с массами могла бы помочь мирно изжить иллюзии мелкобуржуазного соглашательства с буржуазией. Переход власти к Советам не изменил бы сам по себе и не мог бы изменить соотношения классов; он ничего не изменил бы в мелкобуржуазности крестьянства. Но он своевременно сделал бы крупный шаг к отрыву крестьян от буржуазии, к сближению, а затем и к соединению их с рабочими.

Так могло бы быть, если бы власть своевременно перешла к Советам. Так было бы всего легче, всего выгоднее для народа. Такой путь был бы самый безболезненный, и потому за него надо было всего энергичнее бороться. Но теперь эта борьба, борьба за своевременный переход власти к Советам, окончилась. Мирный путь развития сделан невозможным. Начался немирный, наиболее болезненный путь.

Перелом 4 июля именно в том и состоит, что после него объективное положение круто изменилось. Колеблющееся состояние власти прекратилось, власть перешла в решающем месте в руки контр-революции. Развитие партий на почве соглашательства мелкобуржуазных партий эс-эров и меньшевиков с контр-революционными кадетами привело к тому, что обе эти мелкобуржуазные партии оказались фактическими участниками и пособниками контр-революционного палачества. Несознательная доверчивость мелких буржуа к капиталистам довела

первых, ходом развития партийной борьбы, до сознательной поддержки ими контр-революционеров. Цикл развития партийных отношений закончился. 27 февраля все классы оказались вместе против монархии. После 4 июля контр-революционная буржуазия, об руку с монархистами и черной сотней, присоединила к себе мелкобуржуазных эс-эров и меньшевиков, частью запугав их, и отдала фактическую государственную власть в руки Кавеньяков, в руки военной шайки, расстреливающей неповинующихся на фронте, разгромляющих большевиков в Питере.

Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, объективно, был бы обманом народа, внушением ему иллюзии, будто Советам и *теперь* достаточно пожелать взять власть или постановить это для получения власти, будто в Совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам, будто можно бывшее сделать небывшим.

Глубочайшей ошибкой было бы думать, что революционный пролетариат способен, так сказать, из «мести» эс-эрам и меньшевикам за их поддержку разгрома большевиков, расстрелов на фронте и разоружение рабочих, «отказаться» поддерживать их против контр-революции. Такая постановка вопроса была бы, во-первых, перенесением мещанских понятий о морали на пролетариат (ибо *для пользы дела* пролетариат поддержит всегда не только колеблющуюся мелкую буржуазию, но и крупную буржуазию); она была бы, во-вторых,—и это главное,—мещанской попыткой заменить посредством «морализирования» политическую суть дела.

Эта суть дела состоит в том, что власть нельзя уже сейчас мирно взять. Ее можно получить, только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти в данный момент, именно военную шайку, Кавень-

яков, опирающихся на привезенные в Питер реакционные войска, на кадетов и на монархистов.

Суть дела в том, что победить этих новых обладателей государственной власти могут только революционные массы народа, условием движения которых является не только то, чтобы они были руководимы пролетариатом, но и то, чтобы они отвернулись от предавших дело революции партий эс-эров и меньшевиков.

Кто вносит в политику мещанскую мораль, тот рассуждает так: допустим, что эс-эры и меньшевики сделали «ошибку», поддержав Кавеньяков, разоружающих пролетариат и революционные полки; но надо дать возможность им «поправить» ошибку, «не затруднять» им исправление «ошибки»; облегчить колебание мелкой буржуазии в сторону рабочих. Подобное рассуждение было бы детской наивностью или просто глупостью, если не новым обманом рабочих. Ибо колебание мелкобуржуазных масс в сторону рабочих состояло бы только в том, и именно в том, что эти массы отвернулись бы от эс-эров и меньшевиков. Исправление «ошибки» партиями эс-эров и меньшевиков могло бы теперь состоять только в том, чтобы эти партии объявили Церетели и Чернова, Дана и Ракитникова пособниками палачей. Мы вполне и безусловно за такое «исправление» ошибки...

Коренной вопрос в революции есть вопрос о власти, сказали мы. Надо добавить: именно революции показывают нам на каждом шагу затемнение вопроса о том, *где* настоящая власть, показывают нам расхождение между формальной и реальной властью. Именно в этом и состоит одна из главных особенностей всякого революционного периода. В марте и апреле 1917 года неизвестно было, находится ли реальная власть в руках правительства или в руках Совета.

Теперь же особенно важно, чтобы сознательные рабочие посмотрели трезво на коренной вопрос революции:

в чьих руках в данный момент государственная власть. Подумайте, каковы материальные ее проявления, не принимайте фразы за дела, и вы не затруднитесь ответом.

Государство есть прежде всего отряды вооруженных людей с материальными привесками вроде тюрем—писал Фридрих Энгельс[3]. Теперь это—юнкера, реакционные казаки, специально свезенные в Питер; это те, кто держит в тюрьме Каменева и других; кто закрыл газету «Правда»; кто разоружил рабочих и определенную часть солдат; кто расстреливает столь же определенную часть солдат; кто расстреливает столь же определенную часть войска в армии. Вот эти палачи, это—реальная власть. Церетели и Черновы—министры без власти, министры-куклы, вожди партий, поддерживающих палачество. Это—факт. И этот факт не меняется от того, что ни Церетели, ни Чернов лично, наверное, «не одобряют» палачество, что их газеты робко отговариваются от него: такое видоизменение политического наряда не меняет сути дела.

Закрытие органа 150 000 петроградских избирателей, убийство юнкерами рабочего Воинова (6 июля) за вынос из типографии «Листка Правды»—разве это не палачество? разве это не дело Кавеньяков? Ни правительство, ни Советы «не виноваты» в этом,—скажут нам.

Тем хуже для правительства и для Советов,—ответим мы,—ибо тогда, значит, они—ноли; они марионетки, реальная власть не у них.

Народ должен прежде всего и больше всего знать *правду*—знать, в чьих же руках на деле государственная власть. Надо говорить народу всю правду: власть в руках военной клики Кавеньяков (Керенского, некиих генералов, офицеров и т. д.), коих поддерживает буржуазия, как класс, с партией к.-д. во главе ее, и со всеми монархистами, действующими через все черносотенные газеты, чрез «Новое Время», «Живое Слово» и пр. и пр.

Эту власть надо свергнуть. Без этого все фразы о борьбе с контр-революцией пустые фразы, «самообман и обман народа».

Эту власть поддерживают сейчас и министры Церетели и Черновы, и их партии: надо разъяснять народу их палаческую роль и неизбежность такого «финала» этих партий после их «ошибок» 21 апреля, 5 мая, 9 июня, 4 июля, после их одобрения политики наступления, политики, на девять десятых предрешившей победу Каве-ньяков в июле.

Всю агитацию в народе надо перестроить так, чтобы она учитывала конкретный опыт именно теперешней революции и в особенности июльских дней, т.-е., чтобы она ясно указывала настоящего врага народа, военную клику, кадетов и черносотенцев, и чтобы она определенно разоблачала те мелкобуржуазные партии, партии эс-эров и меньшевиков, которые сыграли и играют роль пособников палачества.

Всю агитацию в народе надо перестроить так, чтобы выяснить полнейшую безнадежность получения земли крестьянами, пока не свергнута власть военной клики, пока не разоблачены и не лишены народного доверия партии эс-эров и меньшевиков. Это был бы очень долгий и очень трудный процесс при «нормальных» условиях капиталистического развития, но и война, и экономическая разруха ускорят дело в громадных размерах. Это—такие «ускорители», которые месяц и даже неделю могут приравнять году.

Вероятно, против сказанного выше выдвинуты были бы два возражения: первое, что говорить сейчас о решительной борьбе значит поощрять разрозненные выступления, которые помогли бы именно контр-революции; второе, что ее свержение означает переход власти все же в руки Советов.

В ответ на первое возражение мы скажем: рабочие

России уже достаточно сознательны, чтобы не поддаваться на провокацию в заведомо невыгодный для них момент. Что теперь выступать и сопротивляться им значило бы помочь контр-революции, это бесспорно. Что решительная борьба возможна лишь при новом подъеме революции в самых глубоких массах, это тоже бесспорно. Но не достаточно говорить о подъеме революции, о приливе ее, о помощи западных рабочих и т. д. вообще, надо сделать определенный вывод из нашего прошлого, надо учесть именно наши уроки. А этот учет даст именно лозунг решительной борьбы против захватившей власть контр-революции.

Второе возражение тоже сводится к подмену конкретных истин чересчур общими рассуждениями. Свержение буржуазной контр-революции не может дать ничто, никакая сила, кроме революционного пролетариата. Именно революционный пролетариат, после опыта июля 1917 года, и должен самостоятельно взять в свои руки государственную власть—вне этого победы революции *быть не может.* Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями,— вот единственный выход, и мы ответили уже, какие именно обстоятельства могут чрезвычайно ускорить его.

Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но *не* теперешние Советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так. Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с *данной* контр-революцией и с предательством *данных* Советов.

Подменять конкретное абстрактным один из самых главных грехов, самых опасных грехов в революции. Данные Советы провалились, потерпели полный крах из-за господства в них партии эс-эров и меньшевиков. В данную минуту эти Советы похожи на баранов, ко-

торые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат. Советы *теперь* бессильны и беспомощны перед победившей и побеждающей контр-революцией. Лозунг передачи власти Советам может быть понят, как «простой» призыв к переходу власти именно к данным Советам, а говорить это, призывать к этому значило бы теперь обманывать народ. Нет ничего опаснее обмана.

Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27 февраля по 4 июля закончился. Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы. Надо смотреть не назад, а вперед. Надо оперировать не со старыми, а с новыми, послеиюльскими, классовыми и партийными категориями. Надо исходить, при начале нового цикла, из победившей буржуазной контр-революции, победившей благодаря соглашательству с ней эс-эров и меньшевиков, и могущей быть побежденной только революционным пролетариатом. В этом новом цикле, конечно, будут еще многоразличные этапы и до окончательной победы контр-революции и до окончательного поражения (без борьбы) эс-эров и меньшевиков и до нового подъема новой революции. Об этом однако говорить можно будет лишь позже, когда наметятся эти этапы в отдельности...

Написано в середине июля 1917 г.
Напечатано отдельной брошюрой
в 1917 г. в изд. Кронштадтского
Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Печатается по тексту 2 и 3-го изд.
Сочинений, т. XXI, стр. 33—38.

УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ

Всякая революция означает крутой перелом в жизни громадных масс народа. Если не назрел такой перелом, то настоящей революции произойти не может. И как всякий перелом в жизни любого человека многому его учит, заставляет его многое пережить и перечувствовать, так и революция дает всему народу в короткое время самые содержательные и ценные уроки.

За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной, сонной жизни. Ибо на крутом переломе жизни целого народа становится особенно ясно видно, какие классы народа преследуют те или иные цели, какою силою они обладают, какими средствами они действуют.

Всякий сознательный рабочий, солдат, крестьянин должен внимательно вдуматься в уроки русской революции, особенно теперь в конце июля, когда ясно стало видно, что первая полоса нашей революции кончилась неудачей.

В самом деле, посмотрим, чего добивались массы рабочих и крестьян, совершая революцию? Чего ждали они от революции? Известно, что они ждали свободы, мира, хлеба, земли.

Что же мы видим теперь?

Вместо свободы начинают восстановлять прежний произвол. Вводят смертную казнь для солдат на фронте, привлекают крестьян к суду за самочинный захват помещичьей земли. Громят типографии рабочих газет. Закрывают без суда рабочие газеты. Арестуют большевиков, часто не предъявляя даже никаких обвинений или предъявляя обвинения явно клеветнические.

Возразят пожалуй, что преследования большевиков не составляют нарушения свободы, ибо преследуют только определенных лиц за определенное обвинение. Но это возражение—заведомая и очевидная неправда, ибо как же можно громить типографию и закрывать газеты за преступления отдельных лиц, будь даже эти обвинения доказаны и признаны судом. Другое дело, если бы правительство признало законом преступными всю партию большевиков, самое направление их, взгляды их. Но всякий знает, что ничего подобного правительство свободной России сделать не могло и не сделало.

Главное теперь, что газеты помещиков и капиталистов бешено бранили большевиков за их борьбу против войны, против помещиков и против капиталистов, и требовали открытого ареста и преследования большевиков еще тогда, когда ни одно обвинение ни против одного большевика не было еще придумано. Народ хочет мира. А революционное правительство свободной России снова повело захватную войну, на основе тех самых тайных договоров, которые бывший царь Николай II заключил с английскими и французскими капиталистами в интересах ограбления чужих народов русскими капиталистами. Эти тайные договоры так и остались неопубликованными. Правительство свободной России отделалось отговорками, так и не предложив справедливого мира всем народам.

Хлеба нет. Голод опять надвигается. Все видят, что

капиталисты и богатые бессовестно обманывают казну на военных поставках (война стоит теперь народу 50 миллионов рублей ежедневно), наживают неслыханные прибыли на высоких ценах, а для серьезного учета производства продуктов и распределения их рабочими ровно ничего не сделано. Капиталисты наглеют все больше, выбрасывая рабочих на улицу, и это в такое время, когда народ бедствует от бестоварья. Громадное большинство крестьян заявило громко и ясно на длинном ряде съездов, что они объявляют помещичью собственность на землю несправедливостью и грабежом. А правительство, называющее себя революционным и демократическим, продолжает месяцами водить крестьян за нос и надувать их обещаниями и оттяжками. Министру Чернову капиталисты месяцами не позволяли издавать законы о запрещении купли-продажи земли. А когда, наконец, этот закон был издан, то капиталисты подняли гнусную клеветническую травлю против Чернова и продолжают эту травлю посейчас.

Правительство дошло до такой наглости в защите помещиков, что начинает привлекать крестьян к суду за «самочинные» захваты.

Крестьян водят за нос, убеждая подождать до Учредительного Собрания. А созыв этого Собрания капиталисты все оттягивают. Теперь, когда этот созыв, под влиянием требования большевиков, назначен на 30 сентября, капиталисты открыто кричат, что это «невозможно» короткий срок и требуют отложить созыв Учредительного Собрания... Самые влиятельные члены партии капиталистов и помещиков, партии «кадетов» или партии «народной свободы», например, Панина, прямо проповедуют отсрочку созыва Учредительного Собрания до окончания войны.

С землей подожди до Учредительного Собрания. С Учредительным Собранием подожди до конца войны. С кон-

цом войны подожди до полной победы. Вот что выходит. Над крестьянами прямо издеваются капиталисты и помещики, имея свое большинство в правительстве.

Но как же могло это случиться в свободной стране, после свержения царской власти?

В несвободной стране управляют народом царь и кучка помещиков, капиталистов, чиновников, никем не выбранные.

В свободной стране управляют народом только те, кто им самим выбран для этого. При выборах народ делится на партии, и обыкновенно каждый класс населения составляет свою отдельную партию, например, помещики, капиталисты, крестьяне, рабочие составляют отдельные партии. Поэтому управление народом в свободных странах происходит посредством открытой борьбы партий и свободного соглашения их между собой.

После свержения царской власти 27 февраля 1917 года, Россия управлялась в течение приблизительно 4 месяцев, как свободная страна, именно посредством открытой борьбы свободно образуемых партий и свободного соглашения между ними. Чтобы понять развитие русской революции, всего необходимее, следовательно, изучить, каковы были главные партии, интересы каких классов они защищали, каковы были взаимоотношения всех этих партий.

После свержения царской власти государственная власть перешла в руки первого Временного Правительства. Оно состояло из представителей буржуазии, т.-е. капиталистов, к которым присоединились и помещики. Партия «кадетов», главная партия капиталистов, стояла на первом месте, как правящая и правительственная партия буржуазии.

Власть досталась в руки этой партии не случайно, хотя боролись с царскими войсками, проливали кровь за свободу не капиталисты, конечно, а рабочие и крестьяне, матросы и солдаты. Власть досталась в руки партии капиталистов потому, что этот класс имел в руках силу богатства, организации и знания. За время после 1905 года и особенно в течение войны класс капиталистов и примыкающих к ним помещиков в России сделал больше всего успехов в деле своей организации.

Партия кадетов всегда была монархической, и в 1905 году, и с 1905 по 1917 год. После победы народа над царской тиранией эта партия объявила себя республиканской. Опыт истории показывает, что партии капиталистов, когда народ побеждал монархию, всегда соглашались быть республиканскими, лишь бы отстоять привилегии капиталистов и их всевластие над народом.

На словах партия кадетов стоит за «народную свободу». На деле она стоит за капиталистов, и на ее сторону тотчас же встали все помещики, все монархисты, все черносотенцы. Доказательство тому—печать и выборы. Все буржуазные газеты и вся черносотенная печать запела после революции в один голос с кадетами. Все монархические партии, не смея выступать открыто, поддерживали на выборах, например, в Петрограде, партию кадетов.

Получив правительственную власть, кадеты все усилия направили на то, чтобы продолжать захватную грабительскую войну, которую начал царь Николай II, заключивший тайные грабительские договоры с английскими и французскими капиталистами. По этим договорам, русским капиталистам обещан, в случае победы, захват и Константинополя, и Галиции, и Армении и т. д. От народа же правительство кадетов отделывалось пустыми отговорками и обещаниями, откладывая все решения великих, необходимых для рабочих и крестьян

дел до Учредительного Собрания и не назначая срока его созыва.

Пользуясь свободой, народ начал организовываться самостоятельно. Главной организацией рабочих и крестьян, которые составляют подавляющее большинство населения России, были Советы Р., С. и Кр. Депутатов. Эти Советы стали образовываться уже во время февральской революции, и через несколько недель после нее в большинстве крупных городов России и во многих уездах все сознательные передовые люди рабочего класса и крестьянства были объединены Советами.

Советы выбирались вполне свободно. Советы были настоящими организациями масс народа, рабочих и крестьян. Советы были настоящими организациями громадного большинства народа. Рабочие и крестьяне, одетые в военную форму, были вооружены.

Само собой понятно, что Советы могли и должны были взять в свои руки всю государственную власть. Никакой иной власти в государстве, впредь до созыва Учредительного Собрания, кроме Советов, не должно было быть. Только тогда наша революция стала бы действительно народной, действительно демократической революцией. Только тогда трудящиеся массы, действительно добивающиеся мира, действительно не заинтересованные в захватной войне, могли бы начать, решительно и твердо, проводить в жизнь такую политику, которая положила бы конец и захватной войне и привела бы к миру. Только тогда рабочие и крестьяне смогли бы обуздать капиталистов, наживающих бешеные деньги «на войне» и доведших страну до разрухи и голода. Но в Советах меньшая часть депутатов была на стороне партии революционных рабочих, социал-демократов большевиков, которые требовали передачи всей государственной власти в руки Советов. Большая же часть депутатов в Советах была на стороне партии со-

циал-демократов меньшевиков и эс-эров, которые были против передачи власти Советам. Вместо устранения правительства буржуазии и замены его правительством Советов эти партии отстаивали поддержку правительства буржуазии и соглашения с ним, образования общего с ним правительства. В этой политике соглашений с буржуазией партий, которым доверило большинство народа, эс-эров и меньшевиков, заключается главное содержание всего хода развития революции за все 5 месяцев, протекшие с ее начала.

Посмотрим прежде всего на то, как шло это соглашательство эс-эров и меньшевиков с буржуазией, а затем поищем объяснения тому обстоятельству, что большинство народа им доверилось.

Соглашательство меньшевиков и эс-эров с капиталистами происходило во время всех периодов русской революции то в одной, то в другой форме.

В самом конце февраля 1917 года, как только народ победил и царская власть оказалась свергнута, Временное Правительство капиталистов включило в свой состав Керенского, как «социалиста». На самом деле Керенский никогда социалистом не был, был только трудовиком, а в «социалистах-революционерах» он стал числиться только с марта 1917 г., когда это было уже безопасно и не безвыгодно. Через Керенского, как товарища председателя Петроградского Совета, Временное Правительство капиталистов сейчас же постаралось привязать к себе и приручить Совет. Совет, т.-е. преобладавшие в нем эс-эры и меньшевики, дал себя приручить, согласившись тотчас после образования Временного Правительства капиталистов «поддерживать его», «поскольку» оно выполняет свои обещания.

Совет считал себя проверяющим, контролирующим действия Временного Правительства. Вожди Совета учредили так называемую «контактную комиссию», т.-е. ко-

миссию для контакта, для соприкосновения с Правительством. В этой контактной комиссии эс-эровские и меньшевистские вожди Совета вели постоянные переговоры с правительством капиталистов, будучи, собственно говоря, на положении министров без портфеля или неофициальных министров.

Весь март и почти весь апрель продолжалось такое положение дел. Капиталисты действовали оттяжками и отговорками, стараясь выиграть время. Ни единого, сколько-нибудь серьезного шага для развития революции правительство капиталистов за это время не сделало. Даже для своей прямой непосредственной задачи, для созыва Учредительного Собрания, правительство не сделало ровнехонько ничего, не передало вопрос на места, не основало даже еще центральной комиссии по подготовке вопроса. Правительство заботилось об одном: возобновить тайком те грабительские международные договоры, которые царь заключил с капиталистами Англии и Франции, тормозить как можно осторожнее и незаметнее революцию, все обещать, ничего не исполнять. Эс-эры и меньшевики играли в «контактной комиссии» роль дурачков, которых кормили пышными фразами, обещаниями, «завтраками». Эс-эры и меньшевики, как ворона в известной басне, поддавались на лесть, с удовольствием выслушивали уверения капиталистов, что они высоко ценят Советы и ни шагу не делают без них.

В действительности же время шло, и правительство капиталистов ровно ничего не сделало для революции. Против же революции оно успело за это время возобновить тайные грабительские договоры, вернее, подтвердить их и «оживить» дополнительными столь же тайными переговорами с дипломатами англо-французского империализма. Против революции оно успело за это время положить основание контр-революционной организации (или по крайней мере сближению) генералов и офицеров

действующей армии. Против революции оно успело начать организацию промышленников, фабрикантов, заводчиков, которые вынуждены были делать уступку за уступкой под напором рабочих, но в то же время начинали саботировать производство и подготовлять остановку его, выжидая для этого удобный момент.

Но организация передовых рабочих и крестьян в Советах неуклонно шла вперед. Лучшие люди угнетенных классов чувствовали, что правительство, несмотря на его соглашение с Петроградским Советом, несмотря на велеречивость Керенского, несмотря на «контактную комиссию», остается врагом народа, врагом революции. Массы чувствовали, что если не сломить сопротивление капиталистов, то дело мира, дело свободы, дело революции будет неизбежно проиграно. В массах нарастало нетерпение и озлобление.

Оно прорвалось 20—21 апреля. Движение вспыхнуло стихийно, никем не подготовленное. Движение было настолько резко направлено против правительства, что один полк выступил даже вооруженным и явился к Мариинскому дворцу, чтобы арестовать министров. Всем стало до очевидности ясно, что правительство держаться не может. Советы могли (и должны были) взять власть в свои руки без малейшего сопротивления с чьей бы то ни было стороны. Вместо этого эс-эры и меньшевики поддержали падающее правительство капиталистов, запутали себя еще больше соглашательством с ним, сделали еще более роковые, ведущие к гибели революции шаги.

Революция учит все классы с быстротой и основательностью, невиданными в обычное, мирное время. Капиталисты, наилучше организованные, наиболее опытные в делах классовой борьбы и политики, научились быстрее других. Видя, что положение правительства неудержимо, они прибегли к приему, который в течение

целого ряда десятилетий после 1848 года практиковался капиталистами других стран для одурачения, разделения и обессиления рабочих. Этот прием—так называемое «коалиционное», т.-е. соединенное, составленное из буржуазии и перебежчиков социализма, общее министерство.

В тех странах, где дольше всего существует свобода и демократия на ряду с революционным рабочим движением, в Англии и во Франции, капиталисты много раз и с большим успехом употребляли этот прием. «Социалистические» вожди, входя в министерство буржуазии, непременно оказывались подставными фигурами, куклами, ширмой для капиталистов, орудием обмана рабочих. «Демократические и республиканские» капиталисты России пустили в ход этот самый прием. Эс-эры и меньшевики сразу дали себя одурачить, и 6 мая «коалиционное» министерство с участием Чернова, Церетели и К⁰ стало фактом.

Дурачки эс-эровской и меньшевистской партий ликовали, купаясь самовлюбленно в лучах министерской славы их вождей. Капиталисты потирали руки от удовольствия, получив себе помощников против народа в лице «вождей Советов», получив обещание от них поддерживать «наступательные действия на фронте», т.-е. возобновление приостановившейся было империалистской, грабительской войны. Капиталисты знали все надутое бессилие этих вождей, знали, что обещания со стороны буржуазии—насчет контроля и даже организации производства, насчет политики мира и т. п.—никогда не будут исполнены.

Так и оказалось. Вторая полоса в развитии революции, с 6 мая по 9 или по 18 июня, вполне подтвердила расчет капиталистов на легкость одурачения эс-эров и меньшевиков.

Пока Пешехонов и Скобелев обманывали себя и народ пышными фразами, что с капиталистов возьмут 100%

прибыли, что их «сопротивление сломлено» и т. п.,—капиталисты продолжали укрепляться. Ничего, ровнехонько ничего на деле не было за это время предпринято для обуздания капиталистов. Министры из перебежчиков социализма оказывались говорильными машинами для отвода глаз угнетенным классам, а весь аппарат государственного управления оставался на деле в руках бюрократии (чиновничества) и буржуазии. Пресловутый Пальчинский, товарищ министра промышленности, был типичным представителем этого аппарата, тормозящим какие бы то ни было меры против капиталистов. Министры болтали—все оставалось по-старому.

Министр Церетели в особенности был употребляем буржуазией для борьбы против революции. Его посылали «успокаивать» Кронштадт, когда тамошние революционеры дошли до такой продерзости, что посмели сместить назначенного комиссара. Буржуазия открыла в своих газетах неимоверно шумную, злостную, бешеную кампанию лжи, клеветы и травли против Кронштадта, обвиняя его в желании «отложиться от России», повторяя эту и подобные нелепости на тысячу ладов, запугивая мелкую буржуазию и филистеров. Типичнейший представитель тупого, запуганного филистерства, Церетели всех «добросовестнее» попадался на удочку буржуазной травли, всех усерднее «громил и усмирял» Кронштадт, не понимая своей роли лакея контр-революционной буржуазии. Выходило так, что он являлся орудием проведения такого «соглашения» с революционным Кронштадтом, что комиссар в Кронштадте не назначался просто-напросто правительством, а выбирался на месте и *утверждался* правительством. На подобные жалкие компромиссы тратили свое время министры, перебежавшие от социализма к буржуазии.

Там, где не мог бы появиться министр-буржуа с защитой правительства, перед революционными рабочими

или в Советах, там появлялся (вернее: туда посылался буржуазией) «социалистический» министр Скобелев, Церетели, Чернов и т. п. и добросовестно выполнял буржуазное дело, лез из кожи, защищая министерство, обелял капиталистов, одурачивал народ повторением обещаний, обещаний и обещаний, советами погодить, погодить и погодить.

Министр Чернов был занят в особенности торговлей со своими буржуазными коллегами: до самого июля месяца, до открывшегося тогда, после движения 3—4 июля, нового «кризиса власти», до ухода кадетов из министерства, министр Чернов все время занят был полезным, интересным, глубоконародным делом «уговаривания» своих буржуазных коллег, усовещевания их согласиться хотя бы на запрещение земельных сделок купли-продажи. Это запрещение было торжественнейшим образом обещано крестьянам на всероссийском съезде (совете) крестьянских депутатов в Питере. Но обещание так и осталось обещанием. Чернов так и не мог выполнить его ни в мае, ни в июне, до тех самых пор, пока революционная волна стихийного взрыва 3—4 июля, совпавшая с уходом кадетов из министерства, не дала возможность провести этой меры. Но и тогда эта мера оказалась одинокой, бессильной внести серьезные улучшения в дело борьбы крестьянства против помещиков за землю.

На фронте в это время ту контр-революционную, империалистскую задачу возобновления империалистской, грабительской войны, ту задачу, которую не мог выполнить ненавистный народу Гучков, с успехом и блеском выполнял «революционный демократ» Керенский, новоиспеченный член партии социалистов-революционеров. Он упивался собственным красноречием, ему курили фимиам империалисты, игравшие им, как пешкой, ему льстили, его боготворили—все за то, что он верой и правдой служил капиталистам, убеждая «революционные войска»

согласиться на возобновление войны, ведущейся во исполнение договоров царя Николая II с капиталистами Англии и Франции, войны ради получения русскими капиталистами Константинополя и Львова, Эрзерума и Трапезунда.

Так прошла вторая полоса русской революции с 6 мая по 9 июня. Контр-революционная буржуазия усилилась, укрепилась, под прикрытием и под защитой «социалистических» министров, подготовив наступление и против внешнего врага, и против внутреннего, т.-е. революционных рабочих.

9 июня партия революционных рабочих, большевиков, подготовляла демонстрацию в Питере, чтобы дать организованное выражение неудержимо нараставшему недовольству и возмущению масс. Запутавшиеся в соглашениях с буржуазией, связанные империалистской политикой наступления, эс-эровские и меньшевистские вожди пришли в ужас, чувствуя потерю своего влияния в массах. Поднялся всеобщий вой против демонстрации, вой, объединивший на этот раз контр-революционных кадетов с эс-эрами и меньшевиками. Под их руководством, в результате их политики соглашательства с капиталистами, поворот мелкобуржуазных масс к союзу с контр-революционной буржуазией определился вполне, обрисовался с поразительной наглядностью. В этом историческое значение, в этом классовый смысл кризиса 9 июня.

Большевики отменили демонстрацию, вовсе не желая вести рабочих на отчаянный бой против объединенных кадетов, эс-эров и меньшевиков. Но эти последние, чтобы сохранить хоть какой-нибудь остаточек доверия масс, вынуждены были назначить общую демонстрацию на 18 июня. Буржуазия была вне себя от ярости, справедливо видя в этом колебание мелкобуржуазной демократии на сторону пролетариата и решая наступлением на фронте парализовать действие демократии.

Действительно, 18 июня дало замечательно внушительную победу лозунгов революционного пролетариата, лозунгов большевизма среди петербургских масс, а 19 июня было торжественно объявлено буржуазией и бонапартистом * Керенским о начавшемся именно 18 июня наступлении на фронте.

Наступление означало фактически возобновление грабительской войны в интересах капиталистов, вопреки воле громадного большинства трудящихся. Поэтому с наступлением неизбежно было связано, с одной стороны, гигантское усиление шовинизма и переход военной (а следовательно, и государственной) власти к военной шайке бонапартистов, а, с другой стороны, переход к насилию над массами, к преследованию интернационалистов, к отмене свободы агитации, к арестам и расстрелам тех, кто против войны.

Если 6-ое мая привязало эс-эров и меньшевиков к победной колеснице буржуазии канатом, то 18-ое июня приковало их, как слуг капиталистов, цепью.

Озлобление масс, вследствие возобновившейся грабительской войны, естественно возросло еще быстрее и сильнее. 3—4 июля последовал взрыв их возмущения, взрыв, который большевики пытались сдержать и которому они, разумеется, должны были постараться придать наиболее организованную форму.

Эс-эры и меньшевики, как рабы буржуазии, прикованные господином, согласились на все: и на привод реакционных войск в Питер, и на восстановление смертной казни, и на разоружение рабочих и революционных

* Бонапартизмом (по имени двух французских императоров Бонапартов) называется такое правительство, которое старается казаться непартийным, используя крайне острую борьбу партий капиталистов и рабочих друг с другом. На деле служа капиталистам, такое правительство всего больше обманывает рабочих обещаниями и мелкими подачками.

войск, и на аресты, преследования, закрытие газет без суда. Власть, которую не могла взять целиком буржуазия в правительстве, которую не хотели взять Советы, власть скатилась в руки военной клики, бонапартистов, целиком поддержанной, разумеется, кадетами и черносотенцами, помещиками и капиталистами.

Со ступеньки на ступеньку. Раз вступив на наклонную плоскость соглашательства с буржуазией, эс-эры и меньшевики покатились неудержимо вниз и докатились до дна. 28-го февраля они обещали в Петроградском Совете условную поддержку буржуазному правительству. 6 мая они спасли его от краха и дали превратить себя в слуг и защитников его, согласившись на наступление. 9 июня они соединились с контр-революционной буржуазией в походе бешеной злобы, лжи и клеветы против революционного пролетариата. 19-го июня они одобрили начавшееся возобновление грабительской войны. 3-го июля они согласились на вызов реакционных войск: начало окончательной сдачи власти бонапартистам. Со ступеньки на ступеньку.

Такой позорный финал партий эс-эров и меньшевиков не случайность, а подтвержденный много раз опытом Европы результат экономического положения мелких хозяев, мелкой буржуазии.

Всякий наблюдал, конечно, как мелкие хозяйчики выбиваются из сил, тянутся «выйти в люди», попасть в настоящие хозяева, подняться до положения «крепкого» хозяина, до положения буржуазии. Пока господствует капитализм, иного выхода мелким хозяевам нет: либо перейти самим на положение капиталистов (а это возможно в лучшем случае для одного мелкого хозяйчика из сотни), либо перейти в положение разоренного хозяйчика, полупролетария, а затем—пролетария. Так и в политике: мелкобуржуазная демократия тянется за буржуазией, особенно в лице ее вождей. Вожди мелко-

буржуазной демократии утешают свои массы обещаниями и уверениями на счет возможности соглашения с крупными капиталистами, в лучшем случае, на самое короткое время они получают от капиталистов уступочки для небольшого верхнего слоя трудящихся масс, а во всем решающем, во всем важном мелкобуржуазная демократия всегда оказывалась в хвосте буржуазии, бессильным придатком ее, послушным орудием в руках финансовых королей. Опыт Англии и Франции много раз подтверждал это.

Опыт русской революции, когда события, особенно под влиянием империалистской войны и созданного ею глубочайшего кризиса, развивались с необычайной быстротой, этот опыт с февраля по июль 1917 года подтвердил старую марксистскую истину о неустойчивости положения мелкой буржуазии замечательно ярко, наглядно.

Урок русской революции: трудящимся массам нет спасения от железных тисков войны, голода, порабощения помещикам и капиталистам, иначе как в полном разрыве с партиями эс-эров и меньшевиков, в ясном сознании их предательской роли, в отказе от каких бы то ни было соглашательств с буржуазией, в решительном переходе на сторону революционных рабочих. Революционные рабочие, если их поддержат беднейшие крестьяне, одни только в состоянии сломить сопротивление капиталистов, повести народ к завоеванию земли без выкупа, к полной свободе, к победе над голодом, к победе над войной, к справедливому и прочному миру.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Статья эта, как видно из текста, написана в конце июля.

История революции за август вполне подтвердила

сказанное в статье. Затем в конце августа восстание Корнилова создало новый поворот революции, показав наглядно всему народу, что кадеты в союзе с контр-революционными генералами стремятся разогнать Советы и восстановить монархию. Насколько силен этот новый поворот революции, удастся ли ему положить конец губительной политике соглашательства с буржуазией, покажет недалекое будущее.

6 сентября 1917 г.
Написано: статья — в конце июля, послесловие—19 (6) сентября 1917 г.
Напечатано: статья—в газ. «Рабочий» №№ 8 и 9, 12 и 13 сентября (30 и 31 августа) 1917 г.; послесловие—в сентябре 1917 г. в брошюре «Уроки революции», изд. «Прибой».

Печатается по тексту 2 и 3-го изд. Сочинений, т. XXI, стр. 65—77.

КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧИЕ

В № 88 «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов»[4] от 19 августа напечатана чрезвычайно интересная статья, которая должна бы стать одним из основных документов в руках всякого партийного пропагандиста и агитатора, имеющего дело с крестьянством, в руках всякого сознательного рабочего, направляющегося в деревню или соприкасающегося с ней.

Эта статья—«Примерный наказ, составленный на основании 242-х наказов, доставленных местными депутатами на I Всероссийский Съезд Крестьянских Депутатов в Петрограде в 1917 году».

Было бы крайне желательно, чтобы Совет Крестьянских Депутатов опубликовал как можно более подробные данные обо всех этих наказах (если уже абсолютно невозможно напечатать все их полностью, что было бы, конечно, всего лучше). Например, особенно необходим полный список губерний, уездов, волостей с указанием, сколько наказов из каждой местности доставлено, время составления или доставления наказов, анализ основных хотя требований, чтобы можно было видеть, заметны ли различия по районам относительно тех или других

пунктов. Скажем, район подворного и общинного землевладения, районы великорусский и инонациональные, районы центра и районы окраин, районы, не знавшие крепостного права и пр., отличаются ли они постановкой вопроса об отмене права собственности на все *крестьянские* земли, о периодических переделах земли, о недопущении наемного труда, о конфискации инвентаря и скота у помещиков и проч., и проч. Научное изучение необыкновенно ценного материала крестьянских наказов без таких подробных данных невозможно. А мы, марксисты, всеми силами должны стремиться к научному изучению фактов, лежащих в основе нашей политики.

За неимением лучшего материала *сводка наказов* (так мы будем называть «примерный наказ»), пока не доказана в ней какая-либо фактическая неверность, остается единственным в своем роде материалом, который, повторяем, обязательно должен быть в руках каждого члена нашей партии.

Первая часть сводки наказов посвящена общим политическим положениям, требованиям политической демократии; вторая—вопросу о земле. (Будем надеяться, что Всероссийский Совет Крестьянских Депутатов или кто-либо другой произведет сводку крестьянских наказов и резолюций по вопросу о войне.) На первой части мы не будем сейчас останавливаться подробно и отметим лишь два пункта. В § 6 требуется выборность всех должностных лиц; в § 11—упразднение, по окончании войны, постоянной армии. Эти пункты делают политическую программу крестьян *всего ближе* стоящей к программе партии большевиков. Опираясь на эти пункты, мы должны во всей своей пропаганде и агитации указывать и доказывать, что меньшевистские и эс-эровские вожди суть изменники не только социализма, но и демократии, ибо они отстаивали, напр., в Кронштадте, вопреки воле населения, вопреки принципам демократии,

в угоду капиталистам, должность комиссара, *утверждаемого* правительством, т.-е. не чисто выборную. Эс-эровские и меньшевистские вожди в районных думах Питера и в других учреждениях местного самоуправления, вопреки принципам демократии, борются против большевистского требования немедленно начать введение рабочей милиции, а затем переход ко всенародной милиции.

Земельные требования крестьянства, по сводке наказов, состоят прежде всего в безвозмездной отмене частной собственности на земли всех видов, вплоть до крестьянских; в передаче государству или общинам земельных участков с высококультурными хозяйствами; в конфискации всего живого и мертвого инвентаря конфискованных земель (исключаются малоземельные крестьяне), с передачей его государству или общинам; в недопущении наемного труда; в уравнительном распределении земли между трудящимися, с периодическими переделами, и т. д. В качестве мер переходного времени до созыва Учредительного Собрания, крестьяне требуют *немедленного* издания законов о запрещении купли-продажи земли, отмены законов о выделе из общины, отрубах и пр., об охране лесов, рыбных и пр. промыслов и т. д., об отмене долгосрочных и пересмотре краткосрочных арендных договоров и т. под.

Достаточно небольшого размышления над этими требованиями, чтобы увидеть полную невозможность осуществлять их *в союзе* с капиталистами, без полного разрыва с ними, без самой решительной и беспощадной борьбы с классом капиталистов, без свержения его господства.

В том-то и состоит самообман социалистов-революционеров и обман ими крестьянства, что они допускают и распространяют мысль, будто такие преобразования, будто *подобные* преобразования возможны без свержения господства капиталистов, без перехода всей государ-

ственной власти к пролетариату, без поддержки беднейшим крестьянством самых решительных, революционных мер пролетарской государственной власти против капиталистов. В том-то и значение выделяющегося левого крыла «социалистов-революционеров», что оно доказывает рост сознания этого обмана внутри самой этой партии.

В самом деле, конфискация всей частновладельческой земли означает конфискацию сотен миллионов капитала банков, в которых эти земли большею частью заложены. Разве мыслима такая мера без того, чтобы революционный класс революционными мерами сломил сопротивление капиталистов. При этом речь идет о наиболее централизованном, банковом капитале, который миллиардами нитей связан со всеми важнейшими центрами капиталистического хозяйства громадной страны и который может быть побежден только не менее централизованной силой городского пролетариата.

Далее. Передача государству высококультурных хозяйств. Не очевидно ли, что «государство», способное взять их и вести хозяйство действительно в пользу трудящихся, а не в пользу чиновников и тех же капиталистов, должно быть пролетарским революционным государством?

Конфискация конских заводов и проч., затем всего живого и мертвого инвентаря—это не только еще и еще гигантские удары по частной собственности на средства производства. Это—шаги к социализму, ибо переход *инвентаря* в «исключительное пользование государства или общины» означает необходимость крупного, социалистического земледелия или по крайней мере социалистического контроля за объединенными мелкими хозяйствами, социалистического регулирования их хозяйства.

А «недопущение» наемного труда? Это пустая фраза, беспомощное, бессознательно наивное пожелание заби-

тых мелких хозяйчиков, которые не видят, что вся капиталистическая промышленность станет при отсутствии резервной армии наемного труда в деревне, что нельзя «не допустить» наемного труда в деревне, допуская его в городе, что, наконец, «недопущение» наемного труда и означает не что иное, как шаг к социализму.

И здесь мы подошли к коренному вопросу об отношении рабочих к крестьянам.

Более 20 лет существует массовое социал-демократическое рабочее движение в России (если считать с больших стачек 1896 года). За этот большой промежуток времени, через две великие революции, красной нитью через всю политическую историю России тянется вопрос: рабочему ли классу вести крестьян вперед, к социализму, или либеральному буржуа оттаскивать их назад, к примирению с капитализмом.

Оппортунистическое крыло социал-демократии все время рассуждает по следующей премудрой формуле: *так как* социалисты-революционеры мелкие буржуа, поэтому «мы» отбрасываем их мещански-утопический взгляд на социализм *во имя* буржуазного отрицания социализма. Марксизм благополучно подменяется струвизмом, и меньшевизм скатывается до роли кадетского лакея, «примиряющего» крестьян с господством буржуазии. Церетели и Скобелев, под ручку с Черновым и Авксентьевым, занятые подписыванием, от имени «революционной демократии», реакционных помещичьих указов кадетов—таково последнее и самое наглядное выражение этой роли.

Революционная социал-демократия, никогда не отказывавшаяся от критики мелкобуржуазных иллюзий эс-эров, *никогда не блокировавшаяся* с ними иначе, как *против* кадетов, все время борется *за вырывание* крестьян из-под влияния кадетов и противопоставляет мещански-утопическому взгляду на социализм не либе-

ральное примирение с капитализмом, а революционно-пролетарский путь к социализму.

Теперь, когда война необыкновенно ускорила развитие, обострила кризис капитализма невероятно, поставила народы перед немедленным выбором: гибель или тотчас решительные шаги к социализму; теперь вся пропасть расхождения между полулиберальным меньшевизмом и революционно-пролетарским большевизмом выступает наглядно, практически, как вопрос действия десятков миллионов крестьян.

Миритесь с господством капитала, *ибо* для социализма «мы» еще не созрели,—вот что говорят крестьянам меньшевики, подменяя, между прочим, абстрактным вопросом о «социализме» вообще конкретный вопрос, можно ли лечить раны, нанесенные войной, без решительных шагов к социализму.

Миритесь с капитализмом, *ибо* социалисты-революционеры—мелкобуржуазные утописты,—вот что говорят крестьянам меньшевики и вместе с эс-эрами идут поддерживать кадетское правительство...

А эс-эры, бия себя в грудь, уверяют крестьян, что они против всякого мира с капиталистами, что они никогда не считали русскую революцию буржуазной,—и *поэтому* идут в блок *именно* с оппортунистами социал-демократами, идут поддерживать именно буржуазное правительство... Эс-эры подписывают какие угодно, самые что ни на есть революционные, программы крестьянства—с тем, чтобы не исполнять их, с тем, чтобы класть их под сукно, чтобы обманывать крестьян пустейшими обещаниями, на деле занимаясь месяцами «соглашательством» с кадетами в коалиционном министерстве.

Эта вопиющая, практическая, непосредственная, осязательная измена эс-эров интересам крестьянства чрезвычайно видоизменяет положение. Надо учесть эту перемену. Нельзя только по-старому агитировать против

эс-эров, только так, как мы это делали в 1902—1903 годах и в 1905—1907 годах. Нельзя ограничиваться теоретическими разоблачениями мелкобуржуазных иллюзий «социализации земли», «уравнительного землепользования», «недопущения наемного труда» и т. п.

Тогда был канун буржуазной революции или недовершенная буржуазная революция, и вся задача состояла в том, чтобы довести ее до свержения монархии, прежде всего.

Теперь монархия свергнута. Буржуазная революция завершена постольку, поскольку Россия оказалась демократической республикой с правительством из кадетов, меньшевиков и эс-эров. А война за три года подтащила нас вперед лет на тридцать, создала в Европе всеобщую трудовую повинность и принудительное синдицирование предприятий, довела самые передовые страны до голода и неслыханного разорения, заставляя делать шаги к социализму.

Только пролетариат и крестьянство могут свергнуть монархию—таково было основное, по тогдашнему времени, определение нашей классовой политики. И это определение было верно. Февраль и март 1917 года лишний раз подтвердили это.

Только пролетариат, руководящий беднейшим крестьянством (полупролетариями, как говорит наша программа), может кончить войну демократическим миром, залечить ее раны, начать ставшие безусловно необходимыми и *неотложными* шаги к социализму—таково определение нашей классовой политики теперь.

Отсюда вывод: центр тяжести в пропаганде и агитации против эс-эров надо переносить на то, что они изменили крестьянам. Они представляют не массу крестьянской бедноты, а меньшинство зажиточных хозяев. Они ведут крестьянство не к союзу с рабочими, а к союзу с капиталистами, т.-е. к подчинению им. Они продали

интересы трудящейся и эксплуатируемой массы за министерские местечки, за блок с меньшевиками и с кадетами.

История, ускоренная войной, так далеко шагнула вперед, что старые формулы заполнились новым содержанием. «Недопущение наемного труда», это значило раньше *только*: пустая фраза мелкобуржуазного интеллигента. Это значит теперь в жизни иное: миллионы крестьянской бедноты в 242-х наказах говорят, что они хотят идти к отмене наемного труда, но не знают, как это сделать. Мы знаем, как это сделать. Мы знаем, что это можно сделать только в союзе с рабочими, под их руководством, против капиталистов, а не «соглашательствуя» с капиталистами.

Вот как должна измениться теперь основная линия нашей пропаганды и агитации против эс-эров, основная линия наших речей к крестьянству.

Эс-эровская партия изменила вам, товарищи крестьяне. Она изменила хижинам и стала на сторону дворцов, если не дворцов монарха, то тех дворцов, где кадеты, злейшие враги революции и крестьянской революции особенно, заседают в одном правительстве с Черновыми, Пешехоновыми, Авксентьевыми.

Только революционный пролетариат, только объединяющий его авангард, партия большевиков, может *на деле* выполнить ту программу крестьянской бедноты, которая изложена в 242-х наказах. Ибо революционный пролетариат, *действительно*, идет к отмене наемного труда единственным верным путем, свержением капитала, а не запрещением нанимать работничка, не недопущением этого. Революционный пролетариат, действительно, идет к конфискации земель, инвентаря, технических сельскохозяйственных предприятий, к тому, чего крестьяне хотят и чего эс-эры им дать *не могут*.

Вот как должна измениться теперь основная линия речей рабочего к крестьянину. Мы, рабочие, можем дать

и дадим вам то, чего крестьянская беднота хочет и ищет, не всегда зная, где и как искать. Мы, рабочие, *против капиталистов* отстаиваем интересы свои и в то же время интересы гигантского большинства крестьян, а эс-эры, идя в союзе с капиталистами, изменяют этим интересам.

Напомним читателю, что говорил Энгельс незадолго до своей смерти о крестьянском вопросе. Энгельс подчеркивал, что социалисты в мыслях не имеют экспроприировать мелких крестьян, что лишь *силой примера* будут выясняться им преимущества машинного социалистического земледелия [5].

Война поставила сейчас практически перед Россией вопрос именно подобного рода. Инвентаря мало. Конфисковать его и «не делить» высококультурных хозяйств.

Это крестьяне начали понимать. Нужда заставила понять. Война заставила, ибо инвентаря взять негде. Надо беречь его. А крупное хозяйство—это и значит сбережение труда на инвентаре, как и на многом другом.

Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически снова уравнивать... Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой. Если земли будут конфискованы, *значит* господство банков подорвано; если инвентарь будет конфискован, *значит* господство капитала подорвано, то *при господстве пролетариата в центре*, при переходе политической власти к пролетариату, остальное приложится *само собою*, явится в результате «силы примера», подсказано будет самой практикой.

Переход политической власти к пролетариату—вот в чем суть. И тогда все существенное, основное, коренное в программе 242-х наказов *становится осуществи-*

мым. А жизнь покажет, с какими видоизменениями это осуществится. Это дело девятое. Мы не доктринеры. Наше учение не догма, а руководство к деятельности.

Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело.

Доверьтесь рабочим, товарищи крестьяне, рвите союз с капиталистами! Только в тесном союзе с рабочими вы *можете* начать осуществлять на деле программу 242-х наказов. В союзе с капиталистами, под руководством эс-эров, вы никогда не дождетесь *ни одного* решительного, бесповоротного шага в духе этой программы.

А когда в союзе с городскими рабочими, в беспощадной борьбе против капитала вы *начнете* осуществлять программу 242-х наказов, тогда весь мир придет на помощь вам и нам, тогда успех этой программы—не в ее данной формулировке, а в ее сути—будет обеспечен. Тогда наступит конец государству капитала и наемному рабству. Тогда начнется царство социализма, царство мира, царство трудящихся.

«Рабочий» № 6, 11 сентября (29 августа) 1917 г.
Подпись: Н. Ленин.

Печатается по тексту 2 и 3-го изд. Сочинений, т. XXI, стр. 107—113.

БОЛЬШЕВИКИ ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, ПЕТРОГРАДСКОМУ И МОСКОВСКОМУ КОМИТЕТАМ Р.С.-Д.Р.П.

Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого *никто* не свергнет.

Большинство народа *за* нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть *плод* развития народа *в нашу сторону*. Колебания эс-эров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывают то же самое.

Демократическое Совещание *не* представляет большинства революционного народа, а *лишь соглашательские мелкобуржуазные верхи*. Нельзя давать себя обмануть цифрами выборов, не в выборах дело: сравните

выборы в городские думы Питера и Москвы и выборы в Советы. Сравните выборы в Москве и московскую стачку 12 августа: вот объективные данные о большинстве революционных элементов, ведущих массы.

Демократическое Совещание обманывает крестьянство, не давая ему ни мира, ни земли.

Большевистское правительство *одно* удовлетворит крестьянство.

Почему должны власть взять именно *теперь* большевики?

Потому, что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во сто раз худшими.

А отдаче Питера при армии с Керенским и К⁰ во главе мы помешать не в силах.

И Учредительного Собрания «ждать» нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенский и К⁰ всегда *могут сорвать* его. Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного Собрания и, взяв власть, она обвинит другие партии в оттяжке и докажет обвинение.

Сепаратному миру между английскими и немецкими империалистами помешать должно и можно, только действуя быстро.

Народ устал от колебаний меньшевиков и эс-эров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами.

Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с *массами*.

Вопрос о том, что наша партия теперь на Демократическом Совещании имеет фактически *свой съезд*, и

этот съезд решить должен (хочет или не хочет, а должен) *судьбу революции.*

Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, *как* агитировать за это, не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: «*восстание есть искусство*» и т. д.

Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция *этого* не ждет. И Керенский с К⁰ не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания Демократического Совещания должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы! История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь.

Нет аппарата? Аппарат есть: Советы и демократические организации. Международное положение *именно* теперь, *накануне* сепаратного мира англичан с немцами, *за нас.* Именно теперь предложить мир народам—значит *победить.*

Взять власть сразу и в Москве, и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно и несомненно.*

Н. Ленин.

Написано 25—27 (12—14) сентября 1917 г.
Впервые напечатано в 1921 г.
в журнале «Пролетарская Революция» № 2.

Печатается по тексту 2 и 3-го изд.
Сочинений, т. XXI, стр. 193—194.

А 1

МАРКСИЗМ И ВОССТАНИЕ

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ Р.С.-Д.Р.П.

К числу наиболее злостных и едва ли не наиболее распространенных извращений марксизма господствующими «социалистическими» партиями принадлежит оппортунистическая ложь, будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию, как искусству, есть «бланкизм».

Вождь оппортунизма, Бернштейн, уже снискал себе печальную славу обвинением марксизма в бланкизме, и нынешние оппортунисты в сущности ни на иоту не подновляют и не «обогащают» скудные «идеи» Бернштейна, крича о бланкизме.

Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию, как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно *искусством*, сказав, что к восстанию надо относиться, как к искусству, что надо *завоевать* первый успех и от успеха идти

к успеху, не прекращая *наступления* на врага, пользуясь его растерянностью и т. д. и т. д.*.

Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых, нерешительных друзей революции.* Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается *марксизм от бланкизма.*

Но раз есть налицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как *к искусству*, значит изменить марксизму и изменить революции.

Чтобы доказать, почему именно переживаемый нами момент надо признать таким, когда *обязательно* для партии признать *восстание* поставленным ходом объективных событий в порядке дня и отнестись к восстанию, как к искусству, чтобы доказать это, лучше всего, пожалуй, употребить метод сравнения и сопоставить 3—4 июля с сентябрьскими днями.

3—4 июля можно было, не греша против истины, поставить вопрос так: правильнее было бы взять власть, ибо иначе все равно враги обвинят нас в восстании и расправятся, как с повстанцами. Но из этого нельзя было сделать вывода в пользу взятия власти тогда, ибо объективных условий для победы восстания тогда не было.

1) Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции.

* Определение восстания, как искусства, сделано в книге «Революция и контр-революция в Германии»; книга написана не Марксом, как считалось долгое время, а Энгельсом. *Ред.*

Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих Советах. Оно создано *только* историей июля и августа, опытом «расправы» с большевиками и опытом корниловщины.

2) Не было тогда всенародного революционного подъема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти Советами во многих местах доказывают это.

3) Не было тогда *колебаний*, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии. Теперь колебания гигантские: наш главный враг, империализм союзный и всемирный, ибо «союзники» стоят во главе всемирного империализма, *заколебался* между войной до победы и сепаратным миром против России. Наши мелкобуржуазные демократы, явно потеряв большинство в народе, заколебались гигантски, отказавшись от блока, т.-е. от коалиции, с кадетами.

4) Потому 3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо *драться*, *умирать* за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти *и к* Керенским, *и к* Церетели—Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эс-эров и меньшевиков.

Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция, *до корниловщины*, могли пойти и пошли бы на Питер.

Теперь картина совсем иная.

За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами *большинство* народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, нагляднейший

признак того, что крестьянство от блока эс-эров (и от самих эс-эров) *земли не получит*. А в этом гвоздь общенародного характера революции.

За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и *всего империализма*, и всего блока меньшевиков с эс-эрами.

За нами *верная победа*, ибо народ совсем уж близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход, показав значение нашего руководства всему народу «в дни корниловские», затем *предложив* компромисс блокистам и *получив отказ от них* при условии отнюдь не прекращающихся колебаний с их стороны.

Величайшей ошибкой было бы думать, что наше предложение компромисса *еще* не отвергнуто, что «Демократическое Совещание» *еще* может принять его. Компромисс предлагался от *партии* к *партиям;* иначе он не мог предлагаться. *Партии* отвергли его. Демократическое Совещание есть только *совещание*, ничего более. Не надо забывать одного: в нем не представлено *большинство* революционного народа, беднейшее и озлобленное крестьянство. Это совещание *меньшинства народа*— нельзя забывать этой очевидной истины. Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому Совещанию, как к парламенту, ибо даже *если бы* оно объявило себя парламентом и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего *не решает*: решение лежит *вне его*, в рабочих кварталах Питера и Москвы.

Перед нами налицо все объективные предпосылки успешного восстания. Перед нами—выгоды положения, когда *только* наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда *только наша* победа в восстании *сорвет* игру с сепаратным миром против революции, сорвет ее тем, что предложит открыто мир более пол-

ный, более справедливый, более близкий, мир *в пользу* революции.

Только наша партия, наконец, победив в восстании, *может* спасти Питер, ибо, если наше предложение мира будет отвергнуто и мы не получим даже перемирия, тогда *мы* становимся «оборонцами», тогда мы становимся *во главе военных партий*, мы будем *самой «военной»* партией, мы поведем войну действительно революционно. Мы отнимем весь хлеб и все сапоги у капиталистов. Мы оставим им корки, мы оденем их в лапти. Мы дадим весь хлеб и всю обувь на фронт.

И мы отстоим тогда Питер.

Ресурсы действительно революционной войны, как материальные, так и духовные, в России еще необъятно велики; 99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь—это значит уже победить *весь мир*.

Сознав безусловную необходимость восстания рабочих Питера и Москвы для спасения революции и для спасения от «сепаратного» раздела России империалистами обеих коалиций, мы должны, во-первых, приспособить к условиям нарастающего восстания свою политическую тактику на Совещании; мы должны, во-вторых, доказать, что мы не на словах только признаем мысль Маркса о необходимости отнестись к восстанию, как к искусству.

Мы должны на Совещании немедленно сплотить фракцию большевиков, не гоняясь за численностью, не боясь оставить колеблющихся в стане колеблющихся: они *там* полезнее для дела революции, чем в стане решительных и беззаветных борцов.

Мы должны составить краткую декларацию большевиков, подчеркивая самым резким образом неуместность

длинных речей, неуместность «речей» вообще, необходимость немедленного действия для спасения революции, абсолютную необходимость полного разрыва с буржуазией, полного смещения всего теперешнего правительства, полного разрыва с готовящими «сепаратный» раздел России англо-французскими империалистами, необходимость немедленного перехода всей власти в руки *революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом.*

Наша декларация должна быть самой краткой и резкой формулировкой этого вывода в связи с программными проектами: мир народам, земля крестьянам, конфискация скандальных прибылей и обуздание скандальной порчи производства капиталистами.

Чем короче, чем резче будет декларация, тем лучше. В ней надо только ясно указать еще два важнейших пункта: народ измучился от колебаний, народ истерзан нерешительностью эс-эров и меньшевиков; мы рвем с этими *партиями* окончательно, ибо они изменили революции.

И другое: тотчас предлагая мир без аннексий, тотчас разрывая с союзными империалистами и всякими империалистами, мы получим немедленно либо перемирие, либо переход всего революционного пролетариата на сторону обороны и ведение революционной демократией, под его руководством, действительно справедливой, действительно революционной войны.

Прочтя эту декларацию, призвав *решать*, а не говорить, *действовать*, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию *двинуть* на *заводы и в казармы:* там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического Совещания.

Там должны мы в горячих, страстных речах разъяснять нашу программу и ставить вопрос так: либо *полное* принятие ее Совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет.

Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, *мы правильно учтем момент для начала восстания.*

А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т.-е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку *, занять Петропавловку **, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.

Это все примерно, конечно, лишь для *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству.*

Н. Ленин.

Написано 26—27 (13—14) сентября 1917 г.
Впервые напечатано в 1921 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 2.

Печатается по тексту 2 и 3-го изд. Сочинений, т. XXI, стр. 195—199.

* *Александринка* — Александринский театр в Петрограде, в котором заседало Демократическое Совещание. *Ред.*

** *Петропавловка*—Петропавловская крепость на Неве в центре Петрограда, против Зимнего дворца. *Ред.*

УДЕРЖАТ ЛИ БОЛЬШЕВИКИ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ВЛАСТЬ?

В чем согласны все направления, от «Речи» до «Новой Жизни» включительно, от кадетов-корниловцев до полубольшевиков, *все* за исключением большевиков?

В том, что большевики одни либо никогда не решатся взять всю государственную власть в свои руки, либо, если решатся и возьмут, не смогут удержать ее даже в течение самого короткого времени.

Если кто-либо заметит, что вопрос о взятии всей государственной власти одними большевиками совершенно нереальный политический вопрос, что считать его реальным может лишь самое дурное самомнение какого-нибудь «фанатика», то мы опровергнем это замечание, приведя точные заявления самых ответственных и самых влиятельных политических партий и направлений различного «цвета».

Но сначала два слова по первому из намеченных вопросов, именно: решатся ли большевики взять одни в свои руки всю государственную власть? Я уже имел случай на Всероссийском съезде Советов ответить категорическим утверждением на этот вопрос в одном замечании, которое мне довелось крикнуть с места во

время одной из министерских речей Церетели*. И я не встречал ни в печати, ни устно заявлений со стороны большевиков, что нам не следовало бы брать одним власть. Я продолжаю стоять на той точке зрения, что политическая партия вообще, а партия передового класса в особенности, не имела бы права на существование, была бы недостойна считаться партией, была бы жалким нолем во всех смыслах, если бы она отказалась от власти, раз имеется возможность получить власть.

Приведем теперь заявления кадетов, эс-эров и полубольшевиков (я сказал бы охотнее четверть-большевиков) по интересующему нас вопросу.

Передовик «Речи» от 29 (16-го) сентября:

«...Разноголосица и разброд царили в зале Александринского театра**, и социалистическая пресса отражает ту же картину. Определенностью и прямолинейностью отличается только взгляд большевиков. В совещании, это — взгляд меньшинства. В Советах, это все усиливающееся течение. Но, несмотря на весь словесный задор, на хвастливые фразы, на демонстрацию самоуверенности, большевики, за исключением немногих фанатиков, храбры лишь на словах. Взять «всю власть» они не попытались бы по собственному побуждению. Дезорганизаторы и разрушители par excellence***, они по существу трусы, в глубине души прекрасно сознающие и внутреннее свое невежество и эфемерность своих теперешних успехов. Так же хорошо, как и все мы, они понимают, что первый день их окончательного торжества был бы и первым днем их стремительного падения. Безответствен-

* Это замечание было сделано Лениным на заседании I Всероссийского съезда Советов 17 (4) июня 1917 года. *Ред.*

** Имеется в виду Демократическое Совещание, заседавшее в Александринском театре в сентябре 1917 года. *Ред.*

*** По преимуществу. *Ред.*

ные по самой природе, анархисты по методам и приемам, они мыслимы лишь как одно из направлений политической мысли, вернее сказать, как одна из ее аберраций *. Лучшим способом на долгие годы освободиться от большевизма, извергнуть его, было бы вручение его вождям судеб страны. И если бы не сознание непозволительности и гибельности подобных опытов, можно было бы с отчаяния решиться и на такое героическое средство. К счастью, повторяем, сами эти печальные герои дня отнюдь не стремятся на самом деле к захвату всей полноты власти. Ни при каких условиях им недоступна созидательная работа. Таким образом, вся их определенность и прямолинейность ограничивается сферой политической трибуны, митинговой словесности. Практически их позиция не может ни с какой точки зрения быть принята в расчет. Впрочем, в одном отношении она имеет и некоторое реальное последствие: она объединяет все прочие оттенки «социалистической мысли» в отрицательном к себе отношении»...

Так рассуждают кадеты. А вот точка зрения самой большой, «господствующей и правительствующей» партии в России, «социалистов-революционеров», в равным образом неподписанной, т.-е. редакционной, передовице их официального органа «Дела Народа» от 4 октября (21-го сентября):

«...Если буржуазия не захочет работать вместе с демократией до Учредительного Собрания на почве утвержденной Совещанием платформы, когда *коалиция должна возникнуть в недрах состава Совещания.* Это—тяжкая жертва с стороны защитников коалиции, *но на нее должны пойти и пропагандисты идеи «чистой линии» власти.* Но мы опасаемся, что здесь соглашение может и не состояться. И тогда остается третья и последняя

* *Аберрация* — отклонение, извращение. *Ред.*

комбинация: власть *обязана* организовать та половина Совещания, которая *принципиально* защищала идею однородности ее.

Скажем определенно: *большевики будут обязаны формировать кабинет.* Они с величайшей энергией прививали революционной демократии ненависть к коалиции, обещая ей всякие блага после упразднения «соглашательства» и объясняя этим последним все бедствия страны.

Если они отдавали отчет в своей *агитации*, если они *не обманывали массы*, *они обязаны* расплачиваться по выдаваемым направо и налево векселям.

Вопрос ставится ясно.

И пусть они не делают бесполезных усилий скрыться за наскоро создаваемые теории о невозможности им взять власть.

Этих теорий демократия не примет.

В то же время сторонники коалиции должны гарантировать им полную поддержку. Вот три комбинации, три пути, которые стоят перед нами,—иных нет!» (Курсив принадлежит самому «Делу Народа».)

Так рассуждают эс-эры. Вот, наконец, «позиция», если можно попытки сидеть между двух стульев назвать позицией, новожизненских «четверть-большевиков», взятая из редакционной передовицы «Новой Жизни» от 6 октября (23 сентября):

«...Если коалиция с Коноваловым и Кишкиным вновь будет составлена, то это будет означать не что иное, как новую капитуляцию демократии и отмену резолюции Совещания об ответственной власти на платформе 27 (14-го) августа...

...Однородное министерство меньшевиков и эс-эров так же мало сможет чувствовать свою подотчетность, как мало чувствовали ее ответственные министры-социалисты в коалиционном кабинете... Такое правительство не только не могло бы сплотить вокруг себя «живые силы» рево-

люции, но не могло бы рассчитывать на сколько-нибудь деятельную поддержку ее авангарда пролетариата.

Однако, не лучшим, а еще худшим выходом из положения, собственно не выходом, а просто провалом, было бы образование другого типа однородного кабинета, правительства «пролетариата и беднейшего крестьянства». Такой лозунг, правда, никем и не выставляется кроме как в случайных, несмелых, систематически затем «разъясняемых» замечаниях «Рабочего Пути». (Эту вопиющую неправду «смело» пишут ответственные публицисты, забывшие даже передовицу «Дела Народа» от 4 октября (21-го сентября...).

«Формально большевиками воскрешен ныне лозунг— вся власть Советам. Он был отменен, когда, после июльских дней, Советы, в лице Ц. И. К., определенно стали на путь активной антибольшевистской политики. Теперь же не только может считаться выпрямленной «линия Совета», но есть все основания рассчитывать, что предполагаемый Съезд Советов даст большевистское большинство. При таких условиях воскрешенный большевиками лозунг: «вся власть Советам» есть «тактическая линия», направленная именно к диктатуре пролетариата и «беднейшего крестьянства». Правда, под Советами разумеются и Советы Крестьянских Депутатов, и таким образом большевистский лозунг предполагает власть, опирающуюся на подавляющую часть всей демократии России. Но в таком случае лозунг «вся власть Советам» лишается самостоятельного значения, так как делает Советы почти однозначащими, по своему составу, образуемому Совещанием «предпарламенту»...» (Утверждение «Новой Жизни» есть бесстыднейшая ложь, равняющаяся заявлению, что подлог и подделка демократизма «однозначащи почти» с демократизмом: предпарламент есть *подлог*, выдающий волю меньшинства народа, особенно Кусковой, Беркенгейма, Чайковских и К⁰ за волю боль-

шинства. Это во-первых. Во-вторых, даже подделанные Авксентьевыми и Чайковскими Крестьянские Советы дали на Совещании такой высокий процент противников коалиции, что вместе с Советами Раб. и Солд. Депутатов получился бы *провал коалиции безусловный.* И, в-третьих, «власть Советам» означает, что власть Крестьянских Советов распространялась бы преимущественно на деревню, а в деревнях преобладание *беднейших* крестьян обеспечено...) Если это одно и то же, то большевистский лозунг надлежит немедленно снять с очереди. Если это «власть Советам» только прикрывает собой диктатуру пролетариата, то такая власть означает именно провал и крушение революции.

Надо ли доказывать, что пролетариат, изолированный не только от остальных классов страны, но и от действительных живых сил демократии, не сможет ни технически овладеть государственным аппаратом и привести его в движение в исключительно сложной обстановке, ни политически не способен будет противостоять всему тому напору враждебных сил, который сметет не только диктатуру пролетариата, но и в придачу всю революцию?

Единственною властью, отвечающей требованиям момента, является сейчас действительно честная коалиция внутри демократии»...

Мы извиняемся перед читателями за длинные выписки, но они были безусловно необходимы. Необходимо было точно представить позицию разных партий, враждебных большевикам. Необходимо было точно доказать крайне важное обстоятельство, что *все* эти партии признали вопрос о взятии всей полноты государственной власти одними большевиками не только вопросом вполне реальным, но и актуальным, злободневным.

Перейдем теперь к разбору тех доводов, в силу которых «все», от кадетов до новожизненцев, убеждены, что большевикам власти не удержать.

Солидная «Речь» ровно никаких доводов не приводит. Она только поливает большевиков потоками отборнейшей и озлобленнейшей брани. Приведенная нами цитата показывает, между прочим, как глубоко неправильно было бы думать, что вот де «Речь» «провоцирует» большевиков на взятие власти, а потому: «берегитесь, дескать, товарищи, ибо, что враг советует, то верно худо»! Если мы будем вместо делового учета соображений и общего и конкретного характера давать «убеждать» себя тем, что буржуазия «провоцирует» нас на взятие власти, то мы окажемся одураченными буржуазией, ибо она, наверняка, всегда будет злобно пророчествовать миллионы бед от взятия власти большевиками, всегда будет злобно кричать: «лучше бы всего сразу и на «долгие годы» избавиться от большевиков, если бы подпустить их к власти и затем разбить наголову». Такие крики—тоже «провокация», если хотите, только с противоположной стороны. Кадеты и буржуа вовсе не «советуют» и никогда не «советовали» нам взять власть, они только пытаются *запугать* нас неразрешимыми будто бы задачами власти.

Нет. Мы не должны давать запугать себя криками запуганных буржуа. Мы должны твердо помнить, что «неразрешимых» общественных задач мы себе никогда не ставили, а *вполне* разрешимые задачи немедленных шагов к социализму, как единственного выхода из очень трудного положения, *разрешит только* диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства. Победа и прочная победа более чем когда-либо, более чем где-либо, обеспечена теперь пролетариату в России, если он возьмет власть.

Будем обсуждать чисто деловым образом *конкретные*

обстоятельства, делающие неблагоприятными тот или иной отдельный момент, но не дадим ни на минуту запугать себя дикими воплями буржуазии и не забудем, что вопрос о взятии всей власти большевиками становится поистине *злободневным*. Теперь неизмеримо большая опасность грозит нашей партии в том случае, если мы забудем это, чем в том случае, если мы признаем взятие власти «преждевременным». «Преждевременного» в этом отношении быть теперь *не* может: за это говорят из миллиона шансов все, кроме разве одного—двух.

По поводу злобной брани «Речи» можно и должно повторить:

Мы слышим звуки одобренья
Не в сладком рокоте хвалы,
А в диких криках озлобленья!

Что буржуазия нас так дико ненавидит, это одно из нагляднейших пояснений той истины, что мы *правильно* указываем народу пути и средства для свержения господства буржуазии.

«Дело Народа» на этот раз, в виде редкого исключения, не соблаговолило почтить нас своей бранью, но и не привело ни тени доводов. Оно только в косвенной форме, намеком, пытается *запугать* нас перспективой «большевики будут обязаны формировать кабинет». Вполне допускаю, что, пугая нас, эс-эры сами искреннейшим образом напуганы, до смерти напуганы призраком напуганного либерала. Равным образом допускаю, что эс-эрам удается в каких-нибудь особенно высоких и особенно гнилых учреждениях, вроде Ц.И.К. и ему подобных «контактных» (т.-е. соприкасающихся с кадетами, якшающихся с кадетами, выражаясь попросту) комиссиях запугать кое-кого из большевиков, ибо, во-первых, атмосфера во всех этих Ц.И.К., в «предпарламенте» и т. п. гнуснейшая, затхлая до тошноты,

долго дышать ей для *всякого* человека вредно, а, во-вторых, искренность заразительна и искренне напуганный филистер способен даже отдельного революционера на время превратить в филистера.

Но как бы ни была понятна, по «человечеству» судя, эта искренняя запуганность эс-эра, имевшего несчастье быть министром с кадетами или быть в министериабельном положении перед кадетами, но давать себя запугивать значит делать политическую ошибку, которая слишком легко может оказаться граничащей с изменой пролетариату. Ваши деловые доводы, господа! Не надейтесь, что мы дадим себя напугать вашей запуганностью!

Деловые доводы на этот раз мы находим только в «Новой Жизни». Она выступает на этот раз в более идущей к ней роли адвоката буржуазии, чем в явно «шокирующей» эту даму приятную во всех отношениях роли защитника большевиков.

Адвокат выдвинул *шесть* доводов:

1) пролетариат «изолирован от остальных классов страны»;

2) он «изолирован от действительных живых сил демократии»;

3) он «не сможет технически овладеть государственным аппаратом»;

4) он «не сможет привести в движение» этот аппарат;

5) «обстановка исключительно сложна»;

6) он «не способен будет противостоять всему тому напору враждебных сил, который сметет не только диктатуру пролетариата, но и в придачу всю революцию».

Довод первый изложен «Новой Жизнью» неуклюже до смешного, ибо классов в капиталистическом и полукапиталистическом обществе мы знаем только три: буржуазию, мелкую буржуазию (крестьянство, как ее главный представитель) и пролетариат. Какой же смысл

говорить об изолированности пролетариата от остальных классов, когда речь идет о борьбе пролетариата против буржуазии? о революции против буржуазии?

Должно быть, «Новая Жизнь» хотела сказать, что пролетариат изолирован от крестьянства, ибо не о помещиках же, в самом деле, могла здесь идти речь. Но точно, ясно сказать, что пролетариат изолирован теперь от крестьянства, нельзя было, ибо вопиющая неправильность такого утверждения бьет в глаза.

Трудно представить себе, чтобы в капиталистической стране пролетариат был так мало изолирован от мелкой буржуазии—и заметьте: в революции *против буржуазии*—как теперь пролетариат в России. Из объективных и бесспорных данных мы имеем новейшие данные о голосовании *за* и *против* коалиции с буржуазией по «куриям» церетелевской «булыгинской думы», т.-е. пресловутого «Демократического» Совещания. Возьмем курии Советов. Получаем:

	За коалицию	Против
Советы Раб. и Солд. Депутатов	83	192
Советы Крестьянских Депутатов	102	70
Все Советы	185	262

Итак, большинство в целом на стороне пролетарского лозунга: *против* коалиции с буржуазией. И мы видели выше, что даже кадеты вынуждены признать усиление влияния большевиков в Советах. А ведь мы имеем здесь Совещание, созванное вождями *вчерашнего дня* в Советах, эс-эрами и меньшевиками, имеющими обеспеченное большинство в центральных учреждениях! Явно, что *действительное* преобладание большевиков в Советах здесь *преуменьшено*.

И по вопросу о коалиции с буржуазией и по вопросу о передаче немедленно помещичьей земли крестьянским

комитетам большевики имеют уже сейчас *большинство* в Советах Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, *большинство народа*, большинство мелкой буржуазии. «Рабочий Путь» № 19, от 24-го сентября, приводит из № 25 органа эс-эров «Знамя Труда» сведения о состоявшемся 18 сентября в Питере совещании местных Советов Крест. Депутатов. На этом совещании за неограниченную коалицию высказались исполнительные комитеты четырех крестьянских Советов (Костромской, Московской, Самарской и Таврической губерний). За коалицию без кадетов высказались исполн. комитеты *трех* губерний и *двух* армий (Владимирской, Рязанской и Черноморской губ.). Против коалиции высказались исполн. комитеты *двадцати трех* губерний и *четырех* армий.

Итак, большинство крестьян против коалиции!

Вот вам и «изолированность пролетариата».

Между прочим, отметить надо, что за коалицию высказались три окраинные губернии, Самарская, Таврическая и Черноморская, где сравнительно очень много богатых крестьян, крупных помещиков, работающих с наемными рабочими, а также четыре промышленные губернии (Владимирская, Рязанская, Костромская и Московская), в которых крестьянская буржуазия тоже сильнее, чем в большинстве губерний России. Было бы интересно собрать более подробные данные по этому вопросу и рассмотреть, нет ли сведений именно о *беднейших* крестьянах в губерниях с наиболее «*богатым*» крестьянством.

Интересно далее, что «национальные группы» дали очень значительное преобладание противникам коалиции, именно: 40 голосов против 15. Аннексионистская, грубо насильническая политика бонапартиста Керенского и К⁰ по отношению к неполноправным нациям России принесла свои плоды. Широкая масса населения угнетенных наций, т.-е. масса мелкой буржуазии среди них, дове-

ряет пролетариату России больше, чем буржуазии, ибо на очереди дня история поставила здесь борьбу угнетенных наций против угнетающих за освобождение. Буржуазия подло предала дело свободы угнетенных наций, пролетариат верен делу свободы.

Национальный и аграрный вопросы, это—коренные вопросы дня мелкобуржуазных масс населения России в настоящее время. Это неоспоримо. И по обоим вопросам пролетариат «*не* изолирован» на редкость. Он имеет за собой большинство народа. Он *один* способен вести такую решительную, действительно «революционно-демократическую» политику по обоим вопросам, которая сразу обеспечила бы пролетарской государственной власти не только поддержку большинства населения, но и настоящий взрыв революционного энтузиазма в массах, ибо впервые массы встретили бы со стороны правительства не беспощадное угнетение крестьян помещиками, украинцев великороссами, как при царизме, неприкрытое пышными фразами стремление продолжать подобную же политику при республике, не придирки, обиды, кляузы, оттяжки, подножки, увертки (все, чем награждает крестьян и угнетенные нации Керенский), а горячее сочувствие, доказываемое на деле, немедленные и революционные меры против помещиков, немедленное восстановление *полной* свободы для Финляндии, Украины, Белоруссии, для мусульман и т. д.

Господа эс-эры и меньшевики прекрасно знают это и потому протаскивают полукадетские верхи кооператоров на подмогу своей *реакционно*-демократической политике *против* масс. Поэтому никогда не решатся они опросить массу, устроить референдум или хотя бы голосование по всем местным Советам, по всем местным организациям относительно определенных пунктов практической политики, например, следует ли тотчас передать все помещичьи земли крестьянским комитетам, следует

ли исполнить такие-то требования финнов или украинцев и т. п.

А вопрос о мире, этот кардинальный вопрос всей современной жизни. Пролетариат «изолирован от остальных классов»... Пролетариат выступает здесь поистине как представитель *всей* нации, всего живого и честного *во всех* классах, гигантского большинства мелкой буржуазии, ибо только пролетариат, достигши власти, *сразу* предложит справедливый мир всем воюющим народам, только пролетариат пойдет на действительно *революционные* меры (опубликование тайных договоров и т. п.), чтобы достигнуть как можно скорее, как можно более справедливого мира.

Нет. Господа из «Новой Жизни», кричащие об изолированности пролетариата, выражают этим только свою субъективную запуганность буржуазией. Объективное положение дел в России, несомненно, таково, что пролетариат *как раз теперь не* «изолирован» от большинства мелкой буржуазии. Как раз теперь, после печального опыта «коалиции», пролетариат имеет на своей стороне сочувствие *большинства* народа. *Это* условие для удержания власти большевиками *есть* налицо.

Довод второй состоит в том, будто пролетариат «изолирован от действительных живых сил демократии». Что́ это значит, понять невозможно. Это, должно быть, «по-гречески», как говорят в таких случаях французы.

Писатели «Новой Жизни»—народ министериабельный. Они вполне пригодны были бы в министры при кадетах. Ибо от таких министров требуется именно уменье говорить благовидные и благоприлизанные фразы, в которых нет ровно никакого смысла, которыми можно прикрыть всякую гадость и которым поэтому обеспечены хлопки империалистов и социал-империалистов. Хлопки кадетов,

Брешковской, Плеханова и К⁰ обеспечены новожизненцам за утверждение, что пролетариат изолирован от действительных живых сил демократии, ибо в *косвенной* форме здесь сказано—или утверждение это будет так понято, как если бы им было сказано,—что кадеты, Брешковская, Плеханов, Керенский и К⁰ суть «живые силы демократии».

Это неверно. Это мертвые силы. Это доказала история коалиции.

Запуганные буржуазией и буржуазно-интеллигентской обстановкой, новожизненцы «живым» признают *правое* крыло эс-эров и меньшевиков, ничем существенным не отличающееся от кадетов, вроде «Воли Народа», «Единства» и т. п. Мы же считаем живым только то, что связано с массами, а не с кулаками, только то, что уроки коалиции оттолкнули от нее. «Деятельные живые силы» мелкобуржуазной демократии представлены левым крылом эс-эров и меньшевиков. Усиление этого левого крыла, в особенности после июльской контрреволюции, есть один из вернейших объективных признаков того, что пролетариат *не* изолирован.

Еще нагляднее показывают это в самое последнее время колебания влево эс-эровских центровиков, доказанные заявлением Чернова 24-го сентября, что его группа не может поддерживать новую коалицию с Кишкиным и К⁰. Эти колебания влево эс-эровского центра, который до сих пор давал подавляющее большинство представителей партии эс-эров, партии главенствующей и господствующей по числу голосов, собранных ею в городе и особенно в деревне, доказывают, что цитированные нами выше заявления «Дела Народа» о необходимости для демократии, при известных условиях, «гарантировать полную поддержку» чисто большевистскому правительству, что эти заявления во всяком случае не только фразы.

Такие факты, как отказ эс-эровского центра поддержать новую коалицию с Кишкиным, или преобладание *противников* коалиции среди *меньшевиков-оборонцев* из провинции (Жордания на Кавказе и т. д.), являются объективным доказательством, что известная часть *масс*, идущих до сих пор за меньшевиками и эс-эрами, *поддержат* чисто большевистское правительство.

Именно от *живых*-то сил демократии пролетариат России теперь не изолирован.

Довод третий: пролетариат «не сможет технически овладеть государственным аппаратом». Это, пожалуй, самый обычный, наиболее ходкий довод. Он заслуживает наибольшего внимания как по этой причине, так и потому, что он указывает на одну из самых *серьезных*, самых *трудных* задач, стоящих перед победоносным пролетариатом. Нет сомнения, что задачи эти очень трудны, но если мы, называя себя социалистами, будем указывать на эту трудность только для того, чтобы *отмахнуться* от выполнения таких задач, то на практике наше отличие от слуг буржуазии сведется к нулю. Трудность задач пролетарской революции должна побудить сторонников пролетариата к более внимательному и конкретному изучению способов выполнения этих задач.

Под государственным аппаратом разумеется прежде всего постоянная армия, полиция и чиновничество. Говоря о том, что пролетариат не сможет технически овладеть этим аппаратом, писатели «Новой Жизни» обнаруживают самое крайнее невежество и нежелание считаться ни с фактами жизни, ни с соображениями, указанными давно в большевистской литературе.

Писатели «Новой Жизни» все считают себя если не марксистами, то знакомыми с марксизмом, образован-

ными социалистами. А Маркс учил, на основании опыта Парижской Коммуны, что пролетариат *не может* просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей, что пролетариат должен *разбить* эту машину и заменить ее новой (об этом подробнее я говорю в брошюре, первый выпуск которой закончен и выходит скоро в свет под заглавием: «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции») *. Эта новая государственная машина была создана Парижской Коммуной, и *того же типа* «государственным аппаратом» являются русские Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. На это обстоятельство я указывал много раз, начиная с 17 (4) апреля 1917 г., об этом говорится в резолюциях большевистских конференций, а равно в большевистской литературе. «Новая Жизнь», конечно, могла бы заявить свое полное несогласие и с Марксом и с большевиками, но обходить вопрос вовсе со стороны газеты, которая так часто и так высокомерно бранит большевиков за несерьезное будто бы отношение к трудным вопросам, значит выдавать себе свидетельство о бедности.

«Овладеть» «государственным аппаратом» и «привести его в движение» пролетариат *не* может. Но он может *разбить* все, что есть угнетательского, рутинного, неисправимо-буржуазного в старом государственном аппарате, поставив на его место *свой*, новый аппарат. Этот аппарат и есть Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Нельзя не назвать прямо чудовищным, что «Новая Жизнь» про этот «государственный аппарат» совершенно забыла. Поступая так в своих теоретических рассуждениях, новожизненцы в сущности делают в области поли-

* См. XXI том Сочинений, стр. 365—455. *Ред.*

тической теории то, что кадеты делают в политической практике. Ибо, если в самом деле пролетариату и революционной демократии никакого нового государственного аппарата *не надо*, тогда Советы теряют raison d'être * и теряют право на существование, тогда *правы* кадеты-корниловцы в своих стремлениях свести Советы на-нет!

Эта чудовищная теоретическая ошибка и политическая слепота «Новой Жизни» тем чудовищнее, что даже меньшевики-интернационалисты (с которыми «Новая Жизнь» шла в блоке на последних выборах в Городскую Думу в Питере) обнаружили в этом вопросе известное сближение с большевиками. Так, мы читаем в той декларации советского большинства, которую т. Мартов огласил на Демократическом совещании:

...«Советы Депутатов Рабочих, Солдатских и Крестьянских, созданные в первые дни революции могучим порывом подлинного народного творчества, образовали собой ту новую ткань революционной государственности, которая заменила обветшавшую ткань государственности старого режима».

Это сказано немножко чересчур красиво, т.-е. вычурность выражений прикрывает здесь недостаток ясности политической мысли. Советы *не* заменили *еще* старой «ткани», и эта старая «ткань» *не* есть государственность старого режима, а государственность *и* царизма *и* буржуазной республики. Но во всяком случае Мартов здесь на две головы выше новожизненцев.

Советы суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, при чем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более

* Смысл существования. *Ред.*

могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверимую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т.-е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части *угнетенных* классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой *всю гигантскую массу* этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.-е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию *и исполнение законов*. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение.

Наши Советы в 1905 году были только, так сказать, утробным зародышем, ибо просуществовали всего несколько недель. Ясное дело, что не могло быть и речи при тогдашних условиях о всестороннем развитии их. И в революции 1917 года об этом не может быть еще речи, ибо срок в несколько месяцев крайне мал, а главное: эсэровские и меньшевистские вожди *проституировали* Советы, сводили их на роль говорилен, на роль

придатка к соглашательской политике вождей. Советы гнили и разлагались заживо под руководством Либеров, Данов, Церетели, Черновых. Развиться настоящим образом, развернуть полностью свои задатки и способности Советы могут, только взяв *всю* государственную власть, ибо иначе им *нечего делать*, иначе они либо простые зародыши (а слишком долго зародышем быть нельзя), либо игрушки. «Двоевластие» есть паралич Советов.

Если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя. Печальная история Церетелевски-Черновского проституирования Советов, история «коалиции» есть вместе с тем история избавления Советов от мелкобуржуазных иллюзий, прохождения их через «чистилище» практического изучения ими всей гнусности и грязи *всех* и *всяких* буржуазных коалиций. Будем надеяться, что это «чистилище» не надорвало Советы, а закалило их.

Главная трудность пролетарской революции есть осуществление во всенародном масштабе точнейшего и добросовестнейшего учета и контроля, *рабочего контроля* за производством и распределением продуктов.

Когда новожизненские писатели возражали нам, будто мы впадаем в синдикализм, выставляя лозунг «рабочего контроля», то это возражение было образчиком школьнически-глупенького применения «марксизма», который не продуман, а *заучен* на струвистский манер. Синдикализм либо отрицает революционную диктатуру пролетариата, либо сводит ее, как и вообще политическую власть, на девятое место. Мы ставим ее на первое место.

Если просто говорить в духе новожизненцев: *не* рабочий контроль, *а* государственный контроль, то получается буржуазно-реформистская фраза, получается в сущности чисто кадетская формула, ибо против *участия* рабочих в «государственном» контроле кадеты ничего не имеют. Кадеты-корниловцы прекрасно знают, что такое участие есть лучший способ надувания рабочих буржуазией, лучший способ утонченного *подкупа* в политическом смысле всяких Гвоздевых, Никитиных, Прокоповичей, Церетели и всей этой банды.

Когда мы говорим: «рабочий контроль», ставя этот лозунг всегда *рядом* с диктатурой пролетариата, всегда *вслед* за ней, то мы разъясняем этим, о каком государстве идет речь. Государство есть орган господства *класса*. Какого? Если буржуазии, то это и есть кадетско-корниловски-керенская государственность, от которой рабочему народу в России «корнилится и керится» вот уже больше полугода. Если пролетариата, если речь идет о пролетарском государстве, *т.-е.* о диктатуре пролетариата, то рабочий контроль *может* стать всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим *учетом* производства и распределения продуктов.

В этом главная трудность, в этом главная задача пролетарской, т.-е. социалистической, революции. Без Советов эта задача, по крайней мере для России, была бы неразрешима. Советы *намечают* ту организационную работу пролетариата, которая *может* решить задачу всемирно-исторической важности.

Здесь мы подошли к другой стороне вопроса о государственном аппарате. Кроме преимущественно «угнетательского» аппарата постоянной армии, полиции, чиновничества, есть в современном государстве аппарат, связанный особенно тесно с банками и синдикатами, аппарат, который выполняет массу работы учетно-регистрацион-

ной, если позволительно так выразиться. Этого аппарата разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам, от него надо *отрезать*, *отсечь*, *отрубить* капиталистов с их нитями влияния, его надо *подчинить* пролетарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным. И это *можно* сделать, опираясь на завоевания, уже осуществленные крупнейшим капитализмом (как и вообще пролетарская революция, только опираясь на эти завоевания, способна достигнуть своей цели).

Капитализм создал *аппараты* учета вроде банков, синдикатов, почты, потребительных обществ, союзов служащих. *Без крупных банков социализм был бы неосуществим.*

Крупные банки *есть* тот «государственный аппарат», который нам *нужен* для осуществления социализма и который мы *берем готовым* у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь *отсечь* то, что *капиталистически уродует* этот превосходный аппарат, сделать его *еще крупнее*, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк, с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике— это уже девять десятых *социалистического* аппарата. Это—общегосударственное *счетоводство*, общегосударственный *учет* производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде *скелета* социалистического общества.

Этот «государственный аппарат» (который является не вполне государственным при капитализме, но который будет вполне государственным у нас, при социализме) мы можем «взять» и «привести в движение» одним ударом, одним указом, ибо фактическую работу счетоводства, контроля, регистрации, учета и счета выполняют здесь *служащие*, большинство которых сами

находятся в пролетарском или полупролетарском положении.

Одним указом пролетарского правительства этих служащих можно и должно перевести на положение государственных служащих—подобно тому, как сторожевые псы капитализма, вроде Бриана и других буржуазных министров, одним указом переводят бастующих железнодорожников на положение государственных служащих. Таких государственных служащих нам понадобится много больше, и их *можно* получить больше, ибо капитализм упростил функции учета и контроля, свел их к сравнительно несложным, доступным всякому грамотному человеку *записям*.

«Огосударствление» массы служащих банковых, синдикатских, торговых и пр. и пр.—вещь вполне осуществимая и технически (благодаря предварительной работе, выполненной для нас капитализмом и финансовым капитализмом) и политически, при условии контроля и надзора *Советов*.

А с высшими служащими, которых очень немного, но которые тянут к капиталистам, придется поступить, как с капиталистами, «по строгости». Они, как и капиталисты, окажут *сопротивление*. Это сопротивление надо будет *сломить*, и если бессмертно-наивный Пешехонов лепетал еще в июне 1917 года, как настоящий «государственный младенец», что «сопротивление капиталистов сломлено», то эту детскую фразу, ребячью похвальбу, мальчишескую выходку *пролетариат осуществит всерьез*.

Это мы сделать можем, ибо речь идет о сламывании сопротивления ничтожного меньшинства населения, буквально горстки людей, за каждым из которых союзы служащих, профессиональные союзы, потребительные общества и Советы учредят такой *надзор*, что всякий Тит Титыч будет *окружен*, как француз под Седаном. Этих

Тит Титычей мы знаем поименно: достаточно взять списки директоров, членов правления, крупных акционеров и т. п. Их несколько сот, самое большее—несколько тысяч на *всю* Россию, к каждому из них пролетарское государство, с аппаратом Советов, союзов служащих и т. д., может приставить и по десятку и по сотне контролеров, так что даже вместо «сламывания сопротивления» удастся, пожалуй, посредством *рабочего контроля* (за капиталистами) сделать какое бы то ни было сопротивление *невозможным*.

Не в конфискации имущества капиталистов будет даже «гвоздь» дела, а именно во всенародном, всеобъемлющем рабочем контроле над капиталистами и за их возможными сторонниками. Одной конфискацией ничего не сделаешь, ибо в ней нет элемента организации, учета правильного распределения. Конфискацию мы легко заменим взиманием *справедливого* налога (хотя бы в «Шингаревских» ставках)—только бы исключить возможность какого-либо уклонения от подотчетности, сокрытия правды, обхода закона. А эту возможность *устранит только* рабочий контроль *рабочего государства*.

Принудительное синдицирование, т.-е. принудительное объединение в союзы под контролем государства, вот что капитализм подготовил, вот что в Германии осуществило государство юнкеров, вот что вполне будет осуществимо в России для Советов, для диктатуры пролетариата, вот что *даст нам* «*государственный аппарат*» и универсальный, и новейший, и небюрократический *.

* Подробнее о значении принудительного синдицирования смотри в моей брошюре: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (см. наст. сборник. *Ред.*).

Четвертый довод адвокатов буржуазии: пролетариат не сможет «привести в движение» государственный аппарат. Этот довод не представляет собой чего-либо нового по сравнению с предыдущим доводом. Старым аппаратом мы не смогли бы, конечно, ни овладеть, ни привести его в движение. Новый аппарат, Советы, *уже* приведен в движение «могучим порывом подлинного народного творчества». С этого аппарата надо только снять те *путы*, которые наложило на него главенство эс-эровских и меньшевистских вождей. Этот аппарат *уже* в ходу, надо только выбросить прочь те уродливые мелкобуржуазные привески, которые мешают ему идти вперед и вперед полным ходом.

Два обстоятельства надо здесь рассмотреть, чтобы дополнить сказанное выше: во-первых, новые средства контроля, созданные *не* нами, а капитализмом в его военно-империалистской стадии; во-вторых, значение углубления демократизма в деле *управления* государством пролетарского типа.

Хлебная монополия и хлебные карточки созданы не нами, а воюющим капиталистическим государством. Оно уже создало всеобщую трудовую повинность в рамках капитализма, это—военная каторжная тюрьма для рабочих. Но и здесь, как и во всем своем историческом творчестве, пролетариат берет свое оружие у капитализма, а не «выдумывает», не «создает из ничего».

Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность являются в руках пролетарского государства, в руках полновластных Советов, самым могучим средством учета и контроля, таким средством, которое, будучи распространено на капиталистов и *на богатых вообще*, будучи применено к ним *рабочими*, даст невиданную еще в истории силу «приведения в движение»

государственного аппарата, для преодоления сопротивления капиталистов, для подчинения их пролетарскому государству. Это средство контроля и *принуждения к труду* посильнее законов конвента * и его гильотины. Гильотина *только* запугивала, только сламывала *активное* сопротивление. *Нам этого мало.*

Нам этого мало. Нам надо не только «запугать» капиталистов в том смысле, чтобы они чувствовали всесилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломать и *пассивное*, несомненно, еще более опасное и вредное сопротивление. Нам надо не только сломить какое бы то ни было сопротивление. Нам надо *заставить работать* в новых организационно-государственных рамках. Недостаточно «убрать вон» капиталистов, надо (убрав вон негодных, безнадежных «сопротивленцев») поставить их на *новую государственную службу*. Это относится и к капиталистам и к известному верхнему слою буржуазной интеллигенции, служащих и т. д.

И мы имеем средство для этого. Нам дало для этого средство и оружие в руки само воюющее капиталистическое государство. Это средство—хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность. «Кто не работает, тот не должен есть»—вот основное, первейшее и главнейшее правило, которое могут ввести в жизнь и введут Советы Рабочих Депутатов, когда они станут властью.

Рабочая книжка есть у каждого рабочего. Его не унижает этот документ, хотя он *теперь*, несомненно, является документом капиталистического наемного раб-

* Национальное революционное правительство Франции, избранное всеобщим голосованием в августе 1792 г. после низложения короля. Во время господства в нем якобинцев (1793—1794 гг.) Конвент с революционной твердостью подавлял внешнюю и внутреннюю контрреволюцию. *Ред.*

ства, свидетельством на принадлежность трудящегося человека тому или иному тунеядцу.

Советы введут рабочую книжку *для богатых*, а *затем* с постепенностью и для всего населения (в крестьянской стране, вероятно, на долгое время рабочая книжка будет не нужна для подавляющего большинства крестьянства). Рабочая книжка перестанет быть признаком «черной кости», перестанет быть документом «низших» сословий, свидетельством наемного рабства. Она превратится в свидетельство того, что в новом обществе нет больше «рабочих», но зато и нет никого, кто бы не был *работником*.

Богатые должны получить от того союза рабочих или служащих, к которому ближе всего относится их область деятельности, рабочую книжку, они должны еженедельно, или через какой-либо другой определенный срок, получать удостоверение от этого союза, что ими добросовестно выполняется их работа; без этого они не могут получить хлебной карточки и продуктов продовольствия вообще. Нам нужны хорошие организаторы банкового дела и объединения предприятий (в этом деле у капиталистов больше опыта, а с опытными людьми работа идет легче), нам нужны в большем и большем, против прежнего, числе инженеры, агрономы, техники, научно-образованные специалисты всякого рода. Мы всем таким работникам дадим подсильный и привычный им труд, мы, вероятно, лишь с постепенностью будем вводить равенство платы в полном его размере, оставляя на время перехода более высокую плату для таких специалистов, но мы поставим их под всесторонний рабочий контроль, мы добьемся полного и безусловного проведения в жизнь правила: «кто не работает, тот да не ест». А организационную форму работы мы не выдумываем, а берем готовой у капитализма, банки, синдикаты, лучшие фабрики, опытные станции,

академии и прочее; нам придется лишь заимствовать наилучшие образцы из опыта передовых стран.

И, конечно, мы не впадем ни капли в утопизм, мы не покинем почвы самого трезвого практического расчета, если скажем: весь класс капиталистов окажет самое упорное сопротивление, но организацией всего населения в Советы это сопротивление будет сломлено, причем особенно упорных и неповинующихся капиталистов придется, разумеется, наказывать конфискацией всего имущества и тюрьмой, но зато победа пролетариата *увеличит* число таких случаев, о котором, напр., я читаю в сегодняшних «Известиях»:

«26-го сентября в Центральный Совет Фабрично-Заводских Комитетов явились два инженера с заявлением, что группой инженеров решено образовать союз инженеров-социалистов. Считая, что настоящее время является по существу началом социальной революции, союз предлагает себя в распоряжение рабочих масс и желает, отстаивая интересы рабочих, действовать в полном единении с рабочими организациями. Представители Центр. Совета Фабрично-Заводских Комитетов ответили, что Совет охотно образует в своей организации секцию инженеров, включающую в свою программу основные тезисы 1-й конференции Фабрично-Заводских Комитетов о рабочем контроле над производством. В ближайшие дни состоится соединенное заседание делегатов Центр. Совета Фабрично-Заводских Комитетов и инициативной группы инженеров-социалистов». («Известия Ц.И.К.» от 10 октября (27 сентября) 1917 г.)

Пролетариат не сможет, говорят нам, привести в движение государственный аппарат.

Россией управляли после революции 1905 года 130 000 помещиков, управляли посредством бесконечных насилий

над 150 миллионами людей, посредством безграничных издевательств над ними, принуждения огромного большинства к каторжному труду и полуголодному существованию.

И Россией, будто бы, не смогут управлять 240 000 членов партии большевиков, управлять в интересах бедных и против богатых. Эти 240 000 человек имеют за себя уже теперь не менее одного миллиона голосов взрослого населения, ибо именно такое соотношение числа членов партии к числу подаваемых за нее голосов установлено опытом Европы и опытом России, хотя бы, напр., августовскими выборами в Питерскую думу. Вот у нас уже «государственный аппарат» в *один миллион* людей, преданных социалистическому государству идейно, а не ради получения 20-го числа ежемесячно крупного куша.

Мало того, у нас есть «чудесное средство» сразу, одним ударом *удесятерить* наш государственный аппарат, средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело—привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством.

Чтобы пояснить, как легко применимо это чудесное средство, как безошибочно его действие, возьмем возможно более простой и наглядный пример.

Государству надо выселить из квартиры принудительно определенную семью и поселить другую. Это делает сплошь да рядом капиталистическое государство, это будет делать и наше, пролетарское или социалистическое государство.

Капиталистическое государство выселяет семью рабочих, потерявшую работника и не внесшую платы. Является судебный пристав, полицейский или милицейский, целый взвод их. В рабочем квартале, чтобы про-

Бояться сопротивления капиталистов и в то же время называть себя революционером, желать числиться в социалистах—какой позор! Какое идейное падение испорченного оппортунизмом всемирного социализма нужно было, чтобы *могли* появляться такие голоса!

Силу сопротивления капиталистов мы уже видели, весь народ видел, ибо капиталисты сознательнее других классов и сразу поняли значение Советов, сразу напрягли *все свои силы* до последней степени, пустили в ход все и вся, пустились во все тяжкие, дошли до неслыханных приемов лжи и клеветы, до военных заговоров, *чтобы сорвать Советы*, свести их на-нет, проституировать их (при помощи меньшевиков и эсэров), превратить их в говорильни, утомить крестьян и рабочих месяцами и месяцами пустейшей словесности и игры в революцию.

А силу сопротивления пролетариев и беднейших крестьян *мы еще не видали*, ибо эта сила выпрямится во весь свой рост лишь тогда, когда власть будет в руках пролетариата, когда десятки миллионов людей, раздавленные нуждой и капиталистическим рабством, увидят на опыте, *почувствуют*, что власть в государстве досталась угнетенным классам, что власть помогает бедноте бороться с помещиками и капиталистами, *ломает* их сопротивление. *Только* тогда мы сможем увидеть, какие непочатые еще силы отпора капиталистам таятся в народе, только тогда проявится то, что Энгельс называет «скрытым социализмом», только тогда на каждые *десять тысяч* открытых или прячущихся, проявляющих себя действием или в пассивном упорстве врагов власти рабочего класса поднимется *по миллиону* новых борцов, доселе политически спавших, прозябавших в мучениях нужды и в отчаянии, поте-

рявших веру в то, что и они люди, что и они имеют право на жизнь, что и им может служить вся мощь современного централизованного государства, что и *их* отряды пролетарской милиции с полным доверием зовут к непосредственному, ближайшему повседневному участию в деле управления государством.

Капиталисты с помещиками, при благосклонном участии гг. Плехановых, Брешковских, Церетели, Черновых и К⁰, сделали *все*, чтобы *испоганить* демократическую республику, испоганить ее услужением перед богатством до того, что народом овладевает апатия, равнодушие, *ему все равно*, ибо голодный не может отличить республики от монархии, озябший, разутый, измученный солдат, гибнущий за чужие интересы, не в состоянии полюбить республики.

А вот когда последний чернорабочий, любой безработный, каждая кухарка, всякий разоренный крестьянин увидит—не из газет, а собственными глазами увидит,—что пролетарская власть не раболепствует перед богатством, а помогает бедноте, что эта власть не останавливается перед революционными мерами, что она берет лишние продукты у тунеядцев и дает голодным, что она вселяет принудительно бесприютных в квартиры богачей, что она заставляет богатых платить за молоко, но не дает им ни одной капли молока, пока не снабжены им в достаточных размерах дети *всех* бедных семей, что земля переходит к трудящимся, фабрики и банки под контроль рабочих, что за укрывательство богатства миллионеров ждет немедленная и серьезная кара,—вот, когда беднота увидит это и почувствует это, тогда никакие силы капиталистов и кулаков, никакие силы ворочающего сотнями миллиардов всемирного финансового капитала не победят народной революции, а, напротив, *она* победит весь мир, ибо во всех странах зреет социалистический переворот.

Наша революция непобедима, если она не будет бояться сама себя, если она вручит всю полноту власти пролетариату, ибо за нами стоят еще неизмеримо большие, более развитые, более организованные всемирные силы пролетариата, временно придавленные войной, но не уничтоженные, а, напротив, умноженные ею.

Бояться, что власть большевиков, то-есть власть пролетариата, которому обеспечена беззаветная поддержка беднейшего крестьянства, «сметут» господа капиталисты! Какая близорукость, какая позорная боязнь народа, какое лицемерие! Люди, проявляющие эту боязнь, принадлежат к тому «высшему» (по капиталистической мерке, а на деле *сгнившему*) «обществу», которое произносит слово «справедливость», само не веря в него, по привычке, как фразу, не вкладывая никакого содержания в него.

Вот пример:

Г. Пешехонов—известный полукадет. Более умеренного трудовика, единомышленника Брешковских и Плехановых, не найти. Более услужливого перед буржуазией министра не было. Более горячего сторонника «коалиции», соглашения с капиталистами, не видал мир!

А вот какие признания *вынужден* был делать сей господин в своей речи на «Демократическом» (читай: булыгинском) Совещании, по передаче оборонческих «Известий»:

«Есть две программы. Одна, это—программа групповых притязаний, притязаний классовых и национальных. Наиболее откровенно эту программу защищают большевики. Но и другим частям демократии вовсе не легко отказаться от этой программы. Ведь это признание трудовых масс, притязания обойденных и угнетенных на-

циональностей. И не так легко поэтому демократии разрывать с большевиками, отказаться от этих классовых требований прежде всего от того, что эти требования по существу своему справедливы. Но эта программа, за которую мы боролись до революции, ради которой революцию совершали и которую мы при других условиях очень дружно поддерживали бы все, при данных условиях представляет громадную опасность. Теперь опасность еще сильнее потому, что предъявлять эти требования приходится в такой момент, когда удовлетворение их для государства невозможно. Нужно отстоять сначала целое—государство, его спасти от гибели и для этого есть только один путь: не удовлетворение требований, сколько бы справедливыми и сильными они ни представлялись, а, напротив, ограничения, жертвы, которые необходимо приносить со всех сторон» («Известия Ц. И. К.» от 30 (17) сентября).

Г. Пешехонов не понимает, что, пока капиталисты у власти, он отстаивает *не* целое, а корыстные интересы русского и «союзного» империалистского капитала. Г. Пешехонов не понимает, что война перестала бы быть захватной, империалистской, грабительской только после разрыва с капиталистами, с *их* тайными договорами, с *их* аннексиями (захватами чужих земель), с *их* банковыми финансовыми мошенничествами. Г. Пешехонов не понимает, что лишь *после* этого война стала бы, в случае отказа противника от формально предложенного ему справедливого мира, оборонительной, справедливой войной. Г. Пешехонов не понимает, что обороноспособность страны, свергшей иго капитала, давшей землю крестьянам, поставившей банки и фабрики под рабочий контроль, была бы *во много раз* выше обороноспособности капиталистической страны.

И главное, г. Пешехонов не понимает, что, будучи вынужден признать справедливость большевизма, при-

знать, что его требования суть требования «*трудовых масс*», т.-е. большинства населения, он *сдает* этим всю свою позицию, всю позицию всей мелкобуржуазной демократии.

Вот в чем наша сила. Вот почему наше правительство будет непобедимо: потому, что даже противники вынуждены признать, что большевистская программа есть программа «трудовых масс» и «угнетенных национальностей».

Ведь г. Пешехонов, это—политический друг кадетов, публики из «Единства» и «Дела Народа», Брешковских и Плехановых, это—представитель кулаков и таких господ, жены и сестры которых пришли бы завтра выкалывать зонтиками глаза недобитым большевикам, если бы дошло дело до их поражения войсками Корнилова или (что совершенно одно и то же) войсками Керенского.

И такой господин *вынужден* признать «справедливость» требований большевиков.

Для него «справедливость» только фраза. Но для масс полупролетариев, для большинства мелкой буржуазии города и деревни, разоренных, истерзанных, измученных войной, это не фраза, а самый острый, самый жгучий, самый большой вопрос о голодной смерти, о куске хлеба. Вот почему *нельзя* опереть *никакой* политики на «коалиции», на «соглашении» интересов голодных и разоряемых с интересами эксплуататоров. Вот почему *обеспечена* поддержка *этими* массами, в их подавляющем большинстве, большевистского правительства.

Справедливость—пустое слово, говорят интеллигенты и те прохвосты, которые склонны объявлять себя марксистами на том возвышенном основании, что они «созерцали *заднюю*» экономического материализма.

Идеи становятся силой, когда они овладевают мас-

сами. И именно теперь большевики, т.-е. представители революционно-пролетарского интернационализма, своей политикой воплотили ту идею, которая двигает во всем мире необъятными трудящимися массами.

Одна справедливость, одно чувство возмущенных эксплуатацией масс, никогда не вывело бы их на верный путь к социализму. Но когда вырос, благодаря капитализму, материальный аппарат крупных банков, синдикатов, железных дорог и т. п.; когда богатейший опыт передовых стран скопил запасы чудес техники, применение коих *тормозит* капитализм, когда сознательные рабочие сплотили партию в четверть миллиона, чтобы планомерно взять в руки этот аппарат и пустить его в ход, при поддержке всех трудящихся и эксплуатируемых; когда *есть* на лицо эти условия, тогда не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, *если они не дадут себя запугать* и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Предыдущие строки были написаны, когда передовица «Новой Жизни» от 14 (1) октября принесла новый перл тупоумия, тем более опасного, что оно прячется под флагом сочувствия к большевикам и под покровом премудрого филистерского рассуждения: «не дать себя провоцировать» (не дать себя поймать в ловушку криков о провокации, долженствующих запугать большевиков и побудить их *не* брать власти).

Вот этот перл:

«Уроки движений, вроде 16—18 (3—5) июля, с одной стороны, и корниловских дней, с другой, с полной ясностью показали, что демократия, имеющая в своем распоряжении влиятельнейшие среди населения органы, непобедима, когда в гражданской войне занимает обо-

ронительную позицию, и терпит поражение, теряя все промежуточные, колеблющиеся элементы, когда берет наступательную инициативу в свои руки».

Если бы большевики проявили, в какой бы то ни было форме, какую бы то ни было уступчивость по отношению к такому филистерскому тупоумию, которое выражено в этом рассуждении, то они погубили бы и свою партию и революцию.

Ибо автор этого рассуждения, взявшись говорить о гражданской войне (тема как раз по плечу для дамы приятной во всех отношениях), извратил *уроки истории* по этому вопросу до невероятного комизма.

Вот как рассуждал об *этих* уроках, об уроках истории по *этому* вопросу представитель и основоположник пролетарски-революционной тактики Карл Маркс:

«Восстание есть искусство, точно так же как и война, как и другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновною в их несоблюдении. Эти правила, будучи логическим следствием из сущности партий, из сущности тех условий, с которыми в подобном случае приходится иметь дело, так ясны и просты, что короткий опыт 1848-го года достаточно ознакомил с ними немцев. Во-первых, никогда не следует играть с восстанием, если нет решимости идти до конца (буквально: считаться со всеми последствиями этой игры). Восстание есть уравнение с величинами в высшей степени неопределенными, ценность которых может изменяться каждый день. Боевые силы, против которых приходится действовать, имеют всецело на своей стороне преимущество организации, дисциплины и традиционного авторитета» (Маркс имеет в виду самый «трудный» случай восстания: против «прочной» старой власти, против неразложившейся под влиянием революции и колебаний правительства армии); «если восставшие не могут со-

брать больших сил против своего противника, то их разобьют и уничтожат. Во-вторых, раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания; при обороне оно гибнет, раньше еще чем померялось силами с неприятелем. Надо захватить противника врасплох, пока его войска еще разрознены, надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших, успехов; надо удерживать моральный перевес, который дало тебе первое успешное движение восстающих; надо привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильным и всегда становятся на более надежную сторону; надо принудить неприятеля к отступлению, раньше чем он мог собрать свои войска против тебя; одним словом, действуй по словам величайшего из известных до сих пор мастера революционной тактики, Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость» («Революция и контрреволюция в Германии», нем. изд. 1907 года, стр. 118).

Мы все это переделали—могут сказать про себя «тожемарксисты» из «Новой Жизни»,—у нас вместо тройной смелости два достоинства: «у нас два-с: умеренность и аккуратность». Для «нас» опыт всемирной истории, опыт Великой Французской революции—ничто. Для «нас» важен опыт двух движений 1917 года, искаженный Молчалинскими очками.

Посмотрим на этот опыт без этих милых очков. 16—18 (3—5) июля вы сопоставляете с «гражданской войной», ибо вы поверили Алексинскому, Переверзеву и К°. Это характерно для господ из «Новой Жизни», что они *таким* людям верят (не сделав самостоятельно ровно ничего, несмотря на громадный аппарат большой ежедневной газеты, для *собрания сведений* о 16—18 (3—5) июля).

Но допустим даже на минуту, что 16—18 (3—5) июля было не начатком гражданской войны, удержанной большевиками в пределах начатка, а настоящей гражданской войной. Допустим.

Что же, в таком случае, доказывает этот урок?

Во-первых, что большевики в наступление *не* переходили, ибо неоспоримо, что в ночь с 16 на 17 (3 на 4) июля и даже 17 (4) июля они взяли бы очень многое, если бы перешли в наступление. Оборона была их слабостью, если рассуждать о гражданской войне (как рассуждает «Новая Жизнь», а не о превращении стихийного взрыва в демонстрацию типа 3—4 мая (20—21 апреля, как говорят *факты*).

Итак, «урок» говорит против мудрецов из «Новой Жизни».

Во-вторых, если большевики не задавались даже целью восстания 16—17 (3—4) июля, если *ни одна коллегия* большевиков подобного вопроса даже не ставила, то причина тому лежит *вне* нашего спора с «Новой Жизнью». Ибо мы спорим об *уроках* «гражданской войны», т.-е. восстания, а не о том, когда заведомое неимение большинства на своей стороне удерживает революционную партию от мысли о восстании.

Так как известно всем, что большевики получили большинство и в столичных Советах и в стране (более 49% голосов в Москве) лишь *гораздо позже*, чем в июле 1917 года, то, следовательно, «уроки» получаются опять совсем не те, совсем не те, какие желает видеть новожизненская дама приятная во всех отношениях.

Нет, нет, не беритесь-ка лучше за политику, граждане из «Новой Жизни»!

Если нет у революционной партии большинства в передовых отрядах революционных классов и в стране, то не может быть речи о восстании. Кроме того, для

него нужны: 1) нарастание революции в обще-национальном масштабе; 2) полный моральный и политический крах старого, например, «коалиционного» правительства; 3) большие колебания в лагере всех промежуточных элементов, т.-е. тех, кто *не* вполне за правительство, хотя вчера был вполне за него.

Почему «Новая Жизнь», заговорив об «уроках» 16—18 (3—5) июля, этого, очень важного, урока даже и не заметила? Потому, что не политики взялись за политический вопрос, а запуганные буржуазией люди интеллигентского кружка.

Далее. В-третьих, факты говорят, что именно *после* 16—17 (3—4) июля, именно в связи с *разоблачением* господ Церетели их *июльской* политикой, именно в связи с тем, что *массы* увидали в большевиках *своих* передовых борцов, а в «социал-блокистах» изменников, начинается *развал* эс-эров и меньшевиков. Этот развал *еще до* корниловщины вполне доказан выборами 2 сентября (20 августа) в Питере*, давшими победу большевикам и разгром «социал-блокистов» («Дело Народа» недавно пыталось опровергнуть это, *скрыв* итоги обо *всех* партиях; но это самообман и обман читателя; по данным «Дня» от 6 сентября (24 августа), относящимся только к городу, процент голосов за кадетов повысился с 22% до 23%, а абсолютное число голосов за них уменьшилось на 40%; процент голосов за большевиков возрос с 20% до 33%, а абсолютное число голосов за них уменьшилось всего на 10%; процент голосов за всех «средних» уменьшился с 58% до 44%, а абсолютное число голосов за них уменьшилось на 60%!!).

Развал эс-эров и меньшевиков после июльских дней и до корниловских доказан также ростом «левого» крыла

*Имеются в виду выборы в городскую и районную Думы. *Ред.*

в обеих партиях, достигшего почти 40 процентов: «месть» за преследуемых гг. Керенскими большевиков.

Пролетарская партия, несмотря на «потерю» ею нескольких сот ее членов, *выиграла* гигантски от 16—17 (3—4) июля, ибо именно в эти тяжелые дни *массы* поняли и увидали ее преданность и *измену* эс-эров и меньшевиков. «Урок», значит, получается совсем, совсем не «новожизненский», а иной: не отходи от кипящих масс к «Молчалиным демократии», и, если восставать, то переходи в наступление, пока силы врага разрознены, захватывай врага врасплох.

Не так ли, господа «тоже-марксисты» из «Новой Жизни»?

Или «марксизм» состоит в том, чтобы *не* класть в основу тактики точный учет *объективного* положения, а бессмысленно и без критики валить в одну кучу и «гражданскую войну», и «съезд Советов с созывом Учредительного Собрания»?

Но ведь это же просто смехотворно, господа, ведь это же сплошная издевка и над марксизмом и над всякой логикой вообще!

Если в *объективном* положении вещей *нет* основания для обострения классовой борьбы до степени «гражданской войны», тогда зачем вы о «гражданской войне» заговорили *по поводу* «Съезда Советов и Учредительного Собрания»? (именно так озаглавлена рассматриваемая передовица «Новой Жизни»). Тогда надо бы ясно сказать читателю и доказать ему, что в условиях объективного положения *нет* почвы для гражданской войны и что поэтому можно и должно во главу угла тактики класть мирные, конституционно-легальные, юридически и парламентски «простые» вещи, вроде Съезда Советов и Учредительного Собрания. Тогда *можно* держаться того мнения, что подобный съезд и подобное собрание действительно способны *решать*.

Если же в объективных условиях момента коренится неизбежность или хотя бы только вероятность гражданской войны, если вы о ней не «зря» заговорили, а ясно видя, чувствуя, осязая наличность обстановки гражданской войны, тогда как же можно ставить во главу угла Съезд Советов или Учредительное Собрание?? Ведь это насмешка над голодными и истерзанными массами! Что же, голодный согласится «ждать» два месяца? Или разруха, о нарастании которой вы сами ежедневно пишете, согласится «ждать» до Съезда Советов или до Учредительного Собрания? Или немецкое наступление, при отсутствии серьезных шагов к миру (т.-е. при отсутствии формального предложения справедливого мира всем воюющим) с нашей стороны, согласится «ждать» Съезда Советов или Учредительного Собрания? Или вы имеете такие данные, которые позволяют вам заключить, что история русской революции, шедшая с 13 марта (28 февраля) по 13 октября (30 сентября) необыкновенно бурно и темпом неслыханно быстрым, пойдет с 14 (1) октября по 12 декабря (29 ноября) темпом архиспокойным, мирным, легально уравновешенным, исключающим взрывы, скачки, поражения на войне, экономические кризисы? Или армия на фронте, про которую *не*большевик офицер Дубасов официально от имени фронта заявил, что она «воевать не будет», эта армия станет спокойно голодать и мерзнуть до «назначенного» числа? Или крестьянское восстание от того, что вы назовете его «анархией» и «погромом», от того, что Керенский пошлет «военные» силы *против крестьян*, перестанет быть элементом гражданской войны? Или возможна, *мыслима* спокойная, правильная, *не*поддельная работа правительства над созывом Учредительного Собрания *в крестьянской* стране при *подавлении* этим правительством крестьянского восстания?

Не смейтесь над «растерянностью Смольного Инсти-

тута» *, господа! Ваша растерянность не меньше. На грозные вопросы гражданской войны вы отвечаете растерянными фразами и жалкими конституционными иллюзиями. Вот почему я говорю, что если бы большевики поддались таким настроениям, они погубили бы и свою партию, и свою революцию.

14 (1) октября 1917 г.

Печатается по тексту 2 и 3-го изд. Сочинений, т. XXI, стр. 243—284.

* В здании Смольного Института находился Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, которым в это время уже руководили большевики. *Ред.*

СОВЕТЫ ПОСТОРОННЕГО

Л2

Я пишу эти строки 8 октября и мало надеюсь, чтобы они уже 9 были в руках питерских товарищей. Возможно, что они опоздают, ибо съезд северных Советов назначен на 10 октября. Но все-таки я попытаюсь выступить со своими «Советами постороннего» на тот случай, что вероятное выступление рабочих и солдат Питера и всей «округи» состоится вскоре, но еще не состоялось.

Что вся власть должна перейти к Советам, это ясно. Так же бесспорно должно быть для всякого большевика, что революционно-пролетарской (или большевистской—это теперь одно и то же) власти обеспечено величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся и эксплуатируемых во всем мире вообще, в воюющих странах в частности, среди русского крестьянства в особенности. На этих, слишком общеизвестных и давно доказанных, истинах не стоит останавливаться.

Остановиться надо на том, что едва ли вполне ясно всем товарищам, именно: что переход власти к Со-

ветам означает теперь на практике вооруженное восстание. Казалось бы, это очевидно, но не все в это вдумались и вдумываются. Отрекаться теперь от вооруженного восстания, значило бы отречься от главного лозунга большевизма (вся власть Советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще.

Но вооруженное восстание есть *особый* вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное «*восстание, как и война, есть искусство*».

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца*.

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, «*моральный перевес*».

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость».

В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезап-

ное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление *всего* флота, скопление *гигантского перевеса* сил над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важных операциях, напр.:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска,—такова задача, требующая *искусства и тройной смелости.*

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф и телефон и прочее) с лозунгом: *погибнуть всем, но не пропустить неприятеля.*

Будем надеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применят великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы.

Написано 21 (8) октября 1917 г. Впервые напечатано 7 ноября 1920 г. в «Правде» № 250.
Подпись: «Посторонний».

Печатается по тексту 2 и 3-го изд. Сочинений, т. XXI, стр. 319—320

ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ

Товарищи! Время, которое мы переживаем, настолько критическое, события летят с такой невероятной быстротой, что публицист, поставленный волей судеб несколько в стороне от главного русла истории, рискует постоянно опоздать или оказаться неосведомленным, особенно если его писания с запозданием появляются в свет. Вполне сознавая это, я вынужден тем не менее обратиться к большевикам с этим письмом, даже под риском, что оно вовсе не появится в печати, ибо колебания, против которых я считаю своим долгом восстать со всей решительностью, неслыханны и способны оказать губительное действие на партию, на движение международного пролетариата, на революцию. А что касается до опасности опоздать, то для предупреждения ее я буду указывать, какими сведениями, от какого числа, я обладаю.

Мне удалось только в понедельник, 16-го октября, утром увидеть товарища, который участвовал накануне в очень важном большевистском собрании в

Питере и подробно осведомил меня о прениях *. Обсуждался тот самый вопрос о восстании, который обсуждается и воскресными газетами всех направлений. На собрании было представлено все влиятельнейшее из всех отраслей большевистской работы в столице. И только ничтожнейшее меньшинство собрания, именно всего на всего двое товарищей заняли отрицательное отношение. Доводы, с которыми выступали эти товарищи, до того слабы, эти доводы являются таким поразительным проявлением растерянности, запуганности и краха всех основных идей большевизма и революционно-пролетарского интернационализма, что нелегко подыскать объяснение столь позорным колебаниям. Но факт на лицо, и так как революционная партия терпеть колебаний по столь серьезному вопросу не вправе, так как известную смуту эта парочка товарищей, растерявших свои принципы, внести может, то необходимо разобрать их доводы, вскрыть их колебания, показать, насколько они позорны. Дальнейшие строки пусть будут попыткой выполнить эту задачу.

«...У нас нет большинства в народе, без этого условия восстание безнадежно»...

Люди, которые способны говорить это, либо искажители правды, либо педанты, которые желают, во что бы то ни стало, не считаясь ни капли с реальной обстановкой революции, получить наперед гарантии, что во всей стране партия большевиков получила ровнехонько половину голосов плюс один голос. Таких гарантий история никогда и ни в одной революции не представляла и представить абсолютно не в состоянии. Предъявление подобного требования есть издеватель-

* Имеется в виду заседание Ц. К. 16-го октября 1917 г., на котором участвовал В. И. Ссылка на товарища и изменение даты собрания сделаны с конспиративной целью. *Ред.*

ство над слушателями и не более, как прикрытие своего *бегства* от действительности.

Ибо действительность показывает нам воочию, что именно после июльских дней большинство народа стало быстро переходить на сторону большевиков. Это доказали и выборы 20 августа в Питере, еще до корниловщины, когда процент большевистских голосов поднялся с 20% до 33% в городе без пригородов, и затем выборы в сентябре в районные думы Москвы, когда процент большевистских голосов поднялся с 11% до 49 1/3% (один товарищ москвич, которого я видел на-днях, говорил мне, что точная цифра 51%). Это доказали перевыборы Советов. Это доказал тот факт, что большинство крестьянских Советов, вопреки своему «авксентьевскому» центральному совету, высказалось *против* коалиции. Быть против коалиции это значит *на деле* идти за большевиками. Далее, сообщения с фронта все чаще и все определеннее показывают, что *масса* солдат вопреки злостным клеветам и нападкам эс-эровско-меньшевистских вождей, офицеров, депутатов и проч., и проч., все решительнее и решительнее переходит на сторону большевиков.

Наконец, самый крупный факт современной жизни в России есть *крестьянское восстание*. Вот объективный, не словами, а делами показанный переход народа на сторону большевиков. Ибо, как ни лжет буржуазная пресса и ее жалкие подголоски из «колеблющихся» новожизненцев и К⁰, крича о погромах и об анархии, но факт на лицо. Движение крестьян в Тамбовской губернии было восстанием и в физическом и в политическом смысле, восстанием, давшим столь великолепные политические результаты, как, во-первых, согласие передать земли крестьянам. Не даром вся запуганная восстанием эс-эровская шваль вплоть до «Дела Народа» *вопит* теперь о необходимости передачи земель кре-

стьянам! Вот *на деле* доказанная правильность большевизма и успех его. «Учить» бонапартистов и их лакеев в предпарламенте *оказалось* невозможным иначе как восстанием.

Это факт. Факты—упрямая вещь. И такой фактический «довод» *за* восстание сильнее тысячи «пессимистических» увертюк растерявшегося и запуганного политика.

Не будь крестьянское восстание событием общенационального политического значения, эс-эровские лакеи из предпарламента не кричали бы о необходимости передать землю крестьянам.

Другое великолепное политическое и революционное последствие крестьянского восстания, отмеченное уже в «Рабочем Пути», это—подвоз хлеба к станциям железных дорог Тамбовской губ. Вот вам еще «довод», господа растерявшиеся, довод за восстание, как единственное средство спасти страну от стучащегося уже в дверь голода и кризиса неслыханных размеров. Пока эс-эровско-меньшевистские предатели народа ворчат, грозят, пишут резолюции, обещают накормить голодных созывом Учредительного Собрания, народ *по-большевистски* приступит к решению вопроса о хлебе *восстанием* против помещиков, капиталистов и скупщиков.

И прекрасные плоды *такого* (единственно реального) решения вопроса о хлебе вынуждена была признать *буржуазная* пресса, даже «Русская Воля», напечатавшая сообщение, что станции железных дорог Тамбовской губернии оказались завалены хлебом... *После того как крестьяне восстали!!*

Нет, сомневаться теперь в том, что большинство народа идет и пойдет за большевиками, значит позорно колебаться и на деле выкидывать прочь *все* принципы пролетарской революционности, отрекаться от большевизма совершенно.

...«Мы недостаточно сильны, чтобы взять власть, а буржуазия недостаточно сильна, чтобы сорвать Учредительное Собрание»...

Первая часть этого довода есть простой пересказ довода предыдущего. Он не выигрывает в силе и убедительности, если свою растерянность и запуганность буржуазией выражают пессимизмом насчет рабочих, оптимизмом насчет буржуазии. Если юнкера и казаки говорят, что будут драться до последней капли крови против большевиков, то это заслуживает полного доверия; если же рабочие и солдаты на сотнях собраний выражают полное доверие большевикам и подтверждают готовность грудью встать за переход власти к Советам, то «уместно» вспомнить, что одно дело голосовать, а другое дело драться!

Конечно, если рассуждать так, то восстание «опровергнуто». Только, спрашивается, чем же отличается этот своеобразно направленный, своеобразно устремленный «пессимизм» от политического перехода на сторону буржуазии?

Взгляните на факты, вспомните «забываемые» нашими пессимистами тысячекратные заявления большевиков. Мы тысячи раз говорили, что Советы Р. и С. Депутатов—сила, что это авангард революции, что они *могут* взять власть. Мы тысячи раз упрекали меньшевиков и эс-эров, что они фразерствуют насчет «полномочных органов демократии» и в то же время *боятся* взять власть в руки Советов.

А что доказала корниловщина? Она доказала, что Советы действительно сила.

И после того, как это доказано опытом, фактами, мы выбросим прочь большевизм, отречемся от себя и скажем: мы недостаточно сильны (хотя мы имеем оба сто-

личных и большинство провинциальных Советов на стороне большевиков)!!! Ну, разве это не позорные колебания? В сущности, ведь наши «пессимисты» выкидывают прочь лозунг «вся власть Советам», *боясь* признаться в этом.

Как можно доказать, что буржуазия недостаточно сильна для срыва Учредительного Собрания?

Если буржуазию *не в силах* свергнуть Советы, то, *значит*, она достаточно сильна для срыва Учредительного Собрания, ибо больше помешать некому. Верить обещаниям Керенского и К⁰, верить резолюциям лакейского предпарламента—неужели это достойно члена пролетарской партии и революционера?

Буржуазия не только *в силах* сорвать Учредительное Собрание, если теперешнее правительство не будет свергнуто, но она может и *косвенно* достигнуть этого результата, сдавая Питер немцам, открывая фронт, усиливая локауты, саботируя подвоз хлеба. Доказано *фактами*, что по частям все это буржуазия уже делала. Значит, она в силах сделать это и *в целом*, если рабочие и солдаты не свергнут ее.

...«Советы должны быть револьвером, приставленным к виску правительства с требованием созыва Учредительного Собрания и отказа от корниловских попыток»...

До этого договорился один из двух печальных пессимистов!

Пришлось договориться до этого, ибо отказ от восстания *есть* отказ от лозунга вся власть Советам.

Конечно, лозунги—«не святыня», слов нет. Но почему же *никто* не поднял вопроса об изменении этого лозунга (как поднял я этот вопрос после июльских дней) *?

* См. настоящ. сборн., стр. 105. *Ред.*

Почему *боятся* сказать это открыто, хотя с сентября в партии обсуждается вопрос о восстании, *неизбежном* отныне для осуществления лозунга: «вся власть Советам»?

Тут не вывернуться нашим печальным пессимистам никогда. Отказ от восстания есть отказ от передачи власти Советам и «передача» всех надежд и упований на добренькую буржуазию, которая «обещала» созвать Учредительное Собрание.

Неужели трудно понять, что *при власти* в руках Советов Учредительное Собрание *обеспечено* и его успех обеспечен? Это тысячи раз говорили большевики. *Никто* ни разу не пытался опровергнуть этого. Такой «комбинированный тип» все признавали, но протащить теперь под словечком «комбинированный тип» *отказ* от передачи власти Советам, протащить *тайком, боясь* отречься от нашего лозунга открыто,—что это такое? можно ли подыскать для характеристики этого парламентские выражения?

Нашему пессимисту ответили метко: «револьвер без пули?» Если да, то это прямой переход к Либерданам, которые тысячу раз объявляли Советы «револьвером» и тысячи раз обманывали народ, ибо Советы *при их господстве* оказывались нолем.

А если револьвер «с пулей», то это и есть *техническая* подготовка восстания, ибо пулю надо достать, револьвер надо зарядить, да и одной пули маловато будет.

Либо переход к Либерданам и *открытый* отказ от лозунга «вся власть Советам», либо восстание. Середины нет.

...«Буржуазия не может сдать Питера немцам, хотя Родзянко и хочет этого, ибо воюют не буржуа, а наши геройские матросы»...

Этот довод сводится опять к тому «оптимизму» *насчет буржуазии*, который на каждом шагу фатально проявляют пессимисты по части революционных сил и способностей пролетариата.

Воюют геройские матросы, *но* это не помешало *двум* адмиралам *скрыться* перед взятием Эзеля!!

Это факт. Факты—упрямая вещь. Факты доказывают, что адмиралы *способны* предавать не хуже Корнилова. А что ставка не реформирована, что командный состав корниловский, это бесспорный факт.

Если корниловцы (с Керенским во главе, ибо он тоже корниловец) *захотят* сдать Питер, они могут сделать это двояко и даже «трояко».

Во-первых, они могут предательством корниловского командного состава открыть сухопутный северный фронт.

Во-вторых, они могут «сговориться» насчет свободы действий всего немецкого флота, который *сильнее* нас, сговориться и с немецкими и с английскими империалистами. Кроме того «скрывшиеся адмиралы» могли передать немцам *и планы*.

В-третьих, локаутами и саботажем доставки хлеба они могут довести войска наши до *полного* отчаяния и бессилия.

Ни одного из этих трех путей отрицать нельзя. Факты доказали, что во все эти три двери буржуазно-казацкая партия России уже стучалась, их пробовала открыть.

Следовательно? Следовательно, мы не в праве *ждать*, пока буржуазия задушит революцию.

Что родзянковские «хотения»—не пустышка, это доказано опытом. Родзянко—человек дела. За Родзянкой стоит *капитал*. Это неоспоримо. Капитал—силища, пока пролетариат не овладел властью. Политику капитала Родзянко верой и правдой проводил *десятилетия*.

Следовательно? Следовательно, колебаться по вопросу о восстании, как единственном средстве спасти рево-

люцию, значит впадать в ту наполовину либердановскую, эс-эровски-меньшевистскую трусливую доверчивость к буржуазии, наполовину «мужицки»-бессознательную доверчивость, против которой больше всего большевики боролись.

Либо сложить ненужные руки на пустой груди и ждать, клянясь «верой» в Учредительное Собрание, пока Родзянко и К⁰ сдадут Питер и задушат революцию, либо восстание. Середины нет.

Даже созыв Учредительного Собрания, отдельно взятый, ничего тут не меняет, ибо никаким «учредительством», никакими голосованиями хотя бы архисуверенного собрания голода не проймешь, Вильгельма не проймешь. И созыв Учредительного Собрания и *успех* его зависит от перехода власти к Советам, эту старую большевистскую истину все более наглядно и все более *жестоко* подтверждает действительность.

... «Мы усиливаемся с каждым днем, мы можем войти сильной оппозицией в Учредительное Собрание, к чему нам все ставить на карту»...

Довод филистера, который «читал», что Учредительное Собрание созывается и доверчиво успокаивается на легальнейшем, лояльнейшем, конституционном пути.

Жаль только, что ни вопроса о голоде, ни вопроса о сдаче Питера *ожиданиями* Учредительного Собрания решить нельзя. Эту «мелочь» забывают наивные или растерявшиеся, или давшие себя запугать люди.

Голод не ждет. Крестьянское восстание не ждало. Война не ждет. Скрывшиеся адмиралы не ждали.

Или от того, что мы, большевики, *провозгласим* веру в созыв Учредительного Собрания, от этого голод согласится подождать? Скрывшиеся адмиралы согласятся подождать? Маклаковы и Родзянки согласятся прекра-

тить локауты, саботаж подвоза хлеба, тайные сговоры с английскими и немецкими империалистами?

Ведь *так* выходит у героев «конституционных иллюзий» и парламентского кретинизма. Живая жизнь исчезает, остается только *бумажка* о созыве Учредительного Собрания, остаются только выборы.

И слепые люди дивятся еще, что голодный народ и предаваемые генералами и адмиралами солдаты равнодушны к выборам! О, мудрецы!

...«Вот если бы корниловцы опять начали, тогда мы бы показали! А начинать самим, к чему рисковать?...»

Это так чрезвычайно убедительно и чрезвычайно революционно. История не повторяется, но если мы повернемся к ней *задом* и будем, созерцая корниловщину-первую, твердить: «вот кабы корниловцы начали»; если мы это сделаем, какая это превосходная революционная стратегия! Как она похожа на «авось да небось»! Авось корниловцы опять начнут не во время!—не правда ли, какой это сильный «довод»? Какое это серьезное обоснование пролетарской политики?

А если корниловцы второго призыва научились коечему? Если они *дождутся* голодных бунтов, прорывов фронта, сдачи Питера, *не начиная* до тех пор? Что тогда?

Тактику пролетарской партии нам предлагают построить на возможном повторении корниловцами одной из своих старых ошибок!

Забудем все, что́ сотни раз доказывали и *доказали* большевики, что́ доказала полугодовая история нашей революции, именно: что выхода *нет*, объективно нет, не может быть, *кроме* диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата, забудем это, отречемся от всего этого и будем ждать! Ждать чего? Ждать чуда:

именно, что бурное и катастрофическое течение событий с 20 апреля по 29 августа сменится (по случаю затягивания войны и роста голодовки) мирным, спокойным, гладким, легальным созывом Учредительного Собрания и исполнением его законнейших решений. Вот она «марксистская» тактика! Ждите, голодные, Керенский обещал созвать Учредительное Собрание!

...«В международном положении нет, собственно, ничего, обязывающего нас выступать немедленно, мы скорее повредим делу социалистической революции на Западе, если дадим себя расстрелять»...

Этот довод поистине великолепен: «сам» Шейдеман, «сам» Ренодель не сумел бы искуснее «оперировать» с сочувствием рабочих успеху международной социалистической революции!

Подумайте только: немцы при дьявольски трудных условиях, имея *одного* Либкнехта (да и то в каторге), без газет, без свободы собраний, без Советов, при невероятной враждебности *всех* классов населения, вплоть до последнего зажиточного крестьянина, идее интернационализма, при великолепной организованности империалистской крупной, средней и мелкой буржуазии, немцы, т.-е. немецкие революционеры-интернационалисты, рабочие, одетые в матросские куртки, устроили восстание во флоте—с шансами разве один на сотню.

А мы, имея десятки газет, свободу собраний, имея *большинство* в Советах, мы, наилучше поставленные во всем мире пролетарские интернационалисты, мы откажемся от поддержки немецких революционеров нашим восстанием. Мы будем рассуждать, как Шейдеманы и Ренодели: благоразумнее всего не восставать, ибо если нас перестреляют, то мир потеряет таких прекрасных, таких благоразумных, таких идеальных интернационалистов!!

Докажем свое благоразумие. Примем резолюцию сочувствия *немецким повстанцам* и отвергнем *восстание* в России. Это будет настоящим, благоразумным интернационализмом. И как быстро процветет международный интернационализм, если *повсюду* восторжествует такая же мудрая политика!..

Война замучила, истерзала рабочих всех стран до крайности. Взрывы и в Италии, и в Германии, и в Австрии учащаются. Мы *одни* имеем Советы Рабочих и Солдатских Депутатов,—будем *выжидать*—предадим немецких интернационалистов, как мы предаем русских крестьян, не словами, а делами, восстанием против помещиков, зовущих нас к восстанию против правительства Керенского...

Пусть сгустилась туча империалистского заговора капиталистов всех стран, которые готовы задушить русскую революцию,—будем спокойно выжидать, пока нас задушат *рублем!* Вместо того, чтобы напасть на заговорщиков и сломать их ряды победой Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, будем ожидать Учредительного Собрания, где *голосованиями* победятся все международные заговоры, если Керенский и Родзянко добросовестно созовут Учредительное Собрание. Имеем ли мы право сомневаться в добросовестности Керенского и Родзянки?

...«Но против нас «все»! Мы изолированы; и Ц.И.К., и меньшевики-интернационалисты, и новожизненцы, и левые эс-эры выпустили и выпустят воззвания против нас!..»

Пресильный довод. Мы до сих пор били беспощадно колеблющихся за колебания. Мы *на этом* приобрели сочувствие народа. Мы *на этом* завоевали Советы, без которых восстание не могло быть надежным, быстрым, верным. Теперь воспользуемся завоеванными Советами,

чтобы *и нам перейти в стан колеблющихся*. Какая прекрасная карьера большевизма!

Вся суть политики Либерданов и Черновых, а также «левых» среди эс-эров и меньшевиков состоит в *колебаниях*. Как *показатели* того, что *массы левеют*, левые эс-эры и меньшевики-интернационалисты имеют *огромное* политическое значение. Такие два факта, как переход около 40% и у меньшевиков и у эс-эров в лагерь левых, с одной стороны, и крестьянское восстание, с другой, стоят в несомненной, очевидной связи.

Но именно характер этой связи и разоблачает всю бездну бесхарактерности тех, кто вздумал теперь хныкать по поводу того, что заживо сгнивший Ц.И.К. или колеблющиеся левые эс-эры и К⁰ выступили против нас. Ибо *эти* колебания мелкобуржуазных вождей, Мартовых, Камковых, Сухановых и К⁰, надо сопоставить с *восстанием* крестьян. Вот *реальное* политическое сопоставление. С кем идти? С теми колеблющимися горстками питерских вождей, которые *косвенно* выразили *левение* масс и которые при *каждом* политическом повороте позорно хныкали, колебались, бегали просить прощение у Либердана и Авксентьевых с Комп., *или с этими полевевшими массами*.

Так, только так стоит вопрос.

По случаю предательства крестьянского восстания Мартовыми, Камковыми, Сухановыми, и нам, рабочей партии революционных интернационалистов, предлагают предать его. Вот к чему сводится политика «киваний» на левых эс-эров и меньшевиков-интернационалистов.

А мы сказали: чтобы помочь колеблющимся, надо перестать колебаться самому. Эти «милые» левые мелкобуржуазные демократы колебались и за коалицию! Мы их повели, в конце концов, за собой тем, что не колебались сами. И жизнь подтвердила нас.

Своими колебаниями эти господа губили революцию

всегда. Только мы спасали ее. И теперь мы спасуем, когда голод стучится в ворота Питера, а Родзянко и К⁰ готовят сдачу его?!

...«Но у нас нет даже прочных связей с железнодорожниками и почтовыми служащими. Их официальные представители Плансоны. А можно ли победить без почты и без железных дорог?..»

Да, да, Плансоны—здесь, Либерданы—там. Какое доверие оказали им *массы?* Не мы ли доказывали всегда, что эти вожди предают *массы?* Не от этих ли вождей повернули массы *к нам* и на выборах в Москве и на выборах в Советы? Или масса железнодорожных и почтовых служащих не голодает? не бастует против правительства Керенского и К⁰?

«А перед 28 февраля были у нас связи с этими союзами?» спросил один товарищ «пессимиста». Тот ответил указанием на несравнимость обеих революций. Но это указание только *усиливает* позицию того, кто задал вопрос. Ибо о длинной подготовке *пролетарской* революции *против буржуазии* тысячи раз говорили как раз большевики (и говорили не для того, чтобы забыть это накануне решительного момента). Как раз *выделением* пролетарских элементов массы от мелкобуржуазных и буржуазных верхов характеризуется политическая и экономическая жизнь союзов почтово-телеграфного и железнодорожного. Дело вовсе не в том, чтобы обязательно запастись заранее «связями» с тем и другим союзом, дело в том, что только победа пролетарского и крестьянского восстания *может* удовлетворить *массы* в армиях железнодорожников и почтово-телеграфных служащих.

...«Хлеба в Питере на два—три дня. Можем ли мы дать хлеб повстанцам?..»

Одно из тысячи скептических замечаний (скептики *всегда* могут «сомневаться», и ничем, кроме опыта, не опровергнешь их), из таких замечаний, которое валит с больной головы на здоровую.

Именно Родзянки и К⁰, именно буржуазия готовит голод и спекулирует удавить революцию голодом. Нет и быть *не может* иного спасения от голода, как восстание крестьян против помещиков в деревне и победа рабочих над капиталистами в городе и в центре. Иначе ни достать хлеба у богачей, ни вывезти его, вопреки их саботажу, ни сломить сопротивление подкупленных служащих и наживающихся капиталистов, ни создать строгий учет *нельзя*. Это доказала именно история продовольственных учреждений и продовольственной маяты «демократии», которая миллионы раз *жаловалась* на саботаж капиталистов, *хныкала*, *умоляла*.

Нет силы на свете, кроме силы победоносной пролетарской революции, чтобы вместо жалоб и просьб и слез перейти к *революционному делу*. И чем дольше будет оттянута пролетарская революция, чем дольше отсрочат ее события или колебания колеблющихся и растерявшихся, тем больше жертв она будет стоить, тем труднее будет *наладить* подвоз и распределение хлеба.

«Промедление в восстании смерти подобно»—вот что надо ответить тем, кто имеет печальное «мужество» смотреть на рост разрухи, на близость голода и *отсоветовать* рабочим восстание *(то-есть советовать им подождать, еще положиться на буржуазию)*.

...«В положении на фронте тоже нет еще опасности. Если даже солдаты сами заключат перемирие, это еще не беда»...

Но солдаты не заключат перемирия. Для этого нужна государственная власть, которой нельзя получить без

восстания. Солдаты просто *убегут*. Об этом говорят доклады с фронта. Ждать нельзя, не рискуя помочь сговору Родзянки с Вильгельмом и *полной* разрухой при повальном бегстве солдат, если они *(уже близкие к отчаянию)* дойдут до полного отчаяния и бросят все на произвол судьбы.

...«А если мы возьмем власть и не получим ни перемирия, ни демократического мира, то солдаты могут не пойти на революционную войну. Что тогда?..»

Довод, заставляющий вспомнить изречение: один дурак может вдесятеро больше задать вопросов, чем десять мудрецов способны разрешить.

Мы никогда не отрицали трудностей *власти* во время империалистской войны, но мы тем не менее всегда *проповедывали* диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. Неужели мы отречемся от этого, когда пришел момент действия??

Мы всегда говорили, что диктатура пролетариата в одной стране создает гигантские перемены и международного положения, и экономики страны, и положения армии, и настроения ее,—и мы «забудем» все это теперь, давая себя запугать «трудностями» революции??

...«В массах нет рвущегося на улицу настроения, как передают все. К признакам, оправдывающим пессимизм, принадлежит также крайне возросшее распространение погромной и черносотенной прессы»...

Когда люди дадут буржуазии запугать себя, тогда, естественно, все предметы и явления окрашиваются для них в желтый цвет. Во-первых, они марксистский критерий движения подменяют интеллигентски-импрессионистским, *на место* политического учета развития классо-

вой борьбы и хода событий во всей стране в целом, в международной обстановке в целом ставят субъективные впечатления о настроении; о том, что твердая линия партии, ее непреклонная решимость *тоже* есть *фактор* настроения, особенно в наиболее острые революционные моменты, об этом, конечно, «кстати» забывают. Иногда людям бывает очень «кстати» забыть, что ответственные руководители своими колебаниями и склонностью сжечь то, чему они вчера поклонялись, вносят самые неприличные колебания и в настроения известных слоев массы.

Во-вторых,—и это в данный момент главное—говоря о настроении масс, бесхарактерные люди забывают добавить,

что «все» передают его, как сосредоточенное и выжидательное;

что «все» согласны насчет того, что по призыву Советов и для защиты Советов рабочие выступят, как один человек;

что «все» согласны насчет сильного недовольства у рабочих нерешительностью центров в вопросе о «последнем, решительном бое», неизбежность коего сознается ясно;

что «все» единодушно характеризуют настроение наиболее широких масс, как близкое к отчаянию, и указывают на факт нарастания анархизма именно на этой почве;

что «все» признают также, что среди сознательных рабочих есть определенное нежелание выходить на улицу *только* для демонстраций, *только* для частичной борьбы, ибо в воздухе носится приближение не частичного, а общего боя, безнадежность же отдельных стачек, демонстраций, давлений испытана и сознана вполне.

И так далее.

Если мы к этой характеристике настроения масс подойдем с точки зрения всего развития классовой и поли-

тической борьбы и всего хода событий за полгода нашей революции, то нам станет ясно, как искажают дело запуганные буржуазией люди. Дело стоит именно не так, как перед 20—21 апреля, 9 июня, 3 июля, ибо тогда было *стихийное возбуждение*, которое мы, как партия, или не улавливали (20 апреля), или сдерживали и оформливали в мирную демонстрацию (9 июня и 3 июля). Ибо мы хорошо знали тогда, что Советы *еще* не наши, что крестьяне *еще* верят пути либердановско-черновскому, а не пути большевистскому (восстанию), что, следовательно, за нами большинства народа быть не может, что, следовательно, восстание преждевременно.

Тогда у большинства сознательных рабочих вопроса о последнем решительном бое *не* возникало вовсе; нет ни одной коллегии из партийных коллегий вообще, которая бы этот вопрос ставила. А у малосознательной и очень широкой массы не было ни сосредоточенности, ни решимости отчаяния, а было именно стихийное *возбуждение* с наивной надеждой просто «выступлением», просто демонстрацией «повлиять» на Керенских и буржуазию.

Для восстания нужно не это, а сознательная, твердая и непреклонная решимость сознательных биться до конца, это—с одной стороны. А, с другой стороны, нужно сосредоточенно-отчаянное настроение широких масс, которые *чувствуют*, что полумерами ничего теперь спасти нельзя, что «повлиять» никак не повлияешь, что голодные «разнесут все, размозжат все даже по-анархически», *если* не сумеют руководить ими в решительном бое большевики.

Именно к этому сочетанию наученной опытом сосредоточенности сознательных и близкого к отчаянию настроения ненависти к локаутчикам и капиталистам у широчайших масс развитие революции привело на деле *и* рабочих *и* крестьянство.

Именно на этой почве понятен также «успех» подделывающихся под большевизм негодяев черносотенной печати. Что черные злорадствуют при виде приближающегося решительного боя буржуазии с пролетариатом, это бывало всегда, это наблюдалось во всех без всякого изъятия революциях, это абсолютно неизбежно. И если *этим* обстоятельством давать себя запугивать, тогда надо отказаться не только от восстания, но и пролетарской революции вообще. Ибо *не* может в капиталистическом обществе быть такого нарастания этой революции, которое бы *не* сопровождалось злорадством черной сотни и ее надеждами погреть себе руки.

Сознательные рабочие прекрасно знают, что черная сотня с буржуазией работают рука об руку и что решительная победа рабочих (в которую мелкие буржуа не верят, которой капиталисты боятся, которой черносотенцы иногда из злорадства желают, уверенные, что большевики не удержат власти), что эта победа черную сотню *раздавит* до конца, что власть большевики *сумеют* удержать твердо и к величайшей пользе для всего измученного и истерзанного войной человечества.

В самом деле, кто же из не сошедших с ума людей может сомневаться в том, что *Родзянки* и Суворины действуют вместе? что между ними распределены роли?

Разве факты не доказали, что по указке Родзянки действует Керенский, а «Государственная типография Российской республики» (не шутите!) печатает на казенный счет черносотенные речи черносотенцев «Государственной Думы»? Разве этого факта не разоблачили *даже* лакействующие перед «своим человечком» лакеи из «Дела Народа»? Разве опыт *всех* выборов не доказал полнейшей поддержки «Новым Временем», продажной газетой, царскопомещичьими «интересами» направляемой газетой, кадетских списков?

Разве мы не читали вчера, что торгово-промышленный

капитал (беспартийный, конечно, о, разумеется, беспартийный, ведь Вихляевы и Ракитниковы, Гвоздевы и Никитины коалируют не с кадетами, боже упаси, а с *беспартийными* торгово-промышленными кругами!) отвалил 300.000 р. кадетам?

Вся черносотенная пресса, если смотреть на вещи с классовой, а не сантиментальной точки зрения, есть *отделение* фирмы «Рябушинский, Милюков и К⁰». Капитал покупает себе, с одной стороны, Милюковых, Заславских, Потресовых и прочее, а, с другой стороны, черносотенцев.

Никакого иного средства покончить с этим безобразнейшим отравлением народа ядом дешевой черносотенной заразы быть не может, кроме *победы пролетариата.*

И можно ли удивляться тому, что измученная и истерзанная голодом и затягиванием войны толпа «хватается» за черносотенный яд? Можно ли мыслить себе капиталистическое общество накануне краха *без* отчаяния в среде угнетенных масс? И может ли отчаяние масс, среди которых не мало темноты, *не* выражаться в увеличенном сбыте всякого яда?

Нет, безнадежна позиция тех, кто, толкуя о настроении масс, свою личную бесхарактерность сваливает на массы. Массы делятся на сознательно выжидающих, на бессознательно готовых впасть в отчаяние, но массы угнетенных и голодных *не* бесхарактерны.

...«Марксистская партия, с другой стороны, не может сводить вопрос о восстании к вопросу о военном заговоре»...

Марксизм есть чрезвычайно глубокое и разностороннее учение. Неудивительно поэтому, что *обрывки* цитат из Маркса,—особенно если приводить цитаты *не*кстати,—можно встретить всегда среди «доводов» тех, кто рвет

с марксизмом. Военный заговор есть бланкизм, *если* его устраивает не партия определенного класса, *если* его устроители не учли политического момента вообще и международного в особенности, *если* на стороне этой партии нет доказанного объективными фактами сочувствия большинства народа, *если* развитие событий революции не привело к практическому опровержению соглашательских иллюзий мелкой буржуазии, *если* не завоевано большинство признанных «полномочными» или иначе себя показавших органов революционной борьбы вроде «Советов», *если* в армии (буде дело происходит во время войны) нет вполне назревшего настроения против правительства, затягивающего несправедливую войну против воли народа, *если* лозунги восстания (вроде «вся власть Советам», «земля крестьянам», «немедленное предложение демократического мира всем воюющим народам в связи с немедленной же отменой тайных договоров и тайной дипломатии» и т. п.) не приобрели широчайшей известности и популярности, *если* передовые рабочие не уверены в отчаянном положении масс и в поддержке деревни, поддержке, доказанной серьезным крестьянским движением, или восстанием против помещиков и защищающего их правительства, *если* экономическое положение страны внушает серьезные надежды на благоприятное разрешение кризиса мирными и парламентскими средствами.

Пожалуй, довольно?

В своей брошюре: «Удержат ли большевики государственную власть?» (я надеюсь, что она на-днях выйдет уже в свет) я привел цитату из Маркса, действительно относящуюся к вопросу о восстании и определяющую признаки восстания как «искусства».

Я готов биться о заклад, что если предложить раскрыть рот тем болтунам, которые кричат теперь в России против военного заговора, и призвать их к объ-

яснению разницы между «искусством» вооруженного восстания и осуждения достойным военным заговором, то они либо повторят сказанное выше, либо осрамят себя и вызовут всеобщий смех рабочих. Попробуйте-ка, любезные тоже-марксисты! Спойте нам песенку *против* «военного заговора»!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Предыдущие строки были уже написаны, когда я получил в 8 час. вечера, во вторник, утренние питерские газеты со статьей г. В. Базарова в «Новой Жизни». Г. В. Базаров утверждает, что «по городу пущен в рукописи листок, высказывающийся от имени двух видных большевиков против выступления».

Если это правда, то я прошу товарищей, в руки которых это письмо не может попасть раньше полудня в среду, *напечатать его* возможно скорее.

Оно писалось не для печати, а только для беседы с членами партии по переписке. Но если непринадлежащие к партии и тысячу раз осмеянные ею за презренную бесхарактерность герои из «Новой Жизни» (третьего дня голосовавшие за большевиков, вчера за меньшевиков и *почти* объединившие их на всемирно-знаменитом объединительном съезде), если подобные субъекты получают *листок* от членов нашей партии, агитирующих против восстания, тогда молчать нельзя. Надо агитировать и *за* восстание. Пускай анонимы вылезают окончательно на свет божий и понесут заслуженное ими за их позорные колебания наказание хотя бы в виде насмешек всех сознательных рабочих. Я имею в своем распоряжении только час времени до отсылки настоящего письма в Питер и потому только в двух словах отмечу один «прием» печальных героев безголового «новожизненства». Г. В. Базаров пробует полемизировать с тов. Рязановым, который сказал и сказал тысячу раз

правильно, что «восстание подготовляют все те, кто создает в массах настроение отчаяния и индифферентизма».

Печальный герой печального дела «возражает»:

«Разве отчаяние и индифферентизм когда-либо побеждали?»

О, презренные дурачки из «Новой Жизни»! Они знают *такие* примеры восстания в истории, когда массы угнетенных классов побеждали в отчаянном бою, не будучи долгими страданиями и крайним обострением кризисов всякого рода доведены до отчаяния? Когда эти массы не охватывал индифферентизм (равнодушие) к разным лакейским предпарламентам, к пустой игре в революции, к низведению Либерданами Советов с органов власти и восстания до роли пустых говорилен?

Или, может быть, презренные дурачки из «Новой Жизни» открыли у масс *равнодушие*... к вопросу о хлебе? о затягивании войны? о земле для крестьян?

Написано 29 и 30 (16 и 17) октября 1917 г.
«Рабочий Путь» №№ 40, 41 и 42,
1, 2 и 3 ноября (19, 20 и 21 октября) 1917 г.
Подпись: Н. Ленин.

Печатается по тексту 2 и 3-го изд.
Сочинений, т. XXI, стр. 334—349.

ПИСЬМО В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. С.-Д. Р. П.

Дорогие товарищи!

Уважающая себя партия не может терпеть штрейкбрехерства и штрейкбрехеров в своей среде. Это очевидно. А чем больше вдуматься в выступления Зиновьева и Каменева в непартийной прессе, тем более бесспорно становится, что их поступок представляет из себя полный состав штрейкбрехерства. Увертка Каменева на заседании Петроградского Совета есть нечто прямо низкое; он, видите ли, вполне согласен с Троцким. Но неужели трудно понять, что Троцкий *не мог*, не имел права, не должен перед врагами говорить больше, чем он сказал. Неужели трудно понять, что *долг* партии, скрывшей от врага *свое* решение (необходимости вооруженного восстания, о том, что оно вполне назрело, о всесторонней подготовке и т. д.), что это решение *обязывает* при публичных выступлениях не только вину, но и почин сваливать на противника. Только дети могли бы не понять этого. Увертка Каменева просто жульничество. То же самое надо сказать про увертку Зиновьева. По крайней мере его «оправдывающееся» письмо (кажется, в Центральном

органе), письмо, которое я только и видел (ибо особого мнения, якобы особого мнения, о коем трубит *буржуазная* печать, я, член Ц. К., *до сих пор* не видал). Из «доводов» Зиновьева: Ленин рассылал свои письма «до принятия каких бы то ни было решений», и вы не протестовали. Так буквально пишет Зиновьев, подчеркивая сам четырьмя чертами слово *до*. Неужели трудно понять, что *до* решения центром вопроса о стачке агитировать и за и против можно, а *после* решения в пользу стачки (после добавочного решения скрыть это от врага), после этого агитировать против стачки есть штрейкбрехерство? Всякий рабочий поймет это. Вопрос о вооруженном восстании обсуждался в центре с сентября. Вот когда Зиновьев и Каменев могли и *должны* были выступать письменно, чтобы *все*, видев их доводы, чтобы *все* оценили их полную растерянность. Прятать свои взгляды от партии целый месяц *до* принятия решения и рассылать особое мнение *после* решения—значит, быть штрейкбрехером.

Зиновьев прикидывается непонимающим этой разницы, непонимающим того, что после решения о стачке, решения центра, лишь штрейкбрехеры могут агитировать перед низшими инстанциями против решения. Всякий рабочий поймет это.

А Зиновьев именно агитировал и срывал решения центра как на воскресном собрании, где он и Каменев ни одного голоса не приобрели, так и в своем теперешнем письме. Ибо Зиновьев имеет бесстыдство утверждать, что «партия не опрошена» и что такие вопросы «не решаются десятью человеками». Подумайте только. Все цекисты знают, что на решающем собрании присутствовало больше десяти членов Ц. К., что присутствовало *большинство пленума*, что сам Каменев на этом собрании заявил: «Это собрание решающее», что про отсутствующих членов Ц. К. было досконально из-

вестно, что *большинство* из них *не согласно* с Зиновьевым и Каменевым. И вот *после* решения Ц. К. на собрании, которое Каменев признал *решающим*, член Ц. К. имеет наглость писать: «Партия не опрошена», «Такие вопросы десятью не решаются»; это полный состав штрейкбрехерства. До съезда партии решает Ц. К. Ц. К. решил. Каменев и Зиновьев, не выступавшие письменно *до* решения, стали *оспаривать* решение Ц. К. *после* того, как оно состоялось.

Это есть полный состав штрейкбрехерства. После принятия решения никакое оспорение *недопустимо*, раз дело касается немедленной и *тайной* подготовки к стачке. Зиновьев имеет наглость на *нас* сваливать теперь «предупреждение неприятеля». Где же граница бесстыдству? Кто, в самом деле, испортил дело, сорвал стачку «предупреждением неприятеля», как не люди, выступившие в *непартийной* прессе?

В газете, которая по *данному* вопросу идет за одно со всей буржуазией, выступать *против* «решающего» постановления партии.

Если терпеть это, то партия невозможна, партия разбита.

Называть «особым мнением» то, что узнает и пропечатывает Базаров в непартийной газете—это значит издеваться над партией.

Выступление Каменева и Зиновьева в непартийной печати было особенно подло еще потому, что их *кляузную ложь* партия не может опровергнуть открыто: мне неизвестны решения о сроке, пишет и печатает от своего и Зиновьева имени Каменев. (Зиновьев вполне ответственен за все поведение и выступление Каменева после такого заявления.)

Как может Ц. К. опровергнуть это?

Мы не можем сказать перед капиталистами правды, именно, что мы *решили* стачку и решили *скрыть выбор момента* для нее.

Мы не можем опровергнуть кляузной лжи Зиновьева и Каменева, *не вредя еще больше делу*. В том-то и состоит безмерная подлость, настоящее изменничество обоих этих лиц, что они перед капиталистами выдали план стачечников, ибо раз мы молчим в печати, всякий догадается, *как* стоит дело.

Каменев и Зиновьев *выдали* Родзянке и Керенскому решение Ц. К. своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания, выбора срока для вооруженного восстания. Это факт. Никакими увертками нельзя опровергнуть этого факта. Двое членов Ц. К. кляузной ложью перед капиталистами *выдали* им решение рабочих. Ответ на это может и должен быть один: немедленное решение Ц. К.:

«Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, Ц. К. исключает обоих из партии».

Мне нелегко писать это про бывших близких товарищей, но колебания я считал бы здесь преступлением, ибо иначе партия революционеров, не карающая видных штрейкбрехеров, *погибла*.

Вопрос о вооруженном восстании, даже если его надолго отсрочили выдавшие дело Родзянке и Керенскому штрейкбрехеры, не *снят*, не снят партией. Как же можно готовиться к вооруженному восстанию и готовить его, *терпя* в своей среде «видных» штрейкбрехеров? Чем виднее, тем *опаснее*, тем более недостойно «прощать», говорят французы. Изменником может стать лишь *свой* человек.

Чем «*виднее*» штрейкбрехеры, тем обязательнее немедля карать их исключением.

Только так можно оздоровить рабочую партию, очиститься от дюжины бесхарактерных интеллигентиков, сплотив ряды революционеров, идти навстречу великим

и величайшим трудностям, идти *с революционными рабочими.*

Мы не можем напечатать правды: что *после* решающего собрания Ц. К. Зиновьев и Каменев имели наглость требовать *пересмотра* на воскресном собрании, что Каменев бесстыдно кричал: «Ц. К. провалился, ибо за неделю ничего не сделал» (опровергать я *не* мог, ибо сказать, *что именно сделано*, нельзя), а Зиновьев с невинным видом предлагал проваленную собранием резолюцию: «Не выступать до совещания с большевиками, имеющими приехать 20-го на съезд Советов».

Подумать только: после решения *центром* вопроса о стачке предлагать собранию низов отложить его и передать (к съезду 20-го, а съезд отложили потом... Зиновьевы верят Либерданам), передать *такой* коллегии, которой устав партии не знает, которая над Ц. К. *не* властна, которая Питера *не* знает.

И после этого еще Зиновьев имеет наглость писать: «Так едва ли укрепляют единство партии».

Извольте это назвать иначе, как угрозу расколом.

Я на такую угрозу отвечаю, что пойду до конца, добьюсь себе свободы слова перед рабочими и, *во что бы то ни стало*, буду клеймить штрейкбрехера Зиновьева как штрейкбрехера. На угрозу раскола я отвечаю объявлением войны до конца, за исключение обоих штрейкбрехеров из партии.

Правление профессионального союза после *месячных* дебатов решило: стачка неизбежна и назрела, срок скроем от хозяев. После этого двое из правления идут *в низы* оспаривать решение и проваливаются. Тогда двое идут в печать перед капиталистами и выдают посредством кляузной лжи решение правления, срывая этим стачку на добрую половину или оттягивая ее до худшего времени, предупреждая неприятеля.

Вот полный состав штрейкбрехерства. И вот почему я требую исключения обоих штрейкбрехеров, сохраняя за собой право (ввиду их угрозы расколом) *все* опубликовать, когда можно будет публиковать.

Написано 1 ноября (19 октября) 1917 г.
Впервые напечатано 1 ноября 1927 г.
в «Правде» № 250

Печатается по тексту 2 и 3-го изд.
Сочинений, т. XXI, стр. 353—356.

ПИСЬМО ЧЛЕНАМ Ц.К.

Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!

Цена взятия власти тотчас: защита *народа* (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от Корниловского правительства, которое прогнало Верховского и составило второй Корниловский заговор.

Кто должен взять власть?

Это сейчас не важно: пусть ее возьмет Военно-Революционный Комитет «или другое учреждение», которое заявит, что сдаст власть только истинным пред-

ставителям интересов народа, интересов армии (предложение мира тотчас), интересов крестьян (землю взять должно тотчас, отменить частную собственность), интересов голодных.

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-Революционный Комитет, в Ц. К. большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все.

Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их.

Это доказала история всех революций, и безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит *спасение революции*, предложение мира, спасение Питера, спасение от голода, передача земли крестьянам.

Правительство колеблется. Надо *добить* его, во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно.

Написано 6 ноября (24 октября) 1917 г.

Печатается по тексту 2 и 3-го изд. Сочинений, т. XXI, стр. 362—363.

ЗАСЕДАНИЕ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА Р. и С.Д.

7 ноября (25 октября) 1917 г.

1.

ДОКЛАД О ЗАДАЧАХ ВЛАСТИ СОВЕТОВ

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат, и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Одной из очередных задач наших является необходимость немедленно закончить войну. Но для того, чтобы кончить эту войну, тесно связанную с нынешним

капиталистическим строем,—ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал.

В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии.

Справедливый, немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик в международных пролетарских массах. Для того, чтобы укрепить это доверие пролетариата, необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры.

Внутри России громадная часть крестьянства сказала: довольно игры с капиталистами,—мы пойдем с рабочими. Мы приобретем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими спасение крестьянства. Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством.

Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция. У нас имеется та сила массовой организации, которая победит все и доведет пролетариат до мировой революции.

В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!

2.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда. Совет в особенности подчеркивает ту сплоченность, организацию, дисциплину, то полное единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании.

Совет, выражая непоколебимую уверенность, что рабочее и крестьянское правительство, которое, как Советское правительство, будет создано революцией и которое обеспечит поддержку городскому пролетариату со стороны всей массы беднейшего крестьянства, что это правительство твердо пойдет к социализму, единственному средству спасения страны от неслыханных бедствий и ужасов войны.

Новое рабочее и крестьянское правительство немедленно предложит справедливый демократический мир всем воюющим народам.

Оно немедленно отменит помещичью собственность на землю и передаст землю крестьянству. Оно создаст

рабочий контроль над производством и распределением продуктов и установит общенародный контроль над банками, вместе с превращением их в одно государственное предприятие.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов призывает всех рабочих и все крестьянство со всей энергией беззаветно поддержать рабочую и крестьянскую революцию. Совет выражает уверенность, что городские рабочие, в союзе с беднейшим крестьянством, проявят непреклонную товарищескую дисциплину, создадут строжайший революционный порядок, необходимый для победы социализма.

Совет убежден, что пролетариат западно-европейских стран поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы.

Напечатано 8 ноября (26 октября) 1917 г. в «Известиях Ц. И. К.» № 207.

Печатается по тексту 2 и 3-го изд. Сочинений, т. XXII, стр. 4–6.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *«Единство»* — газета Г. В. Плеханова, издававшаяся при участии Алексинского в Петрограде в 1917 г. Газета стояла на ультра-шовинистической позиции, отстаивая победу над Германией и призывая во имя ее русских рабочих воздерживаться от всяких выступлений против Временного Правительства. «Единство» вело бешеную агитацию против большевиков и отстаивало коалицию с кадетами. Впоследствии группа «Единство» в блоке с другими буржуазными партиями участвовала в контр-революционных организациях и работала на Деникина и Колчака.—25.

[2] 4 августа (нов. ст.) 1914 г. парламентская фракция германской с.-д. партии голосовала в рейхстаге за предоставление правительству военных кредитов.— 26.

[3] Вл. Ильич имеет в виду книгу Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Первое издание по-немецки вышло в 1884 г.— 110.

[4] *«Известия Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов»* — официальный орган Совета Кр. Д., выходил в Петрограде с 22 (9) мая 1917 г., редактором состоял Н. Я. Быховский. Газета находилась в руках правого крыла социалистов-революционеров (председателем Совета Крестьянских Депутатов состоял правый эсер Авксентьев), отражая их политику коалиция с буржуазией и оппортунизм в аграрном вопросе, сводив-

шийся к отказу от собственной программы («не брать земли до Учредительного Собрания»), и социал-патриотизм.— 137.

[5] В статье «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», впервые напечатанной в № 10 «Neue Zeit» за 1894 г., Фр. Энгельс говорит: «Во-первых, безусловно правильно следующее положение французской программы: мы заранее предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но ни в коем случае не призваны ускорять ее каким-нибудь вмешательством с нашей стороны. А во-вторых, точно так же очевидно, что, обладая государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это мы вынуждены будем сделать с крупными земледельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде в том, чтобы их частичное производство и частную собственность перевести на товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели». (Издание Р.С.-Д.Р.П. под редакцией и с предисловием Г. Плеханова. Женева, 1904 г., стр. 32).— 145.

[6] Письма Ленина «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» обсуждались на заседании Центрального Комитета большевиков 28 (15) сентября 1917 г. Протокол заседания Ц. К. сохранил следующую запись: «Порядок дня. Письма Ленина. Решено в ближайшее время назначить собрание Ц. К., посвященное обсуждению тактических вопросов. Тов. Сталин предлагает разослать письма в наиболее важные организации и предложить обсудить их. Решено перенести на ближайшее заседание Ц.К. Ставится на голосование вопрос, кто за то, чтобы был сохранен только один экземпляр писем. За—6, против—4, воздержалось—6. Л. Каменевым вносится предложение принять следующую резолюцию: «Ц. К., обсудив письма Ленина, отвергает заключающиеся в них практические предложения, призывает все организации следовать только указаниям Ц.К. и вновь подтверждает, что Ц.К. находит в текущий момент совершенно недопустимым какие-либо выступления на улице. Ц. К. вместе с тем обращается к т. Ленину с требованием разработать в особой брошюре поставленный в его письмах вопрос об оценке текущего момента и политике партии». Резолюция отвергается. В заключение принимается постановление: «Членам Ц. К., ведущим работу в Военной организации и в П. К., поручается принять меры к тому, чтобы не возникло каких-либо выступлений в казармах и на заводах» («Протоколы Центрального Комитета Р.С.-Д.Р.П.». «Пролетарская Революция» № 10 (69), 1927 г.).

На указанном заседании ЦК Каменев и Зиновьев выступали против вооруженного восстания. На последующих заседаниях ЦК 10 (23) и 16 (29) октября 1917 г. Каменев и Зиновьев опять выступают против организации вооруженного восстания. Каменев с согласия Зиновьева 18 (31) октября 1917 г. публикует в меньшевистской газете «Новая жизнь» заметку, в которой выдает буржуазии секретное решение партии. Это был предательский, штрейкбрехерский поступок Каменева и Зиновьева, целиком вытекавший из их неверия и борьбы против социалистической революции и победы социализма в одной стране.—147.

[7] После того, как успех восстания в Петрограде уже определился и власть фактически перешла в руки В.-Р.К., последний собрал в 2 ч. 30 м. дня 7 ноября (25 октября) заседание Петроградского Совета Р. и С. Д. для оформления перехода власти к Советам. Сделав доклад, Ленин покинул заседание. Печатаемая резолюция была оглашена В. В. Володарским и после небольших прений принята громадным большинством голосов.—269.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Письма из далека	7
О задачах пролетариата в данной революции	21
О двоевластии	29
Письма о тактике	35
Задачи пролетариата в нашей революции	53
К лозунгам	105
Уроки революции	117
Крестьяне и рабочие	137
Большевики должны взять власть	149
Марксизм и восстание	155
Удержат ли большевики государственную власть?	165
Советы постороннего	225
Письмо к товарищам	231
Письмо в Центральный Комитет Р.С.-Д.Р.П.	257
Письмо членам Ц.К.	265
Заседание Петроградского совета Р. и С.Д.	269
Резолюция	271
Примечания	273

Под наблюдением редактора *Д. Розанова*
Технический редактор *М. Пиотрович*

Подписано к печати с матриц 31/X 1936 г. Уполн. Главл. № Б-21570. Партиздат № 167. Формат 72×110 32. 8¼ п. л. (126 480 п. знаков в 1 б. л.). 4⅜ бум. л. Заказ № 963. Гираж 25 тыс. Бумага ф-ки им. *Менжинского*

Цена 75 к. Переплет бумажный 50 коп., ледериновый 75 коп.

Фабрика книги «Красный пролетарий» Партиздата ЦК ВКП(б). Москва, Краснопролетарская, 16.

Northwestern University - ASK